

FIRST PUBLICATION IN ANY FORM!

CONAN

Lord of the Black River

BY
**Leonard
Carpenter**

Danger Lurks
on the
River of Death!

TOR

ISBN 0-88677-638-0 \$3.95 CAN

Annotation

Колдунья Зерити насыщает на столицу Шема страшные кошмары. Спасение — в серебристом лотосе, за которым и отправляется Конан к верховьям Стикса.

- [На запретном берегу](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

На запретном берегу

Пролог

Принцессу мучили кошмары.

Она металась и стонала, не в силах вырваться из когтей ночного морока. В комнате было жарко натоплено, но девочку бил озноб. Холодный пот стекал по бледному лбу. Сон был безумен и сумбурен: принцессе грезилось, будто ее уносит бурный речной поток. Но вместо воды речное русло наполняли пепел и горячая зола. Крохотные угольки жгли кожу, словно туча маленьких разъяренных пчел.

Но страшнее удущивого, горячего потока были его обитатели. Вокруг метались тела чудовищ: девочка видела то огромные плавники, то чешуйчатые когтистые лапы, то плоские морды с круглыми рыбьими глазами. Из черной реки выныривали и скалились тысячетузиные пасти, слепо таращились выпущенные глаза размером с большую серебряную монету.

Влажные простыни облепили тело, девочка еле шевелилась в этом шелковом кокону, тщетно пытаясь высвободиться; тихие стоны звучали хрипло, словно зола и песок наяву забивали принцессе гортань.

Но как ни тихи были эти звуки, они все же разбудили старшую няньку, и она, как была, в ночной рубашке, побежала в спальню принцессы, где лунный свет превращал в зловещую паутину тени от кружевных занавесок. Старуха испуганно затрясла девочку за плечо:

— Госпожа Исмаэла! Проснись, проснись же! Что с тобой, дитя мое?

Но Исмаэла слышала только шум реки, чье стремительное течение уносило ее к раскаленным, пыщущим жаром горам. Лава огненными ручьями текла по склонам вулканов, камни горели и плавились, нестерпимый жар обжигал ей кожу. Между вулканами, в глубоких расселинах, искарились огромные глыбы льда. Река несла принцессу все дальше и дальше, бедняжку бросало то в жар, то в холод.

— Исмаэла, что за хворь напала на тебя? Очнись, скажи мне хоть слово!

Нянька засветила маленькую лампу, разбудила одну из служанок и послала за королевой. Вскоре в спальню принцессы вбежала взволнованная мать, медноволосая королева Руфия. Из-под спешно наброшенного парчового халата выглядывали ночные одежды. Присев на край кровати, она склонилась над дочкой, сжав ее виски в дрожащих ладонях. Но Черная река не отпускала принцессу.

— Она была совершенно здорова этим вечером, — причитала нянька. — Такая веселая! И вот — опять этот кошмар! Бедное дитя, я услышала ее стоны за двумя дверьми!

— Она вся в поту, — прошептала королева. — Это лихорадка. Беги, разбуди моего лекаря. Каспиус скажет нам, что делать.

А река уносила принцессу все дальше и дальше в зловонную долину с чахлыми гниющими деревьями. Над долиной высился каменный уступ. На его вершине маячила древняя гробница, полуразрушенный алтарь стоял меж высоких каменных столбов с изображениями змей и скалящихся черепов.

Перед алтарем, простирая руки к принцессе, возник ужасный призрак: ведьма со змеиной чешуйчатой кожей и развевающимися на ветру спутанными волосами цвета воронова крыла. Платье из черной блестящей кожи обтягивало фигуру ведьмы от горла до пят. Растопыренные пальцы источали бледный свет сквозь черное кружево перчаток. Как ни сопротивлялась Исмаэла, она не могла отвести взгляда от этого обольстительно-кошмарного лица. Темная, как сама тьма, ведьма стояла возле огня, горящего на алтаре, и приветствовала девочку улыбкой, от которой кровь стыла в жилах. Она протягивала к ней гибкие руки, кивала и смеялась — и смех этот резал слух, как визг пилы или свист плети.

Каспиус, королевский медик и прорицатель, считался полноправным членом семьи Афратеса, короля Баалура, города-государства на окраине Шема. Поднятый с постели среди ночи, он не стал тратить время на расспросы испуганной няньки, а надел первое, что подвернулось под руку, и поспешил в покой принцессы. Осмотрев девочку, он велел призвать слуг и долго допрашивал их: не тревожилась ли Исмаэла последние дни, хорошо ли спала, с аппетитом ли ела. Затем он послал в свой кабинет за всем необходимым и, сверяясь с последними записями, начерно набросал гороскоп принцессы.

К удивлению королевы, Каспиус не назначил никакого лекарства и не взялся изгонять вселившегося демона. Велел лишь обложить девочку холодными компрессами, постоянно менять их и по возможности запоминать каждое слово, слетающее с губ принцессы. Потом удалился в свой кабинет и принялся рыться в древних книгах.

К утру принцессе стало заметно легче. Она перестала метаться, дыхание выровнялось. С первыми лучами солнца, проникшими в маленькую спальню, она очнулась и открыла глаза. Узнав об этом, Каспиус оставил книги и поспешил к ее постели.

— Ну, дитя, тебе лучше? — ласково обратился к принцессе лекарь, дотрагиваясь до бледного лба в обрамлении золотистых кудряшек. — Кажется, этой ночью тебе приснился страшный сон?

— Да, ужасный, — пробормотала Исмаэла. — Меня уносил поток... Темная, горячая вода... а может быть, и не вода. Я плыла так долго... мимо гор и деревьев... и снова гор... как будто река кружила на одном месте... Какая-то ведьма хотела схватить меня.

— Ты говоришь... ведьма? Как она выглядела?

— Это была стигийка — бледная, черноволосая, такая прекрасная и... злая. Позади нее горел огонь на каком-то странном алтаре. У ведьмы было кожаное платье и черная паутина на руках. А волосы развевались на ветру, такие спутанные и густые!..

— Ну-ну, девочка, успокойся, это всего лишь сон, — поспешил сказал Каспиус, видя, что принцесса смотрит в пустоту расширившимися от ужаса глазами.

Он проследил за ее взглядом: девочка смотрела на песочные часы на маленьком столике перед кроватью. Черные песчинки насыпали маленькую пирамидку, тоненькая струйка сверкала крошечной живой змейкой. Лекарь переменил позу, чтобы заслонить собою часы, и незаметно сделал знак убрать их из спальни.

— Ты в безопасности, дитя мое, — сказал Каспиус ласково.

— А за алтарем и огнем, — не слушая его, продолжала Исмаэла, — была гробница, и в ней... сидело НЕЧТО... оно смотрело на меня! Вот я закрываю глаза и вижу это, словно наяву.

— Гробница? — пробормотал Каспиус, нахмурившись. Затем улыбнулся девочке и взъерошил ее влажные волосы. — Ну-ка, выпей вот это, Исмаэла. Пей, не морщись, будь умницей.

— Хорошо, — сказала принцесса, послушно выпивая микстуру. — Но этот сон... — Она подняла на лекаря большие глаза. — Каспиус, он вернется?

— Сейчас ты будешь спать без снов, — заверил ее лекарь. — Ничего не бойся. А к вечеру я составлю тебе лекарство, ты выпьешь его, поправишься, и тебе будут сниться только хорошие сны. — Он нагнулся и поцеловал Исмаэлу в горячий лоб, улыбаясь мудро и уверенно, — но королева видела, что в глазах его этой уверенности нет.

Поднявшись, он вывел королеву, так и не сомкнувшую глаз всю ночь, в соседнюю комнату.

— Полагаю, госпожа, следует созвать небольшой совет, — негромко проговорил лекарь. — Если будет угодно вашему величеству, я буду ждать вас и короля через час в дворцовой библиотеке.

Глава 1

ВОССТАНИЕ

Осада замка барона Рэгли началась на рассвете. С первыми лучами солнца над цепью холмов, окружавших утес, на котором высился замок, появились жители окрестных сел, восставшие против жестокого хозяина. Собрались все от мала до велика: мужчины в домотканых рубахах под заношеными кожаными куртками, дородные женщины, управляемые с вилами и мотыгами не хуже мужей, широкоплечие деревенские парни и румяные девицы с тугими косами до пояса. Вооруженные частично луками, а частично — вилами, топорами и мотыгами, селяне шли на замок, выставив перед собой деревянные щиты, обтянутые бычьими шкурами, волоча лестницы и наскоро сделанные осадные машины.

Над замком зазвучали рога, туча стрел посыпалась из бойниц на нападающих. Первая волна откатилась назад и встала в отдалении, закрывшись, щитами. Тем временем подтянулись остальные, и восставшие выстроились на гребне холмов со сноровкой, неожиданной для нерасторопной деревенщины. Снова взревели рога, за ними последовали новые выстрелы, но повстанцы уже оказались вне досягаемости.

Затем прозвучали слова команды, строй повстанцев распался на отдельные отряды, рассыпавшиеся по холмам. Вскоре замок был окружен. И тогда зазвенел клич:

— Вперед, свободные жители Кофа! Во имя жизни и мести — вперед! Выбейте лучников с башен!

Одним из отрядов командовал черноволосый синеглазый гигант. Его загорелая, но более бледная, чем у остальных, кожа выдавала в нем северянина. На голову выше самого высокого из повстанцев, он к тому же единственный из всех был по-настоящему вооружен. Спутанная копна длинных черных волос выбивалась из-под остроконечного шлема, обвязанного чалмой на турайский манер. Поверх кожаной безрукавки была надета кольчуга из стальных пластин, оставляя обнаженными руки с чудовищными буграми мышц, сплошь покрытые шрамами — следами бесчисленных сражений. На левом бедре у великана висел меч, на правом — кинжал и секира; кожаный мешочек с кхитайскими шурикенами довершал вооружение.

Но пока что оружие праздно висело на поясе, а в руках северянина сжимал огромный боссонский лук размером со среднего мужчину. Рядом, на ветке чахлого деревца, приютившегося на скале, висел колчан, полный чернооперенных стрел. Гигант доставал стрелы одну за другой и посыпал в сторону защитников замка. Лицо его было совершенно спокойно, движения — размеренны и четки, сразу видно — это опытный и бывалый воин. Ни одна из стрел не миновала своей цели.

Тем временем отряд, раззадоренный свирепыми криками северянина, под прикрытием лучников ринулся к стенам замка, где стрелы, дождем сыплющиеся с башен, уже не могли причинить вреда.

— Похоже, они на верном пути, — услышал стрелок рядом с собой чей-то голос. — Славных ты набрал парней! Я уже не говорю о прекрасных дамах. Сдается мне, это наш день. Но что ж мы стоим, Конан? Я полагал, мы возглавим атаку?

— Здесь от нас будет больше толку, — ответил стрелок, в очередной раз спуская тетиву. Взвизгнула стрела, всparывая воздух, и с башни упал еще один лучник: деревко с черным оперением торчало у воина из горла. От следующего выстрела вскрикнул и упал за бойницей еще один защитник замка. — С холма у меня все башни как на ладони. Присоединяйся, Тедран, славно повеселимся.

Чуть ниже по холму стояли деревенские лучники, поддерживая штурмующих непрерывным дождем стрел, но их стрельба была беспорядочна и по большей части не представляла серьезной опасности для противника, тогда как сами стрелки почти все получили ранения — луки и арбалеты защитников замка били гораздо дальше. На глазах повстанцев гибли их братья, жены, дети, родные; слезы застили лучникам глаза, и стрелы предательски дрожали в неверных руках.

— Они уже ставят лестницы! Великолепно! Похоже, мы не уйдем сегодня с пустыми руками, — заметил Конан, выпуская еще одну стрелу. Она вонзилась в грудь всадника, в этот миг въехавшего на башню. Судя по обилию золота на доспехах и оружии, это был начальник гарнизона крепости. С хрипом он выронил из рук боевой топор, которым намеревался снести голову одному из осаждающих, с ловкостью ящерицы карабкавшемуся по лестнице.

Короткая арбалетная стрела ткнулась в камень у ног северянина, выбив сноп искр. Конан тут же развернулся и выстрелил в одну из нижних бойниц. Короткий крик боли известил, что с этой стороны никто больше не потревожит.

В глазах Тедрана вспыхнул огонь азарта.

— Смотри, киммериец, они уже взбираются на башни — вон там и там! Нам бы следовало быть сейчас среди них, а не на этом холме! — кричал он, стискивая морщинистой рукой рукоять своего старого меча. Его седые вьющиеся волосы разевались по ветру, глаза горели яростным, молодым огнем.

— Побереги силы, Тедран. Твоя жизнь дороже, чем твоя смерть: этим парням еще понадобятся убеленные сединами мудрые старцы, чтобы править вместо сверженного барона... Разрази Кром этих ублюдков! — воскликнул он вдруг, взглянувшись в сумятицу битвы. — Дети ослов, разве они не видят, что лестница слишком коротка!

Из полудюжины лестниц, приставленных к стене, одна, совсем рядом с опорной башней замка, второпях была поставлена под слишком малым углом или, быть может, просто соскользнула по гладкой, без щербин, каменной кладке. Между ее верхней ступенью и нижним краем зубчатой стены осталось еще не меньше человеческого роста, но восставшие, ослепленные пылом сражения, лезли на нее один за другим, силясь добраться до башни — и оказались превосходными мишениями для стрел, камней и потоков смолы, летящих в них со стен. Снизу напирали новые ряды, перегруженная лестница зашаталась и оползла еще ниже, добавив неразберихи. Этим воспользовались лучники на стенах, удвоив усилия, и беспомощные повстанцы падали у башни один за другим.

— Гей, вперед, вы, собаки! Вперед, во имя Маннана! Лезьте вверх и сбросьте лучников с башни, пока они не перестреляли этих недоумков! — взревел Конан, ни на миг не прекращая стрельбы.

Один из подстреленных им воинов выпустил из рук высоко занесенный камень, и тот размозжил голову его товарищу, перегнувшемуся через стену. Киммериец рассмеялся коротким злым смехом.

Тем временем осаждающие, вняв призыву своего командира, принялись карабкаться по другим лестницам. Самый быстрый из парней, зажав в зубах длинный нож, поставил ногу на парапет, идущий вдоль стены под зубцами. К нему тут же ринулся один из воинов замка, в кольчуге и шлеме, с тяжелым мечом в руках. Конан выстрелил, и воин упал с пронзенным горлом, но прежде его меч успел опуститься на ничем не защищенную голову селянина, и тот рухнул на товарищей, взбиравшихся по лестнице вслед за ним.

— Клянусь Владыкой Курганов! — прошипел киммериец сквозь стиснутые зубы. — Способны они хоть на что-нибудь? Пока эти деревенские увальни копаются под стенами, мы потеряем не меньше сотни у проклятой башни! Они ждут, что прихвостни барона сами перестреляют друг друга?

Нестойкое преимущество, которое давала повстанцам внезапность нападения, было утеряно. Выстроившиеся вдоль стен воины в кольчугах и латах пиками стаскивали штурмующих со стен, а те немногие, что успевали вскарабкаться, могли противопоставить хорошо обученным и вооруженным воинам только ярость отчаявшегося, загнанного зверя. Видя, как бесцельно гибнут его люди, Конан с рычанием отшвырнул луки ринулся к стенам.

— Ну, Тедран, — крикнул он через плечо старику, — теперь, если тебе и впрямь не терпится подраться, не отставай от меня!

В несколько прыжков киммериец миновал поле битвы, едва не оскальзываясь в лужах крови, не обращая внимания на стоны еще живых и жуткие оскалы мертвых. Тедран, которому прожитые годы не оставили юношеской прыти, пыхтя, трусил вслед за северянином. Несколько стрел просвистели мимо, не причинив великану вреда, хотя одна вонзилась в землю в дюйме от ноги Конана. Из низины под стенами слышался лязг металла, проклятия и стоны. Битва превращалась в бойню, и громада замка, гордо вздымающая неприступные стены, словно усмехалась темной пастью на фоне светлого неба и голубых гор, всеми бойницами и башнями обещая дерзким безумцам мучительную, бесславную смерть.

— А ну, осади назад! — ревел Конан, пробираясь к стенам. — Смотрите и учитесь хоть теперь, дети мулов!

Грубо растолкав селян, бестолково топчушихся на месте под прикрытием больших щитов, Конан перебрался через гору трупов, истыканых стрелами и забитых огромными валунами, и наконец пробился к большой сдвоенной лестнице. На ступенях гроздьями висели осаждающие, не в силах ни подняться вверх из-за ощерившихся над стеной пик, ни спуститься — из-за своих же товарищей, напирающих снизу.

— Вниз, приятель! — рявкнул Конан, ухватив кого-то за лодыжку. Тот в изумлении уставился на своего командира. — Прыгай, я сказал! Вот так. А теперь иди сюда и помоги мне сдвинуть лестницу. Какой осел установил ее на пять шагов от стены!

Видя, что гигант-киммериец подставил спину и собирается двигать и без того громоздкое и неуклюжее сооружение, наиболее сообразительные тоже спрыгнули, но на верхних ступенях еще оставались пять или шесть дюжих парней. Двое или трое ринулись на подмогу, но Конан, напрягая свои огромные мускулы так, что, казалось, кожа у него на руках вот-вот лопнет, рванул лестницу вверх и на себя, едва не сбросив вцепившихся в верхние ступени. Они тотчас же оказались над стеной, вне досягаемости пик, и с радостным ревом посыпались на головы защитникам замка.

— Поджечь верхние перекладины! — крикнул Конан, распрямляясь. — Живее, живее!

Пробившиеся с таким трудом наверх повстанцы не поверили своим ушам: им приказывали сжечь путь к отступлению. Но один из них, наиболее смуглый, живо заработал огнivом, и свежесрубленное смолистое дерево быстро занялось. Это отпугнуло от лестницы воинов с пиками, которые решили, что деревенские дурни совсем лишились рассудка. Побросав пики, бойцы схватились за мечи и ринулись на врага. И тогда снизу прогремела новая команда:

— Теперь наверх, собаки! Вверх, на стены, все до единого, пока огонь не перекинулся ниже!

Не дожидаясь, пока селяне опомнятся, Конан первым полез по ступеням. Наверху уже кипела ожесточенная битва. Рядом с киммерийцем, карабкаясь вверх с ловкостью ящерицы, спешила на выручку своим дородная матrona, вооруженная тяжелым топором, каким обычно вялят деревья. Она опередила Конана всего на полшага, и копье, предназначенное северянину, вылетело из бойницы и вонзилось женшине в грудь. Она зарычала, как раненая волчица, схватившись рукой за древко; ладонь окрасилась кровью, еще мгновение женщина висела, замерев, а затем рухнула вниз, на камни утеса. За это время Конан успел миновать еще несколько футов лестницы и спрыгнуть прямо в бойницу, из которой вылетело копье.

Навстречу ему ринулось сразу несколько воинов. Вместо того чтобы броситься на них, Конан отпрыгнул к лестнице, в два взмаха секирой отсек прогоревшие куски и развернулся к защитникам замка, прикрывая собой тех, кто лез вслед за ним. С мечом в правой руке и секирой в левой он смерчем метался по узкой площадке, отражая удары, сыплющиеся на него со всех сторон.

Вскоре за спиной киммерийца послышались пыхтение и выкрики, и на стену один за другим начали выползать повстанцы. Тогда Конан одним скользящим кошачьим прыжком оказался в самой гуще неожидавших такого оборота воинов. Прежде чем они опомнились, варвар зарубил мечом одного и тяжелым ударом снизу вверх сбросил в проем между зубцами второго.

Продолжая раздавать удары направо и налево, Конан неуклонно продвигался к круглой опорной башне.

Она соединялась со стеной небольшой крытой галереей, слишком узкой и низкой для могучего киммерийца. Отступающие защитники замка успели захлопнуть дверь перед самым носом Конана, и последний его удар секирой, вместо того чтобы снести голову солдату, юркнувшему под каменную арку, пришелся по толстым дубовым доскам. Бросив меч в ножны, киммериец взялся за секиру обеими руками и всерьез принялся за дверь. Под досками оказалось железо. Тогда он подхватил брошенную кем-то на бегу толстую пику и, используя ее как рычаг, стал отжимать железные скобы, удерживающие дверь.

— Конан, берегись!

Огромный снаряд, со свистом рассекая воздух, рухнул на стену у двери, как раз на то место, где мгновение назад стоял варвар. Но прежде чем прозвучал окрик, Конан звериным чутьем уловил опасность, отпрыгнул и вжался в каменную кладку, почти слившись с ней. Снаряд подскочил на помосте и откатился. Это был заостренный кусок толстого дубового ствола в человеческий рост длиной; он наверняка убил бы киммерийца наповал, прилетев с высоты верхней площадки башни, откуда донеслись брань и досадные восклицания. Смекнув, что бревно можно пустить в ход, шестеро или семеро селян схватили его и принялись ритмично раскачивать, используя как таран.

Подняв с помоста секиру, Конан вновь принялся рубить толстые доски. По другую сторону тарана к нему присоединился седобородый Тедран. Полосы железа оказались не сплошными, и дело скоро пошло на лад.

— Я вижу, ты не теряешь времени, старик! — выкрикнул Конан между двумя ударами. — Да вознаградит тебя твой бог, ты спас мне жизнь!

— Твоя жизнь дороже, чем твоя смерть, — усмехнулся предводитель повстанцев. — Я слышал крики с той стороны: наши заняли уже все стены, но остаются еще башни и сам замок. Моеи девочке недолго осталось томиться в темнице!

Под мощным натиском дверь наконец поддалась, и повстанцы, бросив таран, с воплями ринулись на галерею. Первый же из них упал, пронзенный арбалетной стрелой, но его тело тут же затоптали бегущие следом. Конан был в первых рядах.

Выбив последних воинов с башни, селяне бросились внутрь замка, безжалостно расправляясь с каждым, кто попадался у них на пути. Стража у дверей внутренних покоев была разорвана в клочья. Женщины, ворвавшись в замок, в неутоленной яности громили посуду на кухне и переворачивали столы.

Оставалась последняя маленькая площадка на самой высокой башне, куда вела крутая, залапанная кровью лестница. Там, в последний раз глядя на свои владения — залитые солнечным светом холмы и долины и цепь невысоких пиков Карпатских гор вдалеке, — стоял барон Рэгли, окруженный уцелевшим отрядом стражи.

Перед ним живым щитом и выкупом жизни, а быть может, и свободы, стояла связанная

Дагорбрит — дочь вождя клана Тедрана.

— Ну, смутьяны, — обратился властелин к повстанцам с отеческой улыбкой. Слова кофитского языка он выговаривал с сильным коринфийским акцентом. — Вы захватили мой замок и, несомненно, собираетесь убить меня или заковать в цепи. — Сняв шлем с алым султаном, он передал его одному из стоящих рядом бойцов, обнажив голову с коротко остриженными седыми волосами, так что стал виден длинный шрам, пересекающий лоб. — А уверены ли вы, что король, сидящий на троне в Хоршемише, одобрят свержение одного из своих вассалов, державшего его пограничную крепость? Полагаю, он не замедлит прислать сюда достаточно войска, чтобы вернуть себе замок.

— Барон, который не в силах удержать собственный замок, вряд ли найдет сочувствие и поддержку при дворе, — с мрачной улыбкой ответствовал Конан. — И менее всего — у короля, обнаружившего, что он ошибся в своем вассале!

— Да уж, пожалуй! — поддакнул Тедран, выступая вперед из-за широченной спины Конана. — Я полагаю, это научит нашего короля не ставить над своими подданными жестокого, не признающего наших законов чужестранца, горца из Коринфии!

Слова его были встречены криками одобрения на башне и на лестнице внизу. Это заставило людей барона выхватить оружие и теснее сгрудиться вокруг своего господина. Повстанцы были готовы броситься на своих обидчиков; те, в свою очередь, собирались дорого продать свои жизни. Между тем Конан отошел в сторонку и подобрал лежащий у одной из бойниц короткий кофитский лук и колчан, полный стрел.

— И все же я предпочел бы королевский суд, а не ваш! — злобно прошипел барон. Золотая коса Дагорбрит была намотана ему на руку, и он быстрым движением кисти теснее прижал девушку к себе. — Одно несомненно: первой здесь умрет эта прелестная девица. Она, случайно, не приходится тебе дочерью, Тедран?

Сделав шаг назад, барон оказался вместе с девушкой у проема между зубцами башни. Пленница молчала, хотя глаза ее стали совершенно круглыми от страха.

— Пока ты не поклянешься, что выпустишь меня и моих людей из замка живыми, при оружии и лошадях, я буду держать ее вот так, над пропастью. И скоро моя рука онемеет и разожмется. Выбирай, что тебе больше нравится!

— Если король все узнает от него, а не от нас, — прозвучал чей-то тихий голос позади Тедрана, — не пройдет и четырех дней, как солдаты сожгут наши деревни и осадят замок.

— Этот пес не должен остаться в живых, — подхватил еще один голос. — Другого случая у нас не будет!

Рэгли улыбнулся, растянув бледные губы и оскалив редкие желтые зубы:

— Ну, так каково же будет ваше решение?

Тедран молчал, сведя над переносицей седые брови. Лицо его побледнело.

— Убить их, убить! — послышались новые возгласы. — Если дело наше праведно, Митра не даст твоей дочери умереть!

— Перебить их, как собак!

— Сбросить со стен!

— Послушай их, отец. Пусть я умру! — закричала Дагорбрит, перегибаясь через парапет и увлекая за собой барона. — Моя жизнь — не слишком большая цена за свободу всего нашего клана!

— Слушай, слушай свою дочь, Тедран! — крикнул Рэгли с волчьей усмешкой. — Ты же достойный предводитель своего народа, так будь мужчиной!

Но Тедран по-прежнему молчал. На одной чаше весов была жизнь дочери, на другой — свобода и процветание его народа.

— Решай скорее, — шептал ему в ухо ближайший к нему селянин. — Не можем же мы стоять тут вечно!

Конан, все это время выжидавший за спинами повстанцев с натянутым луком и наложенной стрелой, наконец уловил мгновение, когда один из стражников, закрывавший барона, переступил с ноги на ногу, подавшись вбок. Первая стрела вонзилась в камни у ног Рэгли, и тот в недоумении и замешательстве глянул вниз, отвлекшись от девушки. И тогда вторая стрела, прежде чем стража успела заслонить своего господина, затрепетала у барона в горле, прямо над воротом кольчуги.

Сила удара отбросила Рэгли назад, и он упал бы с башни, если б не коса рванувшейся девушки. Но третья стрела срезала волосы Дагорбрит под самый корень, и освободившаяся девушка бросилась прочь, а барон, не издав ни звука, перевалился через парапет и мешком рухнул на камни.

Последовала короткая потасовка, в результате которой не успевшие сдаться телохранители барона были попросту перерезаны, и тела их полетели вслед за телом господина.

— Благодарю, Конан! — сказал Тедран, едва переведя дух. Правой рукой, сжимавшей окровавленный меч, он обнимал рыдающую дочь. — С самого начала ты был великолепен, но последним ударом поистине превзошел самого себя! Мы у тебя в неоплатном долгу.

— К счастью, неоплатных долгов не бывает, — рассмеялся Конан. — Если ты помнишь, мне была обещана доля от захваченной добычи.

Говоря это, он не сводил глаз с Дагорбрит. Та уже успокоилась и, бросив на северянина единственный быстрый взгляд, шепнула что-то отцу и ушла с двумя подоспевшими из деревни женщинами. Мужчины тоже начали неспешно спускаться вниз.

— Как насчет победного пира? — спускаясь по ступеням, поинтересовался Конан и пихнул Тедрана локтем в бок. — У каждого замка есть подвал, а в каждом подвале имеется винный погреб. Должен тебе сказать, о доблестный предводитель клана — или теперь я должен называть тебя бароном? — после взятия Парасана мы пили три дня и три ночи!

— Не сомневайся, мы устроим в твою честь славное пиршество, — торжественно кивнул Тедран. — Но боюсь, это будет не только пир, но и тризна, ибо сегодня мы утратили слишком многих.

Конан пожал плечами с полнейшим равнодушием:

— Твой народ и впрямь утратил многих, но врагов не осталось вовсе. Так что повод для радости все же есть — вы победили!

— Эта победа не будет полной, пока мы не отошлем богатые дары нашему королю в знак того, что мы остаемся его верными подданными!

— На мой взгляд, восстановить разрушенное Рэгли и будет самым лучшим даром вашему королю, — заметил Конан.

— Нужно найти и освободить оставшихся пленников, — сказал Тедран, не слушая киммерийца. — Благодарение Митре, этот негодяй не успел отнять еще и их жизни.

— А ты говоришь, что у тебя мало поводов для праздника, — рассмеялся Конан.

Повсюду в замке слышались победные крики. Битва закончилась, и начался столь вожделенный для всех грабеж. В коридорах и жилых покоях, в кладовых и погребах сновали туда-сюда деловитые селяне, стаскивая все добро в огромную кучу в центре самой большой залы. Сюда же было снесено все оружие, какое нашли в замке или сняли с убитых воинов, чьи обображеные тела былиброшены со стен. Позже их положили на огромный костер, разожженный перед воротами замка; своих же убитых и раненых отнесли в ближайшую деревню.

В покоях барона был исследован каждый камень в поисках тайного клада; попутно оттуда

вынесли все, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность.

— Уверен ли ты в честности своих людей? — спросил Конан, обеспокоено наблюдая за тем, как постепенно оттопыриваются куртки и карманы погромщиков.

— Это первый порыв жадности, и он скоро пройдет, — улыбнулся старики. — Ребятам ни к чему подобные безделушки, они не знают, что с ними делать. Все будет продано, и каждый получит свою долю.

— С вином они, по-твоему, тоже не знают, что делать? — сказал Конан, шагнув к массивному мраморному столу, с которого еще не сбросили остатки неоконченного завтрака.

Ухватив тяжелый кувшин с вином, он наполнил два высоких кубка и один протянул новоиспеченному барону. — Славное винцо! Утро выдалось жарким. Нашли вы сокровищницу старого лиса? Может, эти красотки знают что-нибудь? — Конан обернулся к двум связанным женщинам, разодетым в шелк и бархат. Пленницы в безмолвном ужасе таращились на огромного киммерийца. Их схватили и связали молодые селянки, первыми ворвавшиеся в баронские покои, и с тех пор эти две так и сидели в углу на узкой софе, боясь пискнуть или шевельнуться.

— Бароновы шлюшки, — сплюнул Тедран. — Я слыхал, что он их держит. Вероятно, купил на невольничьем рынке в Шеме или за морем. Хорошо, что их нашли наши девчонки, а не их матери: от этой парочки только клочки полетели бы!

Конан критически оглядел двух несчастных женщин. Убедившись, что убийца их повелителя не питает к ним злобы, они принялись одаривать варвара томными взглядами.

— Осторожнее с ними, — проворчал киммериец. — У таких кисок в обычай мстить за своего убитого господина.

Повидав на своем веку немало подобных женщин, он не питал на них счет никаких иллюзий.

— Если ты не против, — сказал он Тедрану, — я сам потолкую с ними с глазу на глаз. Ну-ка, прекрасные дамы, расскажите мне, каким извергом и деспотом был ваш прежний хозяин...

Видно, он и в самом деле знал, как обращаться с женщинами, потому что в скором времени киммерийцу были известны все тайники замка, в том числе и потайная комната, где были найдены пленники барона — по счастью, еще живые. Их спасение было встречено новыми всплями восторга.

Разграбление замка продолжалось до вечера, а с наступлением темноты женщины принялись хлопотать на огромной замковой кухне. Груда собранного добра высилась в центре пиршественной залы, из которой вынесли всю тяжелую, непривычную для селян мебель. Уже слышалась музыка, вокруг кучи трофеев весело плясала молодежь.

Конан наконец разыскал вожделенный погреб с бесчисленными рядами темных бутылей и огромными бочками. Набрав себе команду из шести человек, он с гиканьем и хохотом вытащил выпивку в залу. Оставив себе несколько дюжин самых старых бутылей, предоставил селянам праздновать победу наверху, сам он заперся в погребе с Лилит и Тэлией — теми самыми девицами барона, о коварстве которых предостерегал Тедрана.

Рядом с погребом нашлась кладовая, куда, видимо, стаскивали старую мебель. Среди рухляди и ни на что не годных обломков Конан разыскал огромный волосяной матрац. На него троица и завалилась...

Некоторое время спустя Лилит задала вопрос, давно вертевшийся у нее на языке:

— Скажи, Конан, почему ты позволил Тедрану забрать власть, а не сделался новым бароном? Ведь победа на самом деле принадлежит тебе? Ты мог бы сам править этими землями.

Варвар лениво покачал головой:

— Нет, детка. Это не совсем подходящее для меня место. Ты же видишь — здесь не любят иноземцев, и участь старого барона тому подтверждение. Рано или поздно против меня поднялось бы точно такое же восстание. Кроме того, я предпочитаю драку, а не сытую и скучную

жизнь землевладельца.

— Но Тедран стар, — возразила Тэлия. — Он может внезапно умереть, и кто тогда его заменит?

— Все в руках вашего Митры, — пожал плечами Конан и вдруг расхохотался: — И разве Дагорбрит — не достойная наследница?

Ночная тишина, обильная еда и не менее обильные возлияния угомонили разгоряченную кровь, а мягкое ложе располагало ко сну. Но даже пьяный и утомленный любовными играми, Конан ощущал беспокойство. Были ли тому причиной призраки, бродящие в стенах замка, или пьяные выкрики в зале наверху, или жаркие тела двух женщин, лежащих рядом, но киммериец беспокойно ворочался с боку на бок, проклиная бессонницу, пока незаметно для себя самого не провалился в сон.

Ему снилась битва прошедшего дня: звон железа и быстрый топот ног по запутанным коридорам и переходам, пляшущий свет факелов в подземелье, искаленное ужасом прекрасное девичье лицо. Ему снились родные горы с огромными снежными шапками и зелеными долинами, выжженные поля сражений и южные города с высокими минаретами. Снились друзья и враги — полуза�отые лица давно минувших дней.

В конце концов из всех лиц осталось только одно: гордое, в обрамлении пламенно-рыжих пышных волос, с чертами, отмеченными монаршим благородством и мудростью, — лицо королевы Руфии, повелительницы и рабыни королей и военачальников Шема. Этой ночью она явилась в сны Конана не в королевской парадной мантии, а такой, какой варвар увидел ее впервые, — обнаженной, испуганной, с выражением муки в огромных глазах. В сновидении она бежала, прижимая к груди какой-то комок грязных тряпок, а у нее за спиной, перелетая из тени на свет и сновав тень, неслась высокая женщина в одеянии из черной блестящей кожи. Сталь сверкала в ее воздетых к луне чешуйчатых руках. Было что-то знакомое в этом демоне, словно когда-то давно Конан знал эту женщину — или похожую на нее...

Потом замелькали другие видения, сменяя и тесня друг друга, как бывает только во сне. Женщина перед большим каменным алтарем со взором, устремленным в пустоту. Девушка, совсем ребенок, худенькая и светловолосая, бредущая навстречу ей, словно зачарованная.

Стебель, разрывающий тьму, клубящуюся у ног ведьмы, лезущий вверх, на глазах наливающийся ядом. Диковинный бутон, набухающий на этом странном покачивающемся стебле... Вот женщина-змея простерла над ним руки. Вспышка молний перечертила небо, блеснув на кинжале в ее руке и озарив бледное лицо. "Зерити!" — чуть не закричал во сне Конан, наконец узнав ее. Зерити — стигийка, ведьма, некогда королева Асгалуна в Шеме и вечный враг Руфии, преследующий ее наяву и вочных кошмарах. «Зерити», — повторил Конан.

Сучка, которая давно была бы мертва, если б ее черное колдовство не оказалось сильнее двух футов доброй стали, которыми киммериец собственноручно проткнул ведьму.

Затем варвар увидел Руфию, мечущуюся на своей шелковой постели, — королеву тоже мучил злобный призрак колдуны. Ее стенающая душа стояла в это время перед маслянисто-блестящим алтарем; она протягивала ведьме посиневшее тельце ребенка, завернутое в тряпки, — свою новорожденную дочь, принцессу Исмаэлу. Зерити с торжествующей улыбкой шагнула к ним, замахнувшись сияющим кинжалом.

А в гробнице позади алтаря ворочался некто, кто был темнее и бесконечнее самой тьмы. Он беззвучно смеялся, его черные пустые глаза смотрели на трех женщин, стоящих перед огнем...

Проснулся Конан от того, что чьи-то не слишком нежные руки трясли его за плечи. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит поперек матраса, свесив голову, а обе девушки тормошат его изо всех сил. Спросонок Конан недоуменно взорвался на них: своего сна он уже не помнил.

— Можешь ты спать спокойно, киммерийский бык? Ты крутишься и бьешься так, словно

сцепился с самим Нергалом! Остынь! Ты чуть не задушил бедную Лилит!

Конан наконец проснулся.

— Тэлия, прекрати меня трясти! Я и так еле соображаю. Лилит, я и в самом деле прижал тебя?

Лилит, охая, держалась за горло, но, осмотрев ее, Конан не нашел ни синяков, ни ссадин.

— Ну, — заключил он, — кажется, я ничего тебе не сломал.

— Не хватало еще, чтобы ты мне что-нибудь сломал! — возмутилась Лилит. Голос ее звучал плаксиво и кокетливо. Она отвернулась, притворяясь рассерженной, но не торопилась запахивать на себе ночную сорочку.

— Вы должны меня простить, — сокрущенно произнес Конан. — Бывает, что воинов преследуют в снах призраки убитых.

— Может, ты и вымолишь себе прощение, — лукаво сказала Тэлия, — если догадаешься как.

— Вот так? — спросил Конан, набрасываясь на нее и целуя в грудь.

— Вояка, — нежно сказала Лилит, наваливаясь сверху. — Только и умеешь, что драться!

Может, ты все же останешься здесь ненадолго? Новый хозяин сделал бы тебя военачальником...

— Над мотыгами и лопатами?! — расхохотался Конан. — Здешним воинам больше пристало пахать землю и копаться в огороде, а не штурмовать замки. Я тут буду не ко двору. Все, что мог, я уже сделал и заслуживаю награды, — с этими словами он с наслаждением вытянулся на мягким ложе. — К тому же Тедран, как человек умный, с радостью поделится со мной добычей, но не захочет делить власть!

— Ты здесь как сосна посреди кустов, — вздохнула Лилит, — а мы как розы среди травы. Нам тоже несладко придется, если мы останемся.

— Ну так уезжайте со мной, — рассмеялся Конан, обнимая их обеих. — Скажите правду, девочки, неужели вам никогда не хотелось повидать юг? Например, города Шема?

Наутро, едва проснувшись, Тедран велел разыскать Конана. Как киммериец и полагал, новый хозяин собирался предложить ему взять из добычи все, что придется по нраву, и как можно скорее убираться восвояси. Тедран даже был готов пожертвовать значительной частью ценностей, если это поможет могучему северянину уехать в тот же день.

Но, обшарив весь замок от подвалов до башни, киммерийца нигде не нашли. Наконец один мальчишка, отирающийся с утра у кухни, сказал, что Конан встал еще до света, поел с какими-то двумя богато наряженными дамами и уехал вместе с ними.

В первый миг Тедран растерялся. Но, обнаружив, что из всей добычи были взяты только шесть лошадей, небольшой запас еды и оговоренная часть сокровищ, новый барон вздохнул с облегчением и махнул рукой.

Глава 2

ЗЕРИТИ

Ведьма закончила творить колдовство и устало опустилась на пол рядом с алтарем. Над черным, иссеченным молниями камнем еще курились тоненькие струйки дыма. Ядовитые испарения клубились черным облаком, оно неподвижно висело под потолком, скрывая резные навершия колонн. Уголья на алтаре затянуло седой золой, тонкая пудра магического порошкасыпалась на плиты пола.

Все это были красноречивые свидетельства колдовских усилий — на этот раз неудачных. Но Зерити не отчаявалась, чувствуя, что даже неудачи приближают ее к заветной цели. Скоро, очень скоро невидимые преграды, подточенные, словно водой, искусными чарами, рассыплются в прах. Древние оковы будут разбиты, потайные двери — искрошены в щепы! И тогда настанет время исполнить великий, поражающий воображение замысел!

Отдохнув, ведьма спустилась по ступеням возвышения, на которых стоял алтарь. Возвышение изображало Звезду Магов, но от старости многие камни провалились, и магические линии были прерваны. Зерити, прийдя к ларду у стола с чадящей масляной лампой, принялась доставать и разворачивать пожелтевшие от времени пергаментные свитки, такие же желтые, как пальцы, теребящие их. Зерити невольно вздохнула. Ее когда-то бронзовая кожа побледнела и выщвела в этой душной темнице. Много лет прошло с тех пор, как ведьма в последний раз ощущала прикосновение солнечных лучей. Но Зерити не испытывала тоски по внешнему миру — одну только бесконечную усталость, рожденную бесчисленными часами ворожбы и магического транса. Глаза ее покраснели и слезились от удущивого, едкого дыма курений. Требовалось немедленно восстановить утраченные силы, пока ее еще не сморил сон.

Ибо труды ее в этот день были воистину велики. Подобно простому пахарю родной Стигии, что возделяет свои поля, бредя по колено в тяжелом вязком иле после разлива черного Стикса, весь день Зерити пробиралась бесконечными лестницами и переходами в темных чертогах, лежащих по ту сторону Света, в бесплодных пустоشاх Серых Равнин.

Поэтому этой ночью — хоть ведьма и не замечала в своей темнице смены ночи и дня, — этой ночью она заснет быстро и будет спать крепко, как спит пахарь после тяжких дневных трудов. Как спят старые, иссохшие, словно мумии, стигийские жрецы в холодной тьме своих будущих гробниц. Как спят иные, еще более страшные древние создания, спят ночи, дни и года напролет, пока не разбудит их чье-то искусство или неосторожный призыв.

Но ни пахарю, ни жрецам, ни порождениям тьмы не снятся сны. Зерити же упивалась собственными снами — яркими, подробными, запоминающимися. Сны Зерити вырывали ее из душного мрака подземного храма, и она неслась наперегонки с ветром то хищной рысью, то испуганной оленухой. В снах ведьма возвращалась в царство живых: в города, наполненные сутулокой улиц и рынков, в села, где солнечный свет сменяет лунный над цветущими садами и зеленеющими пашнями. Но чаще всего сны приносили ее в один конкретный город, где жила одна конкретная женщина — последняя из своего славного рода. Во всяком случае, Зерити собиралась именно на ней прекратить существование этого рода. На ней и ее вечно хнычущей дочери.

Но сегодня нужно набраться новых сил, и потому медноволосая дрянь и ее отродье будут спать спокойно. Черной искрящейся тенью скользя по каменным плитам, с лампой в руке ведьма прошла в самый дальний и темный угол своего чертога, где над хрустальной глыбой, вплавленной в потолок, проносились воды Черной реки. Здесь селились летучие мыши,

единственные, кто делил с ведьмой одиночество заточения. Их острые мордочки высунулись из коконов жестких крыл, когда Зерити прошла рядом с мерцающим огоньком в руках.

— Слепые мои соглядатаи, глухие мои шпионы... — шептала она.

Протянув руку, Зерити сняла с потолка одного из зверьков. Он тут же уселся ей на запястье, как ловчий сокол, радостно и возбужденно попискивая. Пару минут ведьма, склонив голову, задумчиво слушала этот писк, чувствуя, как маленькие коготки царапают кожу.

В порыве нежности Зерити взяла теплое тельце обеими руками и поднесла к самому лицу. Быстрым движением ногтей ведьма сорвала шкурку с маленькой головки и впилась зубами в хрупкий череп, высасывая мозг. Зверек забился, отчаянно крича. Но Зерити не чувствовала его агонии, не слышала криков: перед ее мысленным взором проносились картиныочной жизни там, наверху, — все то, что успела увидеть летучая мышь в своих странствиях. Каждую ночь посыпала она своих гонцов во внешний мир и время от времени собирала с них подобную дань. К тому же это была ее единственная еда.

Насытившись, ведьма выронила измятое тельце на камни. Тepлая кровь стекала по подбородку. Бывало, что, подчиняясь колдовству, мыши приносили Зерити добычу покрупнее, выкупая этим свои жизни: неосторожную утку, заснувшую слишком крепко, или молодого глупого зайца. Тогда ведьма устраивала себе пир. Помимо того, что это избавляло от убийства слуг, картины, содержащиеся в мозгу зверей и птиц, были гораздо полнее. Ведьма предпочитала как можно реже убивать своих шпионов: они были одной с ней крови и принадлежали к одному царству — Царству Тьмы.

Иногда Зерити даже удавалось слиться с ними, и тогда маленькие черные звериные глазки становились ее глазами, а маленькие лапки с тонкими когтями — ее бледными пальцами.

Чувствуя приятную сытость и сонливость, ведьма прошла низкой галереей, поднялась на несколько ступенек и вошла в маленькую комнату, где на затянутом бесценным стигийским льном возвышении стоял небольшой каменный саркофаг. Иероглифы и росписи на нем, некогда позолоченные, заметно поблекли и стерлись, рисунки утратили красочность. Но Зерити все равно любила его — единственную память о далекой родине. Женщина вздохнула, поднялась на возвышение и улеглась в саркофаге, вытянувшись и сложив руки на груди. Затем закрыла глаза и погрузилась в сон.

Глава 3

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Баалур, или, как его гордо именовали жители, Баалур Тысячестенный, лежал меж зеленых холмов, как драгоценный восьмигранный амулет меж грудей женщины в платье зеленого бархата. Южное солнце и множество маленьких речушек, берущих свое начало от горных снегов, позволяли трижды в год снимать урожай с пышных садов и плодородных полей. А караванный путь, идущий через перевал, приносил в этот город все сокровища Севера, Юга и Востока, делая Баалур сверкающим бриллиантом в ожерелье городов-государств Шема. Бесконечные цепочки верблюдов и мулов, тянувшиеся через пустыню подобно нитям жемчуга, умножали богатство и славу местных купцов, ибо все сокровища окрестных земель стекались в город.

Конан не раз бывал в Баалуре, и потому в этот приезд город показался ему куском шитого бархата, не утратившего блеска и богатства вышивки, но изрядно побитого молью. Мрачный сумрак окутал высокие башни и храмы, теньотчужденности и настороженности лежала на лицах жителей города.

Неприятное ощущение сбывающегося дурного сна охватило киммерийца еще у Северных ворот, которые были заперты, хотя путники подъехали к ним среди бела дня.

Угрюмые и подозрительные стражи долго допрашивали пришельцев через зарешеченное окно, прежде чем наконец впустили их — с большой неохотой. На улицах глухе звучали голоса и почти не слышно было смеха. Конан только хмурился, замечая все новые и новые признаки какого-то несчастья, нависшего над некогда самым шумным и оживленным городом Шема.

Однако вряд ли это было для киммерийца неожиданностью. Весь его путь на юг был полон дурных предзнаменований, видимых и понятных ему одному. И каждую ночь возвращался кошмарный сон, который впервые посетил его в замке барона Рэгли. Помимо прежних видений, Конан смутно помнил разоренные дома и залитые кровью улицы — те самые улицы, по которым вез он теперь своих прекрасных спутниц. Все говорило о том, что город либо проклят, либо охвачен чьим-то злым колдовством.

Ни расплывчатые видения, ни сны никогда не производили на киммерийца большого впечатления. Он надеялся только на собственный меч и силу мышц; ему не было дела до туманных пророчеств. А что касается колдовства, то одного только запаха чар было довольно, чтобы варвар развернулся и поехал в противоположном направлении. Но теперь случай был особый. Нечто похожее на крик о помощи или зов прежней, давно прошедшей любви привело его сюда. Конан вернулся в город, как возвращается скульптор к давно заброшенной неоконченной статуе. И он не удивился и не повернул коня, когда увидел стаи черных стервятников, кружавших над крышами королевского дворца.

Его спутницы, напротив, не чувствовали ни обреченности, ни страха, довлеющих над прекрасным городом. Они были здесь впервые, и Баалур показался им самым пышным и великолепным городом, какой они когда-либо видели в жизни. Вообще, Лилит и Тэлия становились все оживленнее и разговорчивее по мере того, как Коф все дальше и дальше оставался за спиной. Вспоминая об этой стране, они в один голос твердили: "Бр-р! Холодно!", — имея в виду и жителей, и климат. Баалур поражал их неискушенное воображение высокими белыми башнями с золочеными крышами, домами, тонущими в зелени благоухающих садов, мощенными яшмой улицами и цветными витражами окон. Их восхищенным ахам и охам не было конца.

Поторопили они Конана, только проезжая невольничий рынок, — видно, он вызывал у них

неприятные воспоминания. Но, миновав его, красотки принялись ныть, требуя у своего провожатого остановок у каждой лавки с драгоценностями, или благовониями, или шелками — словом, всем, что так любезно сердцу каждой женщины. Заметив это, торговцы и зазывалы, уличные жонглеры и разносчики сладостей завертелись вокруг иноземной троицы жужжащим, надоедливым роем. В конце концов Конан ссадил спутниц у какого-то достойного их вожделений постоянного двора, оставил небольшой мешочек золота и четырех лошадей в качестве приданого, пообещал к вечеру вернуться, препоручил своих скакунов заботам хозяина и поспешно растворился в уличной толпе.

Подыскав себе постоянный двор побольше, но поскромнее, киммериец разговорился с хозяином, осанистым детиной, явно любящим посидеть и поболтать за кружкой вина в жаркий послеполуденный час, когда в тавerne царит недолгое затишье. От него нетрудно было узнать все события последних дней. Вполголоса, с оглядкой он поведал иноземцу, что на город обрушилась какая-то странная зараза:очные кошмары. Все началось с того, что заболела принцесса Исмаэла, всеобщая любимица и пока единственная наследница престола.

С болезнью принцессы с самого начала было что-то неладно: как только объявили, что Исмаэла больна, по городу поползли слухи о яде и колдовстве. Затем болезнь перекинулась и на других: сначала на тех, кто постоянно общался с принцессой, потом на советников короля, а под конец и на слуг — пока весь дворец не оказался охвачен кошмарами, словно чумой. Больные жаловались на ужасные, невыносимые сны. Днем напасть вроде бы отступала, но люди чувствовали упадок сил, легко впадали в ярость и раздражение. С последним полнолунием дела резко ухудшились — к безумным морокам вочные часы прибавились видения среди бела дня. Бедняги нигде не могли найти себе покоя, сделались бледными и тощими, как стигийские мумии. Стоило им заснуть, как специально нанятые слуги будили их.

Но теперь, шептал хозяин, перегнувшись к Конану через стол, эта зараза гуляет не только среди придворных — ее подхватила вся армия от военачальника до последнего солдата. Говорят, что больны даже короля Руфия и король Афратес, с некоторых пор совсем не появляющийся в городе. Власти запретили обсуждать эту тему, но с таким же успехом они могли запретить молоку убегать на огне. Последние дни кошмары стали сниться даже простому люду — мастеровым, купцам, землепашцам. Нельзя сказать, чтоб видения были так уж ужасны, но по описаниям походили на те, о которых рассказывала дворцовая чета. И это не единственное, что предвещало грядущую великую беду. Повсюду кисло свежайшее молоко; огонь в очагах то и дело вспыхивал зелеными и синими отблесками; в небе днем и ночью кружили зловещие черные птицы.

— Говорят, принцесса теперь совсем не приходит в себя, бедняжка, — сокрушенno качая головой, шептал трактирщик. — Сутки напролет она мечется в бреду. Отцы города давно забросили свои обязанности, нам грозят безвластие и разбой.

— Так что же это все-таки за сны? — поинтересовался Конан.

— Ну-у... — протянул трактирщик. — У каждого они разные, — тут он отмахнулся большим пальцем, отгоняя нечистого. — Благодарение Мардуру, сны редко посещают меня, и наутро я их вовсе не помню. — Он снова понизил голос до свистящего шепота: — Но вот что повторяют все: в снах приходит колдунья. Кожа у нее бледная и чешуйчатая, как у змеи. Она ворожит над черным алтарем и смеется злым смехом. — Он покачал головой, всем своим видом изображая сокрушенное недоумение. — Лично я в это не верю, но находятся болтуны, которые врут на каждом углу, будто это возмездие свыше. Мол, королева Руфия принесла с собой в наш город проклятие за какие-то свои старые тайные грехи. — Он с преувеличенной осторожностью оглядел пустой зал, а затем сделал Конану знак наклониться поближе. — Да будет тебе известно, чужеземец, никто

в городе толком не знает, откуда родом наша добрая королева и кем она была прежде — прежде чем Афратес взял ее в свой гарем и возвысил до любимой жены.

— Гм, — только и сказал на это Конан, изумившись, как трактирщик легко обсуждает своих правителей с первым встречным. Это означало, что подобные слова можно было теперь услышать на каждом углу Баалура, и это не понравилось киммерийцу. Подавив желание разбить свою кружку о голову толстого сплетника, он отставил недопитое вино, бросил на стол серебряную монету и, распрошавшись с хозяином, вышел.

Очень скоро он обнаружил, что ноги сами несут его к главной площади, на которой высилась белостенная громада королевского дворца. Ведущие к площади улицы выглядели богато и сонно, словно греющиеся на солнышке старцы в парчовых одеждах. Редкие прохожие лениво брали по теневой стороне, спасаясь от полуденной жары. Глядя на эту мирную картину и ясное, синее небо над головой, с трудом верилось, что городу и в самом деле грозит какая-то опасность.

Однако во дворец, чьи узорчатые, в виде свившегося в кольца дракона, чугунные ворота всегда стояли распахнутыми настежь, попасть теперь было не так-то легко. Поднявшись на несколько ступеней перед решеткой, Конан взялся за большой дверной молоток и трижды стукнул по гулкому металлу. Вскоре за решеткой появился стражник с опухшим лицом и синими кругами под глазами.

Но прежде чем Конан успел открыть рот, стражник бросился открывать ворота.

— Ты тот, кого называют Конаном из Киммерии? — полуудивительно сказал он.

— Если знаешь — зачем спрашиваешь? — проворчал Конан, входя. Ему не понравилось, как смотрели на него трое других стражников, и еще меньше понравилось, как хищно лязгнул засов за его спиной. — Что-то я не припомню, чтобы мы встречались, парень!

— Следуй за мной, варвар. — Коротко кивнув, стражник повернулся и пошел вперед. — Я доложу ее величеству о твоем прибытии, — бросил он, не оборачиваясь.

Пройдя мощеной цветным камнем дорожкой сада, окружавшего дворец, киммериец вступил под своды прохладных залов, где каждый шаг отдавался гулким эхом под высокими расписными куполами. В самом сердце дворца его встретил пышной зеленью и журчанием фонтанов еще один сад, поменьше. Здесь росли диковинные для этой страны деревья с далекого юга, привезенные из Зембабве и Черных Королевств. Стражник оставил Конана у одного из фонтанов и ушел.

Киммериец недолго оставался в одиночестве. Вскоре навстречу ему выбежали две очаровательные девушки, чьи прозрачные шелковые одежды скорее обнажали, чем скрывали их прелести. Заставив Конана раздеться и войти в душистую воду бассейна (к удовольствию красоток, гость не слишком-то сопротивлялся), они тщательнейшим образом вымыли киммерийца и обтерли согретыми полотенцами. Оставив его отдыхать на низкой скамье с множеством подушек, девушки упорхнули и тут же вернулись с подносами, полными еды и вина. Они щебетали и смеялись, всячески развлекая гостя, пока он утолял голод. Служанки были обучены забавлять и доставлять удовольствие — и прекрасно это делали, но Конан чувствовал за их смехом тревогу и озабоченность, уже вошедшие в привычку, как чувствовалось нечто подобное и за суровым спокойствием стражи у ворот.

Изошряясь, девушки принялись кормить бронзовокожего гиганта с рук, а потом и из губ в губы. Только их игра начала принимать серьезный оборот, как голос, негромкий и немного печальный, заставил озорниц притихнуть и вскочить с места:

— Довольно, девушки. Вы славно развлекли нашего гостя, благодарю вас. Теперь ступайте.

Голос принадлежал королеве Руфии, неслышно вошедшей в сад и какое-то время наблюдавшей за веселой возней. Конан обернулся. Три прелестницы, взметнув щелка, послушно

выбежали вон.

Что бы ни говорил толстый глупый трактирщик, всякий, глядя на королеву, понял бы, что она — потомок знатного рода. И Конан, один из немногих, знал, какого именно — одного из обнищавших княжеских родов Офира. Даже усталая и печальная, она все равно была прекрасна.

— Добро пожаловать, Конан. Много лет прошло с тех пор, как мы с тобой виделись последний раз.

За эти годы Руфия сделалась королевой, отметил про себя восхищенный Конан, настоящей властительницей. Простое шелковое платье словно обтекало ее статную фигуру, легкими складками ниспадая с гордых плеч, огненные волосы струились вдоль спины, перехваченные посередине золотым шнуром, мягкие ремни сандалий плотно оплетали маленькие ноги. Она была в самом расцвете своей красоты и власти, весь ее облик был исполнен истинно королевского величия. Она протянула старому другу обе руки, киммериец порывисто взял их в свои и поцеловал кончики белых пальцев. Женщина не высвободилась, а просто опустилась на подушки рядом с северянином.

— Твои странствия ничуть не изменили тебя, — проговорила королева. Она осторожно коснулась его щеки. — Разве что прибавилось шрамов.

— Ты как будто знала о моем приезде, — заметил Конан. — Во всяком случае, стража у ворот сразу впустила меня, хотя я видел этих молодцев впервые в жизни.

— Тебя опознать нетрудно, — ответила Руфия с улыбкой. — Я описала им тебя, велев пропустить в любое время дня и ночи, а два дня назад не выдержала и послала в Хорайю отряд на поиски Конана-киммерийца. Я слышала о твоей победе у перевала Шамлы и решила, что ты, должно быть, теперь военачальник короля Кумарры. Конан изумленно вздернул брови и рассмеялся:

— Долго же доходят новости в ваши края! Это случилось несколько лет назад! Я уж и забыл об этой службе. Но какое-то время я и в самом деле был главой хорайской армии.

Руфия кивнула и погрозила ему пальцем:

— Я все знаю про твои похождения! Мне рассказывали, что королева Жасмела очень благоволила иноземному военачальнику. Из этого я заключила, что она была попросту без ума от тебя.

Конан улыбнулся:

— Да, но ее благоволение было недолгим. Очень скоро я уехал в Туран, затем в Гирканию, а оттуда в Вендию. Потом побывал в пустынях Стигии и в Черных Королевствах...

Теперь настал черед Руфии изумиться. Она недоверчиво покачала головой:

— Ты стал работоговцем? Так это правда? Городская стража доложила мне, что ты приехал с двумя красавицами. Но я не поверила. Чтобы ты...

— Лилит и Тэлия! — расхохотался Конан. — Они всего лишь сопровождают меня, вернее, я сопровождал их. Они из Кофа, но, по-моему, он не является их родиной. Похоже, им понравился твой город. Ручаюсь, не пройдет и месяца, как они окрутят какого-нибудь купца, а то и двух со всеми их верблюдами, лавками и сундуками. — Руфия осуждающе поджалла губы, но киммериец и глазом не моргнул. — Все, как в старые добрые времена, не правда ли?

— Ты и в самом деле ничуть не изменился, — махнула рукой королева. — Легко подбираешь женщин и легко их бросаешь.

Конан почел за лучшее сменить тему:

— А что слышно о нашем друге Маздоке? Он все-таки стал королем в Асгалуне, где мы оставили его разбираться с солдатами?

— Да, он правит там и сейчас. И состоит с нами в торговом и военном союзе. Я слышала, что Маздок отстроил порт и возобновил морскую торговлю... — Королева вздохнула: — Но я

так ни разу и не видела его с тех пор. — Помолчав, она спросила: — Так ты забрел в наши края лишь волей случая?

— Случая и вещих снов, — ответил Конан, испытующе глядя на нее. — Кошмары снятся не только жителям Баалура Тысячестенного.

Руфия закрыла глаза.

— Значит, это не просто совпадение, а промысел самого Митры, — торжественно проговорила она. — Ты тоже снился мне не раз в последнее время. — Стиснув его руку, женщина с силой выдохнула: — Если бы ты знал, как я молила о том, чтобы ты пришел ко мне в этот черный час! Я даже принесла жертву в храме.

— Надеюсь, это был храм Митры, а не шемитского рыбьелицего бога, — со всею серьезностью сказал Конан. — Не припомню я, чтоб ты была когда-нибудь чересчур набожна. Неужели твоя нужда во мне была и впрямь так велика?

Прямо на глазах Руфия из гордой властительницы превратилась вдруг в просто исстрадавшуюся женщину.

— Речь идет о жизни моей дочери, Конан! Жизни нашего единственного ребенка! — Она запнулась, всхлипнула и повторила: — Единственного. У Афратеса больше нет детей. Я боюсь, что дочка умирает. И с нею умирает весь дворец, Конан, весь город!

— Да, я уже слышал. В городе только и говорят, что о заразных дурных снах. Видно, я тоже подхватил эту дрянь. Первый дурной сон посетил меня далеко отсюда, на северной границе Кофа. Я мало что запомнил, понял только — ты в беде...

— Я-то как раз нет! — горько рассмеялась королева. — Представь, ни меня, ни короля хворь не затронула. Наше дитя медленно умирает, а мы сидим попеременно у ее ложа, и ее сны не посещают нас! И лишь по ее стонам и рассказам других можем представить тот кошмар, что мучает Исмаэлу. А последние ночи я вовсе не сплю — просто не могу, как не смогла бы любая мать, окажись она на моем месте. Что за черное проклятие обрушилось на наш дом!

По ее сухой щеке медленно скатилась слеза — одна-единственная, словно последняя капля влаги в пересыхающем колодце. Конан положил руку на поникшие, вздрагивающие плечи королевы.

— Может, я расскажу тебе то, что не скажут другие, хотя и видели тот же сон. Темная ведьма — это каким-то чудом выжившая Зерити. Я уверен, все напасти — ее рук дело.

— Я должна была догадаться, — глухо сказала Руфия. — Она все такая же, как прежде?

— Как обычно, темная повелительница демонов Шеола... или где там она сейчас. Сидит в своей подземной стране, плетет паутину. По-моему, на ней даже шрама не осталось от давешнего удара. Вся в черной блестящей коже, как Верховный палач из Луксура.

Руфия сокрушенно покачала головой, волна темнорыжих волос шевельнулась у нее на плечах.

— Кто мог подумать, что ведьма окажется так живучा? — вздохнула она.

— Я думаю, она вернулась на свою реку и снова взялась за старое, — сказал Конан. — Тебе говорили о Черной реке? Я видел ее в своем сне.

— Да, возможно, — согласилась королева. — Если только она все еще пребывает в теле смертной женщины. Она из стигийцев, а ты знаешь, сколь искусен этот народ в темном чародействе. Говорят, они остаются живыми и после смерти, утрачивая тело, но не магическую силу. Если жрецы Сэта допустили ее в свой Черный Круг, она должна быть способна и на большее. Я мало знаю об их делах, но слышала, что над ними не властна даже смерть...

Конан нахмурился — он не любил разговоров о подобных мерзостях.

— В таком случае зачем тебе надобен я? Найди какого-нибудь святого старца из жрецов Митры — их Сэт боится больше всего. Или могущественного мага, если, конечно, считаешь, что

могло довериться магу — хоть черному, хоть белому, хоть серому. Я-то ведь не владею колдовством...

— Да, Конан, я знаю. Но ты можешь помочь иным образом. — Прекрасные глаза королевы смотрели на воина с мольбой и надеждой. — Если ты только согласишься... Каспиус, королевский лекарь, изучил за это время множество книг и, кажется, нашел выход. Он расскажет тебе об этом лучше, чем я. — Руфия поднялась с подушек, по-прежнему удерживая руку Конана в своих маленьких ладонях. — Теперь пойдем, я должна сменить Афратеса. У постели принцессы всегда дежурит кто-нибудь из нас троих — либо я, либо король, либо наш лекарь.

Из висячего сада она вывела Конана в большой зал с двойным рядом высоких колонн из розового мрамора. В нише у дальней стены вела наверх витая лестница, поднимаясь сквозь этажи к пестрому мозаичному куполу. Обойдя его по внутренней узкой галерее, Конан и Руфия миновали высокую арку и оказались на огороженном мраморной балюстрадой карнизе, окаймляющем вдоль крыши весь дворец. Стоявшие здесь стражи вытянулись перед королевой, отсалютовав обнаженными саблями.

— Как можно помыслить о каком-либо черном колдовстве, глядя на это ясное небо? — вздохнула Руфия, поднимая взгляд. — Но посмотри туда, Конан! — Она протянула руку, указывая на птиц, вычерчивающих круги над городом. — Это не просто птицы. Они никогда не снижаются, ни днем, ни ночью не прекращая своего зловещего полета. Никто так и не видел их вблизи.

— Может, они и не птицы? — пробормотал Конан. Шагнув к одному из стражников, он требовательным жестом протянул руку к его луку и колчану со стрелами.

— Ваше величество?.. — Удивленный стражник вопросительно посмотрел на королеву. Тянувшаяся, и воин снял с плеча длинный тисовый лук.

Вынув из-за пояса перчатку и надев ее на правую руку, Конан снял тетиву с верхнего конца лука, пристроил нижний конец в небольшую щель меж каменных плит пола и укоротил тетиву. Затем одним стремительным движением согнул тугой лук и быстро надел стальной колпачок с тетивой на верхний конец. Проверив, достаточно ли тую натянулась тетива, он вынул стрелу из колчана стражника, с интересом наблюдавшего за всеми этими приготовлениями.

— Будь осторожен, твой выстрел может случайно ранить кого-нибудь внизу, если ты промахнешься, — заметил воин, глядя, как Конан оттягивает тетиву к самому уху. — Я, к примеру, не попал ни разу.

— Это неудивительно, ведь я слыхал, что вы не можете высаться уже почти месяц, — дипломатично заметил Конан и выстрелил вертикально вверх. Стрела исчезла, растворившись в потоке солнечного света.

Все уже успели перевести дыхание, устав ждать, когда где-то в вышине раздался хриплый карк и одна из черных птиц стремительно полетела вниз. Она ударила о черепицу крыши совсем рядом с карнизом и, прокатившись, застряла в водосточном желобе. С того места, где они стояли, был хорошо виден изуродованный стрелой труп: черные грязные перья, лысые головы и шеи, огромный, хищно загнутый клюв. А с порывом ветра донесся и запах: отвратительная вонь разлагающейся плоти. В несколько мгновений из-под встопорщенных перьев выползли белые гнусные черви и обгладали гниющий труп до самых костей — смерть, порожденная смертью.

— Какая гадость! — сморщилась королева и отвернулась. Закрыв лицо рукавом, она спешно направилась вперед по карнизу к дальней двери в одной из дворцовых башен. — Хотела бы я знать, убил его твой выстрел или застал уже таким вот, гниющим и неживым? Это хуже, чем стервятники, кружящие над трупом! Что же будет, когда они все попадают на нас? Как бесчеловечно жестока эта ведьма!

— Не уверен, что Зерити вообще свойственно что-то человеческое, — пробормотал Конан

себе под нос. Вернув лук восхищенному стражнику, он быстро зашагал вслед за королевой. Они миновали несколько галерей, спустились двумя этажами ниже, прошли новой галереей с высокими стрельчатыми окнами, из нее попали в затемненный коридор и вошли в дверь, ведущую в спальню принцессы.

Прямо посреди комнаты, напротив большого раскрытоого окна, выходящего во внутренний двор, стояла широкая и низкая кровать под массивным позолоченным балдахином. Королева торопливо подошла со словами: — Ну что, ей не лучше?

— Нет, все по-прежнему, — ответил ей шепотом сидевший у изголовья седобородый человек с темными и умными глазами, похожими на глаза выдры. Его смуглай кожа казалась еще темнее из-за белых одежд и седины. Руфия подошла ближе, заглянула за кисейную занавеску. — Но сейчас она спит спокойно, лишь изредка просыпается ненадолго. Один раз мне показалось, что она даже узнала свою спальню и меня. Я попробовал с ней заговорить, но она снова заснула.

— Митра всемогущий, ну почему я не оказалась здесь в этот миг! — тихо воскликнула королева. — Но все равно, благодарю тебя, Каспиус. — Она отошла от постели и села в большое кресло, изящно поджав ноги. — Каспиус, это Конан из Киммерии, — представила она своего спутника, вошедшего и остановившегося у дверей. — Он оказал мне в прошлом неоценимую услугу. Быть может, его приезд и есть долгожданный ответ на все наши молитвы. Ему тоже снились эти сны, хотя он был в десяти днях пути от Баалаура.

Лекарь, внимательно разглядывавший Конана, сделал ему знак подойти ближе. Когда варвар приблизился, Каспиус взял его руку и повернул вверх ладонью сильным, уверененным движением кисти.

— О, это могучая и умелая рука, — сказал он с улыбкой. Конан отметил про себя, что цепкие пальцы врача, хоть и ослабевшего от напряжения и бессонницы последних дней, обладают силой едва ли не меньшей, чем его собственная. — К тому же гибкая и ловкая, — продолжал лекарь. — Вы, несомненно, человек большой силы, искушенный в воинском ремесле. Мы рады приветствовать вас в нашем многострадальном городе.

— Муж мой и повелитель, к нам прибыл Конан из Киммерии, — сказала вдруг королева, вставая и низко склоняя голову, так что завеса волос совсем скрыла лицо.

В маленькую спальню вошел высокий темноволосый человек с окладистой, вьющейся бородой и сонным лицом. Едва кивнув всем присутствующим, он устало опустился в кресло, только что оставленное королевой. Его богатая, зеленого бархата, шитая золотом одежда выглядела такой же помятой, как и он сам. На голове у него был золотой обруч, подобный обручу королевы, только шире и с большим, ограненным в виде пирамиды изумрудом.

— Северянин, — сразу определил король, изучающе разглядывая смуглого и синеглазого гиганта. — Причем в великолепной форме — не то что мои несчастные воины. Руфия часто говорила мне, что ты один из немногих, кому можно полностью доверять. Если Каспиус даст добро, а ты исполнишь возложенную на тебя миссию, тебя ждет щедрая награда.

Не дожидаясь ответа, Афратес поднялся, снова едва кивнул всем троим и вышел.

— Он всегда был суровым правителем, а сейчас, в эти черные дни, бремя власти особенно тяжело, — сказала Руфия, словно извиняясь, когда за королем закрылась дверь. — Подойди сюда, Конан. Взгляни на нашу дочь.

Киммериец приблизился к постели и, отведя в сторону невесomую занавеску, увидел на подушках хорошенкую, но очень худую и бледную девочку. Среди белого шелка простынь она выглядела как призрак, уже наполовину не принадлежащий этому миру. Ее припухлые, нежного рисунка губы беззвучно шевелились, а зрачки беспокойно двигались под тонкими, выпуклыми веками — она блуждала среди нездешних равнин. Тонкие детские пальцы теребили пушистый мех одеяла. Королева, повинувшись какому-то безотчетному порыву, опустилась на бархатную

подушку перед кроватью и взяла влажную ладошку девочки в свои, пытаясь дыханием согреть холодные пальцы. Принцесса шевельнулась, повернула лицо к онемевшей матери и вдруг открыла глаза. На какое-то мгновение в них промелькнула искорка понимания. Исмаэла перевела взгляд на Конана, словно намереваясь спросить, кто этот огромный незнакомый человек. Но искра, вспыхнув, тотчас же погасла, расширенные в ужасе глаза закатились за веки: какое-то чудовище из сновидений вновь утащило принцессу в темные воды небытия.

Вздох, больше похожий на стон, вырвался из груди королевы.

— Ты видишь, она умирает! — Конан невольно отвел глаза, избегая смотреть на бледное лицо девочки и почти такое же бледное — ее матери. — Помоги нам! Право, это будет подвиг, достойный твоей славы, не менее достойный, чем битва у горного перевала! Я пошла бы сама, но что я могу, слабая, несчастная женщина? И я не могу отойти от дочери ни на час... -

По-прежнему коленопреклоненная, она уронила голову на скрещенные руки. — Если ты согласен поговорить с Каспиусом, ступайте в его или мой кабинет. Исмаэла и так спит неспокойно, и я боюсь, что громкий разговор потревожит ее еще больше.

— В самом деле, пойдемте, — кивнул Конану лекарь. Они вышли, и галерея показалась им особенно солнечной и светлой после душного полумрака спальни. Каспиус вышагивал сгорбившись, словно старый нахохлившийся белый ворон.

— Для нас это большое горе — видеть маленькую принцессу в таких мучениях. Для меня она, помимо наследницы престола, еще и просто друг, ведь я знаю ее с пеленок. Чудесный ребенок, живой и сообразительный — по крайней мере, она была такой совсем недавно. — Он помотал головой, словно отгоняя наплывающую дремоту — вид у него был усталый и сонный. — И к тому же обещает вырасти редкой красавицей. — Он взглянул на Конана с неожиданным лукавством: — У нее к прекрасным волосам, унаследованным от матери, ярко-синие глаза, что редко встречается у шемитов. Особенно если учесть, что у ее отца глаза карие, а у матери — скорее зеленые, чем синие.

Они вышли из галереи и пошли через анфиладу больших парадных залов.

— Не удивительно, что ребенок красив, ведь ее мать — женщина редкой красоты, — заметил Конан, шагая рядом с лекарем.

— О да, — энергично кивнул Каспиус. — Вы ведь, кажется, уже знали Руфию, когда она впервые приехала в Баалур? Мне говорили, что Афратес влюбился в нее без памяти, как только увидел. Взял в свой гарем, а меньше чем через год она родила ему долгожданную наследницу престола. До тех пор у короля не было детей ни от одной из жен. — Он снова взглянул на Конана с едва заметным лукавством.

Но киммериец не заметил этого, слишком погруженный в свои мысли.

— Да, я помню, ей очень понравился ваш город, — сказал он. — Я же нашел его слишком сытым, даже, пожалуй, самодовольным — и быстро уехал, оставив Руфию здесь.

— Насколько я знаю, вы тогда оба бежали из Асгалуна, где бушевало восстание, верно? — Дойдя еще до одной витой лестницы, Каспиус начал спускаться вниз.

— Да, там было жарковато, — усмехнулся Конан. — Взбесившиеся подмастерья перерезали глотки половине асгалу некой знати и почти всем купцам. Деваться было некуда от пожаров и погромов, горел весь город.

Еще не зная, как вести себя с дворцовыми лекарем, Конан умолчал о своей роли в этом восстании. Не стал он упоминать и о том, что кровопролитие произошло и по более весомой причине, — киммериец опасался, как бы власти не опознали в нем Амру, грозного пирата южных морей.

— Как бы там ни было, ваш друг Маздок, севший в результате этой заварушки на трон Асгалуна, оказался неплохим королем, — заметил Каспиус, и Конан понял, что лекарь знает

большую часть того, о чем киммериец предпочел умолчать. — Наш король с тех пор состоит с ним в военном и торговом союзе.

Ну да, — подумал Конан, — и конечно же, по-прежнему вожделеет прекрасную супругу союзника. Интересно, знает ли этот лекарь, что однажды Маздок переспал-таки с будущей королевой Баалура?

Вслух же он проговорил:

— Я увез оттуда Руфию ради ее же собственной безопасности.

— И колдунья по имени Зерити больше не могла преследовать ее, — поддакнул Каспиус, — поскольку ревнивая ведьма умерла. Или не совсем умерла? — Дойдя до конца лестницы, лекарь свернулся в новый коридор, открыл низкую дверь и жестом пригласил киммерийца войти. Конану пришлось нагнуть голову, чтобы не стукнуться о притолку.

— Послушай, приятель, — раздраженно сказал он, — еще с юных лет я раз и навсегда положил себе зарок: по возможности не иметь дело с колдунами, духами и призраками. Я никогда не видел эту ведьму прежде! Мы единственный раз встретились с ней в час ее смерти — или несмерти, раз уж ты так хорошо осведомлен о делах своей королевы. Я терпеть не могу всяких магов и колдунов, и если ты один из них...

Оглядевшись вокруг, варвар понял, что старик наверняка занимается чародейством. Каспиус привел его в холодную, полутемную, с низким потолком и лишенную окон комнату, сильно смахивающую на погреб. Здесь громоздились один на другой сундуки со свитками — старыми, пожелтевшими от времени, и совсем новыми, почти белыми. Несколько десятков книг лежало по углам, низкий дубовый стол был погребен под рукописями. В целом комната весьма походила на логово колдуна. Киммериец пожал плечами.

— Во всяком случае, если Зерити сжигают ее темные страсти и после смерти, то ревнует она не меня, — сказал он. — Ее сумасшедший муж, Ахиром, бывший король Асгалуна, всегда ее нежно любивший, обратил вдруг свой королевский взор на бедную Руфию, вовсе того не желавшую. Для него это безумство оказалось последним. Ну а если ведьма сумела как-то сохранить способность видеть этот мир и после смерти, она, конечно же, должна грызть свой саркофаг от злости, глядя, как ее соперница, став королевой, купается в роскоши, тогда как сама Зерити превратилась в прах.

— Да, выслушав рассказ королевы, я пришел к такому же выводу, — согласился Каспиус. — И, боюсь, рождение наследницы — прекрасной принцессы, любимой всеми от мала до велика, — вызвало у ведьмы зависть еще большую, чем беспечальная жизнь соперницы. Именно поэтому избрала она невинное дитя первой жертвой. Ревность — темное чувство. Страшно подумать, на что оно может толкнуть злую колдунью.

С тяжким вздохом безмерно уставшего человека лекарь сел на большой узкий ларь с наваленной на него кипой одеял.

— Сядьте куда-нибудь, Конан, прошу вас. Мне трудно задирать голову, вы слишком высоки для моей старой шеи. — Конан уселся на какой-то пыльный сундук, оставил кресло у стола хозяину. Каспиус благодарно кивнул. — Извините меня за вопиющий беспорядок, но я обо всем позабыл за эти дни, даже сплю здесь, чтобы не ходить туда-сюда через весь дворец. Все старые свитки хранятся в этом погребе, поскольку здесь прохладно и сухо, а это необходимо для старых пергаментов.

— Что ценного можно сыскать среди такого хлама? — удивился северянин, оглядывая горы рукописей. — Сколько лет надо потратить, чтобы прочесть все это?

— О, меньше, чем вам кажется, — ответил лекарь. Подавшись вперед, он выхватил из кипы свитков лист таким жестом, каким воин выхватывает из ножен меч. — В наших архивах встречаются очень занятные документы. Пытаясь найти противоядие этой колдовской чуме, я

прочел описание множества непонятных и трудноизлечимых случаев...

Конан поворотил носком сапога хрустко шуршащую кипу исписанного пергамента на полу.

— Мне приходилось встречаться с магией такого сорта — ее называют белой, — заметил он. — Но цена за нее, как правило, не менее высока, чем за черные чары. Так что будь осторожнее со всем этим, старик.

— Я вижу, вы все же имели немало дел с магией, и потому мне будет ценно любое ваше замечание, — пробормотал Каспиус, уткнувшись в свой лист. — Я вообще очень нуждаюсь в ваших советах, чтобы суметь подготовить все как должно...

Конан вскочил на ноги, глаза его горели уже настоящей яростью.

— Я же сказал тебе, что не желаю иметь никакого отношения к колдовским штучкам! Если ты задумал побить ведьму при помощи всего этого, поищи кого-нибудь другого! Я воин, дерусь мечом и секирой, а не пожелтевшими от собственного яда свитками!

— Нет, нет, Конан, вы неправильно меня поняли, — замахал на него руками старик. — Я совершенно не ожидаю, что вы превзойдете Зерити в колдовстве! Нам нужна совсем иная помощь. Только физической мощью можно добыть лекарство от этих кошмаров, которые снятся теперь почти всему городу... — Он зевнул. — И мне в том числе... Пожалуйста, ущипните меня, если я начну задремывать. Я очень устал...

— Как, даже тебе? — спросил Конан, смягчаясь. — Даже королевскому лекарю?

— Мне еще худшие, чем другим, уверяю вас, — кивнул седой головой Каспиус. — Я думаю, вы и представить себе ничего подобного не можете... Во всяком случае, надеюсь, что не можете.

— Но ты сказал, есть какое-то средство? Почему же ты не испробуешь его на себе — да и на всех желающих?

— Да, я нашел средство против чар. — Каспиус порылся в изголовье своей импровизированной постели и вытащил особенно старый и затрапанный свиток. — Нет ничего в этом мире, что бы не повторилось в прошлом или грядущем. Этому свитку уже не одна сотня лет. Здесь описаны чарыочных кошмаров.

Придерживая рукой нижний край, он осторожно развернул свиток на коленях. Чернила рукописи выцвели и местами стерлись, но в целом запись была в неплохом состоянии.

— Здесь говорится, — пояснил лекарь, — что сон вызывает любое сильное чувство. Кошмары же вызываются только злыми чувствами. Колдун может наслать очень жуткий морок, но лишь действительно могущественный волшебник способен заставить, скажем, население целого города видеть один и тот же, с небольшими вариациями, страшный сон. Колдуны часто пользуются этим оружием — обычно, желая отомстить кому-нибудь. — Он пробежал глазами несколько строчек, беззвучно шевеля губами. — Вот! "Известно только одно верное средство против чумыочных кошмаров. Оно исчезло из нашего мира уже столетие назад — сонное снадобье из лепестков серебряного лотоса".

— Лепестки лотоса! — расхохотался Конан. — Дайте мне хороший корабль, и я привезу вам столько лотоса, что хватит засыпать все улицы города! В Вендии его продают в любой лавке!

Каспиус печально улыбнулся и покачал головой:

— Вы напрасно думаете, что мы не пытались его найти. Прежде чем королева в отчаянье послала за вами, мы обшарили все базары Вендии и Иранистана и везде потерпели неудачу. Но посмотрите сюда.

И он развернул перед Конаном свиток до конца. В нижней части манускрипта были начертаны разноцветные линии, отчетливее всего виднелась голубая, ведущая почти строго с юга на запад. Очевидно, это была карта какой-то местности.

— Согласно древним травникам, — пояснил Каспиус, — не белый, а именно серебряный лотос слишком нежен и прихотлив, чтобы выращивать его на продажу. Никто из нынешних

торговцев даже не слышал о том, чтобы его специально разводили или вывозили откуда-нибудь. Он растет на диких озерах в землях, лежащих еще дальше к югу за Черными Королевствами, где живут одноглазые пигмеи-людоеды.

Лекарь постучал тонким пальцем по голубой линии на карте.

— В наши дни, Конан, — тихо и раздельно произнес он, — этот цветок растет поблизости только в одном месте. В дельте реки Стикс.

Глава 4

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Впервые с тех пор, как он прибыл в зачумленный Баалур, Конан расхохотался: закинув голову, разметав по плечам гриву черных волос, киммериец смеялся во весь голос, от души, так, что какое-то из нагромождений книг в глубине подвала обрушилось на пол, подняв тучу пыли.

— Верховья реки Стикс, клянусь Кромом! Стариk, ты хоть знаешь, о чем говоришь? Отправиться в земли, которых нет ни на одной карте, за какими-то мифическими цветочками!

Но лекарь продолжал смотреть на северянина без тени улыбки на морщнистом лице.

— Ох, Каспиус, — выдохнул Конан, отсмеявшись. — Ни одному человеку — ни одной армии, если на то пошло, — не под силу добраться до этих краев и вернуться живым. На такой путь может уйти не одна жизнь! Если в твоих древних свитках говорится, что единственное средство от кошмарных снов растет в верховьях Черной реки, так там должно быть и написано, что добыть его — задача, непосильная для простого смертного! Верная гибель, конечно, хорошее средство оточных кошмаров, но зачем же за ним так далеко ходить?

Каспиус терпеливо ждал, пока у гостя не иссякнет неожиданный поток красноречия.

— Конечно же, вы правы, — сказал он, когда Конан наконец замолчал. — Но у нас нет иного выхода. Вы — последняя наша надежда, ибо только вам осмелился бы я предложить подобное путешествие. К тому же я слышал, что в своих странствиях на юге вы побывали дальше, чем любой из ныне живущих. Разве вам прежде не доводилось подниматься к верховьям Стикса?

Нахмурясь, Конан шевельнул черной бровью.

— Да, я побывал там однажды, — с неохотой признал он. — И зашел достаточно далеко, чтобы подтвердить твои слова: верховья Стикса лежат в самых далеких и диких от нашего мира землях. Я видел, как он несет воды через Пунт, Кешан и Черные Королевства, чьи границы каждый год меняются из-за постоянных войн. Когда Стикс разливается, даже в верховьях его русло широко и глубоко, а течение столь сильно, что человек не в силах удержаться на поверхности, попав в стремнину. Но оттуда, где я был, до истоков Черной реки — если только у нее есть истоки — оставалось не менее сотни лиг еще дальше к югу. А может, к западу или востоку — не знаю... Послушай, стариk, а если ее истоки кроются под землей и надо быть водяной крысой, чтобы добраться до них?..

Опустив глаза, киммериец коротко выдохнул и дернул углом рта.

— Когда я был там, я видел множество белых лотосов, Каспиус, — негромко сказал северянин. — Просто целые заросли. Но ни разу не встречал серебристых, ни одного цветка.

Каспиус оживился.

— Да, да, здесь говорится, что он растет вместе с обычным лотосом, только немного выше по течению! — с жаром воскликнул он. — Вы были совсем близко! А что до трудностей пути... мне кажется, Конан, вы преувеличиваете. Как бы ни был он черен, через какие бы страны ни нес свои воды, Стикс всего лишь река. И если она так широка и глубока, как вы говорите, разве это не означает, что по ней пройдет хорошо оснащенное судно? И разве не плавают уже сотни лет в его низовьях торговые корабли? Дело всего лишь в расстоянии...

— В расстоянии, ха! — оборвал его Конан. — Что ты знаешь о расстояниях, стариk, никогда не покидавший своего тысячестенного города? Никогда не видевший бури на море или песчаного смерча в пустыне, которые проглатывают, как маслины, эти самые торговые корабли и караваны! — Киммериец презрительно фыркнул. — Пф! Да такой домосед, как ты, не пройдет в

глуши расстояния отсюда до противоположной стены! А ведь помимо пустошей и непроходимых зарослей, на юге есть вещи и похуже: ядовитые болота, пропасти, ни с того ни с сего возникающие у тебя прямо под ногами, гибкие топи, издали похожие на солнечные зеленые лужайки. Я уже не говорю о хищниках и воинственных дикарях, обитающих там!

Перечисляя все эти напасти, Конан один за другим загибал пальцы на своей широкой руке. Потом помахал перед лекарем сжатым кулаком.

— Столько довольно? Нет, это безумие, говорю тебе, самое безумное безумие из всех безумий, хуже, чем ваши кошмары! Ты предпочел бы любые страшные сны той долгой и мучительной смерти, которой умрет всякий, сунувшийся в те края! Если ты знаешь какой-нибудь волшебный способ перенести меня туда, где растет лотос, а потом так же вернуть обратно, я готов и целиком в твоем распоряжении. Но если нет — забудь об этом!

— Вы сказали "долгая и мучительная смерть"? — молвил Каспиус задумчиво. — Но ведь именно долгой и мучительной смертью умирает наша принцесса. А вместе с нею и половина города. Да мы шутя наберем сотню добровольцев, которые пойдут хоть в обитель Нергала, только бы избавиться от черных снов Зерити. Был бы от меня в таком путешествии малейший прок, я пошел бы первым... — Старик вздохнул и устало прикрыл глаза. — А что касается вас, Конан, — продолжал он, — вы — тот смертный, который уже единожды бывал в тех местах и вернулся живым. Королева рассказывала мне о ваших бесчисленных подвигах. Если хотя бы половина из ее рассказов — правда, вы сумеете провести невредимым отряд туда, где еще не ступала нога детей Митры. И привезете единственное спасение для всех жителей нашего несчастного города. Мне кажется, сам ваш приход сюда не случаен. Это знак судьбы.

Конан, сидевший молча и опустив голову, кинул на седого лекаря насмешливый взгляд из-под спутанных черных волос.

— Скажи-ка мне, Каспиус, а с чего ты так уверен во мне? С чего так уверена в моей помощи королева? Ведь, получив в свое распоряжение большой отряд вооруженных людей и множество требуемого для столь долгого и трудного пути добра, я могу просто улизнуть. Сколотить шайку разбойников, а то и захватить какой-нибудь город, сесть в нем правителем и забыть о вашем существовании. Вы так доверяетесь мне — почему вам не приходит в голову, что можете больше никогда меня не увидеть?

Каспиус встретил его взгляд со снисходительностью родителя, наблюдающего шалости ребенка.

— Вы когда-то принесли Руфии клятву верности, если можно так назвать данное вами обещание помочь ей в любой беде, — сказал он, улыбнувшись. — Видите, я знаю и об этом. А из того, что я слышал о вас от других людей, я заключил, что такие клятвы — не пустой звук для Конана-киммерийца. А помня, как страдает королева и ее бедное дитя, которое, если выживет, унаследует корону и все богатства Баалура, вы, мне кажется, не повернете назад. Узы крови подчас оказываются крепче стальных цепей...

Конан хмыкнул и мотнул головой.

— Я должен был догадаться, что с тобою бесполезно играть в кошки-мышки, — сказал он. — Что ж, будем честны друг с другом. — Он огляделся вокруг и понизил голос до шепота. — Даже не имей этот ребенок ко мне никакого отношения, я не смог бы смотреть спокойно, как мучается малышка. Но с другой стороны, стоит ли спокойный сон моего ребенка сотни, а быть может, и тысячи жизней ни в чем не повинных людей? И затраченных городом средств на постройку или покупку флота? Ибо, если ты еще не подумал об этом, придется действительно строить корабль, а быть может, и не один. Пойдет ли на это город? И король?

— Король Афратес считает эту девочку своей, — так же тихо ответил Каспиус. — И потому потратит последний грош если не ради спасения города, то ради спасения единственной

наследницы. Если понадобится, он пошлет за лотосом всю свою армию до последнего человека. — Лекарь снова развернул на коленях древний свиток. — Но помимо сострадания, какое могут вызвать больная дочь и ее рыдающая мать, вступая в эту битву, помните, Конан, что это не просто поход за лотосом, а поход против ведьмы Зерити. Она мстит нам, обрушив первый удар на невинное дитя, но, боюсь, не остановится, пока не убьет здесь всех до последнего человека — медленно и мучительно. Кто знает, как далеко простираются ее планы. Но уверен, что и вы, и королева занимаете

в них не последнее место.

Конан кивнул, соглашаясь:

— Ты прав, стариk. Быть может, нам удастся придушить ее планы еще в зародыше и спасти город, а то и всю страну от худших бед. Стигийские колдуны обычно жаждут обладать не меньше, чем всем миром... Лишь бы твой лотос действительно помог снять чары... — Он вдруг рассмеялся: — А ты умеешь находить убедительные доводы, Каспиус!

— Самый убедительный довод из всех — это вы, Конан, — рассмеялся в ответ лекарь. — Едва ли найдется человек, более достойный возглавить столь опасное предприятие.

Он поднялся с сундука, зябко кутаясь в свою белую мантию.

— А теперь, если мы все обсудили, нас ждет аудиенция у короля Афратеса, — сказал Каспиус, направляясь к выходу. — Там убеждать будете уже вы.

— Сообщил ли тебе, варвар, наш дворцовый лекарь, что путь к растению, потребному для снятия чар, может быть долг и труден?

Говоря это, Шалманзар, верховный военачальник армии Баалура, сохранял на длинном ухоженном лице надменное выражение. Борода его, тщательно расчесанная, благоухала розовым маслом, а черные маслины глаз с презрительным недоверием разглядывали киммерийца. Стоя у самого подножия высокого трона в зале королевского совета, он словно подчеркивал этим свою близость к власти и королю. Помимо него, Конана и Афратеса, в пышно убранном зале находились также Каспиус и несколько верховых сановников королевства.

— Сообщил, — ответил Конан, не обращая внимания на надменный тон Шалманзара. — А я ему на это сообщил, что, по-моему, затея провалится.

Военачальник поднял и без того высокие брови:

— Да? Но как бы там ни было, мы должны попытаться. Король намерен отправить большой отряд на юг, чтобы там либо найти серебряный лотос диким, либо купить его у местных племен. Этому отряду нужен проводник. А ты, как я понял, уже бывал в тех землях.

Конан не стал еще раз объяснять, почему он считает этот поход безумием. Он просто спросил:

— Как велик отряд, который ты собираешься выслать?

Шалманзар поморщился: он не ожидал, что варвар вмешается, как только возникнет пауза.

— Я полагаю, что хватит двадцати или тридцати человек — разумеется, верховых и с выносливыми лошадьми. Начать подниматься по течению можно будет из одного из южных речных портов, а может, по караванному пути...

— Если этот отряд поведу я, — заявил Конан, — то в нем должно быть не менее пяти сотен человек. — Все глаза в зале в изумлении уставились на него, и, пользуясь этим, он продолжал: — Еще лучше, если их будет тысяча. Причем это должны быть обученные и выносливые воины, потому что нам придется пройти через пустыни и джунгли, не говоря уже о плавании вверх по реке. Помимо оружия, нам также понадобятся всякие меновые безделушки, чтобы суметь договориться с туземцами, если придется с ними столкнуться. Вожди дикарей очень любят все яркое и блестящее...

— О чём он толкует, этот варвар? — вскричал Шалманзар, обретя наконец утраченный дар

речи. — Я сказал, что отряду потребуется проводник, а не военачальник! В нашей армии достанет сотников, которые могут возглавить такой поход и без описанных тобою излишеств.

С этими словами он повернулся к молодому воину, стоявшему у него за спиной. Юноша был высок и хорошо сложен, и золотые шнурки на его кожаной куртке, такие же, как у Шалманзара, говорили о высоком посту в баалурском воинстве.

— Отряд поведут капитан Турио и десятники, — продолжал Шалманзар. — И вовсе не обязательно посыпать тысячу воинов туда, где справится несколько дюжин.

— Либо отряд возглавлю я, — снова вмешался Конан, — либо он отправится без меня. Ваши десятники могут идти со мной, но будут при этом подчиняться мне и только мне. В конце концов, не караван же в Вендию мы тут собираемся снаряжать!

— Тебе? Тебе, чужестранцу и бродяге? — взревел, растеряв всю свою надменную невозмутимость, Шалманзар. — Ты хочешь, чтобы король доверил лучшие отряды своих войск какому-то проходимцу? Ваше величество! — обернулся он к Афратесу, молча слушавшему их перебранку.

Конан презрительно хмыкнул:

— Мне уже приходилось командовать армиями королевств куда больших, чем один ваш город, — заявил он. — А даже если и нет — разве у вас есть выбор? Быть может, среди ваших караванщиков същется кто-нибудь, кто поведет ваше войско к верховьям Стиksа?

— Уж лучше мы найдем караванщика, — отрезал Шалманзар. — Среди тех, кто ежегодно возит товары в южные страны, наверняка...

— Не отыщется никого, кто не упал бы в припадке, услышав слово «Стиks», — смеясь, продолжил Конан. — Поэтому придется это делать мне. И так, как решу я, а не кто-либо другой.

— Тогда делай.

Слова эти прозвучали негромко, едва слышно. Но готовый уже спорить, Шалманзар застыл, открыв рот и не издав ни звука, потому что произнес два этих слова король.

Но мгновение спустя военачальник перевел дыхание и, придав голосу негодящую дрожь, возопил:

— Государь, одумайтесь! Посмотрите на этого оборванца — разве можно ему доверять? Он унесет из города все, до чего сможет дотянуться, — и исчезнет, как роса поутру! Неужели же можно помыслить, чтобы вся наша армия была отослана с каким-то бродягой на юг во имя неизвестно чего? — С каждым восклицанием он поднимался к трону на ступеньку выше и к концу речи смотрел на Конана уже сверху вниз. — Он заведет нас в глухие дебри, где большая часть воинов погибнет, а остальных он обратит в пиратов или разбойников!

— Замолчи! — резко проговорил король. — Все будет так, как сказал киммериец. Каспиус нашел, что он справится с этой задачей, ведь это так, друг мой? — Афратес обернулся к лекарю, и тот молча кивнул. — Слава Конана из Киммерии — лучшее ручательство, — продолжал король. — Он справится с любой армией не хуже, чем я тутправляюсь с вами. Поэтому довольно споров. Говори, Конан, что тебе нужно для этого похода.

Шалманзар с поклоном отступил, но лицо его выражало лишь упрямство и злобу. Конан усмехнулся и обратился прямо к королю.

— Предупреждаю вас, ваше величество, что путешествие может занять от нескольких месяцев до года, — сказал он. — Даже если мы найдем этот серебряный лотос, мы можем опоздать.

— За такое время может случиться все, что угодно, — поспешно вмешался Шалманзар, — поэтому я настоятельно рекомендовал бы вашему величеству послать с отрядом Турио и других сотников, чтобы они могли принять командование, если с Конаном что-нибудь случится в пути.

— Это разумно, — кивнул Афратес и вновь обернулся к Конану: — Ты получишь все, что

сочтешь необходимым для этого путешествия, но помни, что ты должен спешить. Ибо, помимо того, что при смерти принцессы и иные весьма достойные люди, нас начинают обходить стороной караваны, а это верная смерть для всего города.

— Либо мы вернемся в начале зимы, либо не вернемся никогда, — спокойно ответил Конан. — Потому что после зимнего разлива по Стиксу уже не пройдет ни один корабль. Разумнее всего было бы отплыть из Асгалуна, войдя в Стикс со стороны моря. Маздок, нынешний правитель города и мой старый друг, как я слышал, отстроил порт...

Завладев вниманием слушателей, Конан обсуждал подробности снаряжения и возможные препоны на долгом пути до самого вечера. Король, к удовольствию и облегчению киммерийца, не пропускал ничего, что можно было обговорить заранее. Остальные тоже старались вникнуть в суть дела, но на их лицах было написано не желание все предусмотреть, а что-то вроде: "Ну-ну, чужестранец, ты как-то сумел одурачить короля один раз, но мы не позволим тебе повторить этот фокус".

После запоздалого ужина молчаливый слуга отвел киммерийца в приготовленные ему покой. В спальне, выходящей окном в тот же зеленый внутренний двор, что и окна принцессы, Конан увидел Руфию, дожидавшуюся его появления.

— Исмаэла спит на удивление спокойно, — сообщила королева, садясь рядом с Конаном на огромную кровать, поскольку другой мебели в спальне не было. — Говори, не томи меня, — ты согласился? Это наша единственная надежда!

Конан глянул на плотно закрытую дверь, но не пошел проверять, не подслушивает ли под ней тот самый слуга, который привел его к гостевым комнатам. Между тем королева устало склонила голову ему на плечо. Конан ласково погладил ее волосы.

— Я не знаток волшебных снадобий, но я постараюсь привезти вам то, что нужно Каспиусу, хоть это и верная гибель.

Королева вскочила с места, бросилась перед ним на колени и принялась осыпать поцелуями его смуглые руки.

— Боги да благословят тебя, Конан! И Митра, и Мардур, и твой суровый Кром! Благословят и помогут справиться со злобной ведьмой!

Конан поспешил поднял ее с колен.

— Я сказал лишь, что попытаюсь, Руфия. А что до помощи богов, то не знаю, как иные небожители, а Кром не помогает дуракам, идущим на верную гибель ради прекрасных женских глаз!

— Нет, нет, я знаю, ты победишь! Ты никогда не избегал опасностей, это они избегают тебя! Я знаю, ты победишь. Ради меня и Афратеса и ради... — Она запнулась, затем крепко поцеловала северянина в губы и тихо закончила: — Ради нашей дочери.

Глава 5

ОТЪЕЗД

Миновало четыре ночи, и наутро пятого дня пребывания Конана в Баалуре на площади перед королевским дворцом начали выстраиваться верховые отряды и вьючные лошади.

Помимо всадников, числом ровно две сотни, в поход отправлялись и пешие отряды, в каждый из которых входило сорок человек. Для них на площадь были пригнаны повозки с впряженными в них чернобокими быками — три дюжины повозок, по одной на отряд. Эти приготовления восторженно созерцала толпа горожан, теснясь на плоских крышах домов и выглядывая из окон.

И у отъезжающих, и у остающихся было приподнятое, радостное настроение. То ли так совпало, то ли и впрямь Конану было суждено с самого начала прослыть спасителем города, но с его приездом многим страшные сны стали сниться реже, а у некоторых исчезли совсем. А поскольку за последние десять дней зараза распространилась буквально на всех, от городской знати до уличных метельщиков, в городе не осталось ни одного человека, равнодушного к сборам киммерийца.

На призыв короля помочь отывающим всем, чем возможно, откликнулись и богачи, и бедняки. И тех, и других мучили одни и те же кошмары — хотя у простого люда они были не столь ужасны, как у сановников и именитых купцов. Но и малого страха было вполне довольно, чтобы несчастные вскакивали с криком, в слезах и поту ка своих постелях, не в силах после этого сомкнуть глаз весь остаток ночи. Потому так и старались горожане, принося ко дворцу кто что может: еду, вино, деньги или одежду.

Со своей стороны Конан ежечасно поторапливал сборы. Он не просто хотел оставить позади проклятый город, хотя чары, незримо клубящиеся здесь, действовали и на него. Киммериец надеялся, что, выйдя из города, солдаты, толком не спавшие уже несколько недель, наконец начнут приходить в себя. Конечно, было небезопасно оставлять Баалур без защиты, но приходилось идти на риск. Тем более что с каждым днем защитники становились все более беззащитны сами.

В конце концов сборы завершились. Афратес почти наполовину опустошил свою сокровищницу, чтобы оплатить работу кузнецов, оружейников, ткачей и прочих мастеров, трудившихся день и ночь.

Почти одновременно с окончанием работ явился гонец из Асгалуна с известием, что король Маздок готов предоставить путешественникам достаточное количество галер и запасов для сколь угодно долгого плавания. За эту услугу сосед запросил смехотворную цену, ссылаясь на дружбу и военный союз с Баалуром. (Замаливает грех перед Руфией, усмехнулся про себя Конан, когда узнал об этом.) По словам Маздока, по прибытии в Асгалун отряд киммерийца будет ожидать уже готовая небольшая флотилия. Погрузившись на суда, они пройдут побережьем на юг и начнут подъем из дельты Стиksа.

Говоря на совете, что Маздок — его старый друг, Конан немного покривил душой. В чем он мог поручиться, так это в том, что нынешний король Асгалуна в недалеком прошлом был умным и расчетливым полководцем. Собственная выгода всегда интересовала его больше любых дружеских отношений. Конан не мог с абсолютной уверенностью заявить, что на этот раз Маздок помогает им без всякой задней мысли. Быть может, он имеет свои планы и на Баалур, остающийся без гарнизона, и на королеву Руфию. Но выбора у киммерийца не было, и потому приходилось верить старому пройдохе на слово — до поры до времени.

Наблюдая за тем, как готовится к выступлению его будущая армия, Конан все больше утверждался в мысли, что его способ стяжания славы и богатства ничуть не хуже способа Маздока. С годами варвар начинал ценить не славу, но путь к ней, не обретение сокровищ, но их поиски. Жажда приключений все еще была в нем больше смутного желания оседлой жизни. Он пока предпочитал наниматься на службу к какому-нибудь королю, чем становиться королем самому. Обычно поручения, выпадавшие ему, оказывавшиеся сопряженными с большим, почти смертельным риском — что ж, он шел на него. Самой главной — и трудноисполнимой задачей при этом становилось соблюдение первого правила любого наемника: никогда не принимать близко к сердцу беды того, кто платит тебе за риск, чтобы в момент действительно смертельного риска выбирать между деньгами и жизнью, не более того.

Правда, в этот раз Конан справедливо опасался, что данное правило не будет соблюдено вовсе.

Но окончательное решение — во что бы то ни стало найти загадочный цветок — Конан принял не после бесконечных слез и уговоров Руфии, они как раз едва не отвратили его от этого похода. Услыхав впервые от Каспиуса о серебряном лотосе, Конан, ни разу не встречавший его в своих странствиях, сильно сомневался, не выдумал ли его безымянный автор древней рукописи. Его сомнения были очень скоро развеяны.

Иочные кошмары, и обычные сновидения мало беспокоили варвара, он редко их помнил и никогда не придавал большого значения. Но, живя в городе, где все были одержимы одним и тем же сном, и он подхватил ту же заразу. Все пять или шесть ночей, проведенных в Баалуре, он тоже видел повторяющуюся картину, но так и не смог определить, кто наслал ее — ведьма Зерити или противостоящие ей светлые силы.

Он видел колдуна, прекрасную и нагую, кружившуюся в дикой пляске у своего каменного алтаря, и то темное нечто, выползающее из гробницы, к которому был устремлен ее горящий взор. Но вокруг черной сожженной земли, островком тьмы возвышавшейся над серебряным светом, дрожало и колыхалось целое море цветов. Они были огромны, их упругие лепестки, мерцающие в лунном свете, казались искусно выкованными из металла.

Увидев этот сон в первую ночь, Конан удивился, но, когда то же повторилось и на вторую, и на третью ночи, он наконец согласился с Каспиусом, утверждавшим, что сама судьба привела киммерийца в их город. Серебряный лотос существовал на самом деле, и Зерити охраняла его.

Конан вышел на широкие ступени внешнего подъезда ко дворцу. Здесь уже стоял король. Внизу приветственно гудела толпа. Король Афратес поднял руку, призывая к молчанию.

— Сегодня, — начал он, — храбрейшие из нас выступают в поход, из которого, быть может, не вернутся. Но они уносят с собою наши чаяния, нашу надежду на спасение. В их колчанах стрелы, которые вы ковали день и ночь, на их плечах кольчуги, которые вы плели, они будут спать в шатрах, которые наши женщины соткали и сшили за три дня. И если будет на то воля наших богов, они вернутся с победой и наша возлюбленная принцесса будет здорова, а с нею и весь город. Поэтому воспрянем духом и будем уповать на лучшее! Восславим героев, моля богов даровать им победу, и да отыдет от нас зло!

Последние слова короля потонули в восторженных криках многотысячной толпы.

Проводить выступающий отряд вышли все члены королевского совета. Здесь были и верховный жрец Митры, и Каспиус, и мрачный военачальник Шалманзар, и Турио, его тень при Конане. Рядом с мужем, опираясь на его руку, стояла Руфия, с лицом бледным и озабоченным. Пестрая толпа придворных в златотканых, сияющих на солнце одеждах, в искрах драгоценных камней являла собой весьма красивое и одновременно весьма угнетающее зрелище. Почти у всех был заспанный и нездоровий вид, усталость и обреченность читалась во всех глазах.

— Что ж, значит, в путь! — выкрикнул Конан, торопясь уйти, пока не утихло

воодушевление. Он не любил мрачных проводов и еще более не любил произносить длинные речи. — В Асгалуне нас уже ждут корабли, мы и так потратили на сборы много дней.

— В путь! — откликнулся эхом Афратес. — Мы ждем вас к началу зимы, живыми и невредимыми. За вас будет молиться весь город.

— Да пребудут с вами благословение богов и наши молитвы, — тихо сказала Руфия.

Конан кивнул и сбежал по ступеням вниз, вспоминая те полные мольбы, тоски и муки слова, которыми напутствовала она его нынче ночью, пробравшись в его спальню.

Он быстрым шагом пошел вдоль строя к голове колонны. Отовсюду слышались приветственные выкрики, толпа встречала его оглушительным воем. Глянув вбок, Конан с удивлением обнаружил, что Каспиус сбежал по ступеням вслед за ним и идет рядом, не отставая ни на шаг.

— Ты все еще не оставил своей безумной затеи? — сердито крикнул ему Конан, зная, что за гулом и выкриками его никто, кроме лекаря, не услышит. — Что за дикая мысль — ехать с нами? — Он склонился ближе к уху старика и тихо сказал: — Остановись, еще не поздно!

Каспиус, с теми же кругами под глазами и бледным лицом, что и у остальных царедворцев, упрямо помотал головой:

— Нет, мой доблестный военачальник, я не останусь в стороне. Мои вещи уже погружены, я еду с вами.

— Зачем? — хмуриясь, пожал плечами Конан. — За верной смертью? А как же твой долг, твои обязанности королевского лекаря? Ты бросишь короля, Руфию и бедную Исмаэлу? Неужели же тебе здесь мало забот, что ты хочешь непременно новых?

Но Каспиус даже не замедлил шага, хотя угнаться за Конаном ему было непросто.

— Я уже говорил вам, что оставляю во дворце всех своих учеников. Они сведущи в искусстве врачевания не хуже, чем я. Я достаточно успел изучить состояние принцессы и составил необходимые препараты, чтобы поддерживать в ней искру жизни так долго, как это только возможно. Большего я сделать не могу, и мое присутствие во дворце ничего не изменит. Исцелит ее только серебряный лотос.

— Ну ладно, а ты сам? Судя по твоему виду, ты не блещешь здоровьем, да и не молод уже, — заявил Конан нарочито грубо, еще надеясь отговорить лекаря. — Ты и в самом деле думаешь, что долго выдержишь такое изнурительное путешествие, как наше?

Усталая улыбка лекаря сказала Конану, что Каспиус понял его нехитрую игру. Киммериец с досадой отвернулся, пробормотав что-то бранное.

— Сейчас вопрос скорее в том, как долго я еще выживу в этом городе, — серьезно сказал старик, качая седой головой. — Я, конечно, ни разу не бывал в Стигии и южных королевствах, но когда-то немало попутешествовал по свету. А мое ремесло и знания помогут сохранить нам не только мою жизнь, Конан. Я неплохо ориентируюсь по звездам и кое-что смыслю в погоде; это тоже может вам пригодиться. Ну и, в конечном итоге, только я смогу определить, подойдут для моего лекарства найденные нами цветы или нет. И только под моим руководством мы сможем заготовить и привезти сырье. Король и королева одобрили мое решение и позволили оставить на время пост придворного лекаря. Поэтому примите меня в отряд и постарайтесь извлечь всю возможную пользу из моего присутствия, господин главнокомандующий. — Он церемонно поклонился Конану. Тот фыркнул. — К тому же, если я правильно понимаю природу этой болезни, по мере удаления от города всем нам должно становиться легче и легче, — весело добавил Каспиус. — Глядишь, к концу путешествия я буду выглядеть здоровым юношем.

Киммериец сдался. Каспиус был прав: лекарь и астроном незаменим в любом походе. Но теперь Конану предстояло еще и охранять старика, чтобы тот вернулся из этого похода и подготовил свое чудодейственное лекарство.

— Второй раз говорю тебе: умеешь ты находить убедительные доводы, — проворчал он. — Но я думал, что ты разумнее распорядишься оставшимися тебе годами. Езжай с нами, раз так хочешь.

Во главе колонны был копытом по брускатке мостовой огромный черный жеребец, его еле удерживал под уздцы уже сидящий верхом оруженошец. Каспиус проворно забрался по спицам колеса в головную повозку.

— По отрядам, один за другим! — крикнул Конан, вскакивая в седло. — Вперед!

Тысяча копыт ударила в мостовую, колонна дрогнула и тронулась, набирая ход. От дворца над площадью разнесся чистый звук серебряных фанфар. Зацокали дробно копыта лошадей, им вторил мерный, шаркающий стук копыт быков. Заскрипела кожа, застучали по камню колеса повозок. Над толпой стаями птиц взлетали шапки, отовсюду слышались выкрики и добрые напутствия. Кто-то догадался выпустить почтовых голубей из дворцовой голубятни, и их пестрая стая, хлопая крыльями, закружила над толпой. Мужчины кричали, женщины плакали, мальчишки оглушительно свистели с крыш. Колонна вышагивала торжественно, словно на параде. На ступенях перед дворцом король и сановники подняли руки в прощальном жесте. Оглянувшись, Конан не увидел среди золоченой толпы Руфии — простиавшись с ним, она незаметно ушла, боясь и на полчаса оставить свою умирающую dochь.

Конан двинул жеребца в боковую улицу, ведущую к Южным воротам. Толпа отхлынула к домам, расступаясь перед колонной. Киммериец пришпорил коня, и процессия двинулась вслед за ним — вон из города, в сторону моря.

Колонна медленно ползла через город. Толпа на улицах расступалась перед ней и смыкалась позади. Эхо от стука тысяч копыт лошадей и быков металось от дома к дому, разнося весть о приближении воинства. У больших городских ворот Конан остановился.

Вдоль стен тянулся широкий глубокий ров, через который были перекинуты огромные подъемные мосты, достаточно прочные, чтобы выдержать караван верблюдов. Но армия, проходя по Южному мосту четким строем, разбила бы его вщепы. Конан велел всем выйти из повозок, переехать мост небольшими отрядами и затем вновь выстроиться на дороге. Стоя у самых цепей древнего подъемного механизма и наблюдая за переправой, Конан мельком глянул на город — и, сощурив глаза, взгляделся внимательнее. Черные стервятники, до той поры кружившие прямо над дворцом, теперь переместились ближе к городским стенам. Казалось, что они двигаются вслед за медленно ползущей по узким улицам колонной.

Последний раз взревели трубы, последняя щутиха разорвалась над городом в туче огненных брызг, последние букеты полетели под копыта лошадей и колеса повозок. Колонна выехала из города, и оставшиеся у ворот стражники закрыли створки и подняли мост. Перед Конаном и его армией лежала дорога на юг.

Время было за полдень, и солнце, уже достигшее зенита, пекло немилосердно. Стояли первые жаркие дни начала лета — поры, не самой лучшей для дальних путешествий. Большой караванный путь исстари прозвали Вонючим Трактом, ибо он проходил по опасным и заболоченным местам. Там, где по весне и осени болота превращались в настоящие топи, сохранились старые гати, настеленные еще в незапамятные времена. По ним легко проходили караваны верблюдов, но до сих пор никто не пытался испытывать их прочность целой армией.

После того как на переправу через первую гать ушло почти полдня, Конан из головы колонны переместился ближе к середине и ехал сбоку от дороги. Его могучий жеребец утопал в зловонной жиже по самые бабки, но зато так Конан мог видеть весь строй и подгонять отстающих.

Узнав об их выступлении, несколько купеческих караванов, также отправлявшихся на юг, задержали свой выезд из Баалура, соблазнившись возможностью путешествовать под защитой

огромной армии. И потому на переправах, и без того нелегких, к ржанию и мычанию еле бредущих в жидкой грязи животных, брали и крикам солдат, вытягивающих увязшие в иле повозки, прибавлялись женский визг, надсадный рев детей и разноязыкие проклятия караванщиков. Наочных стоянках лагерь растягивался на два полета стрелы. Караванщики, желая умилостивить начальников отрядов, зазывали их в свои шатры, откуда те выходили далеко за полночь. Простые солдаты завистливо роптали, дисциплина падала, и Конан проклинал тот час, когда он согласился на это безумное предприятие. Оставалось надеяться только на то, что в порту он наконец отделается от этого беспокойного приданого.

По мере того как они спускались с предгорий в степи, дорога становилась суще и нахоженное. Здесь начинались обширные и плодородные земли городов — данников Баалура, небольших укрепленных поселений, окруженных пашнями, фруктовыми садами и пастбищами. Помимо спешного заказа мастеровым и неурочного набора рекрутов, столичные события мало затрагивали местных жителей. Чары Зерити еще не успели распространиться на все земли Баалура, и жители провинций пока что спали спокойно.

Король снабдил Конана достаточным количеством верительных грамот и писем к наместникам с повелением оказывать всевозможную помощь проходящей армии. Конан вел свое воинство из города в город, и в каждом его ожидал радушный прием, ибо Афратеса, правителя грозного, но справедливого и мудрого, в стране уважали и любили. Наместникам нетрудно было оделить войско излишками богатых урожаев, не разоряя землепашцев, и солдаты ежевечернее устраивали в лагере настоящий пир. Это тоже влияло на царящее в армии настроение если не лени, то некоторой беспечности, но Конан хорошо знал, что долго это не продлится. Армия продвигалась все дальше к югу, а южные земли Шема издавна были известны как прибежище разбойников и работоговцев. Путешественник, отважившийся пересечь Шем с севера на юг, подвергал себя большой опасности, ибо с каждой лигой, приближавшей его к проклятому Стиксу, все реже произносилось имя Митры Жизнеподателя, все страшнее становились лики богов в темных, уродливых храмах и все чаще встречались на дорогах странные, подозрительные люди.

Увидев невдалеке от дороги чистое озерцо с впадающим в него прозрачным источником, Конан велел устроить привал. Каждый день в часы самой страшной жары приходилось делать стоянку, ибо ни люди, ни животные не выдерживали передвижения в пыли под безжалостными, почти отвесными лучами солнца. В этот раз Конан остановил войско даже раньше обычного — вода в выжженной stepi встречалась редко, и такой случай упускать было нельзя.

Едва отдохнувшись в тени маленькой рощицы, солдаты с криками полезли в воду, брызгаясь и хохоча, как малые дети. Те же, кто не хотел купаться, улеглись навзничь в траву, предавшись ленивой истоме. Подобное поведение еще можно было простить купцам-караванщикам, но для армии оно было совершенно недопустимо. Однако Конан смотрел на это сквозь пальцы — до поры до времени. Для измученных долгой бессонницей людей этот поход был блаженным отдыхом, ибо по выходе из города кошмары все реже тревожили их сон. И командиры, и простые солдаты постепенно приходили в себя. Во всяком случае, выглядели они гораздо лучше, чем в тот день, когда собрались на большой площади Баалура для отъезда. И Конан терпел беспорядок, полагая, что поджидающие их впереди неприятности и без его окриков быстро отрезвят беспечное войско. А в том, что неприятности начнутся очень скоро, он не сомневался: куда бы они ни шли, где бы ни вставали лагерем, высоко в небе днем и ночью кружили черные колдовские птицы, следовавшие за отрядом от самого Баалура.

Когда тени немного удлинились, Конан поднял отряды и вел их, нигде более не задерживаясь, до самого заката. Едва раскаленный шар солнца коснулся горизонта, Конан послал нескольких верховых найти подходящее для ночлега место. Еще один отряд был

отправлен в близлежащую деревню за едой и вином. В столице их снабдили большим запасом вина и долго хранящихся продуктов, но их Конан велел не трогать, поскольку местные жители и так безвозмездно снабжали армию всем необходимым. Каждый раз, отправляя всадников за едой, Конан повторял командирам, чтобы они не брали ничего сверх необходимого, но не был уверен, что они не забывали его слов, едва только лагерь скрывался из виду.

Ужин был закончен, все разбрелись по шатрам, а костры остались только у постов часовых. Конан решил, что пора собрать небольшой военный совет.

В его большом шатре собирались старшие командиры и Каспиус; рассевшись за столом, они принялись потягивать слабое деревенское вино и обсуждать дальнейшие действия.

Все были согласны, что армия уже в куда лучшей форме и что пора призвать разболтавшихся солдат к порядку.

— Люди были истощены бессонницей, сейчас ко всем возвращаются силы — я чувствую это по себе, — сказал Каспиус. — Мне кажется, с завтрашнего дня можно ускорить наше продвижение, а также будет полезным провести несколько учений, как вы думаете?

При этих словах лекаря Турио, предводитель конницы и правая рука Конана, сделал резкий отрицательный жест, и киммериец повернулся к нему лицом.

— Я не считаю нужным тратить день, а то и несколько на никчемные тренировки, — заявил он. Этот доблестный военачальник был молод и красив, его мягко вьющиеся волосы и воинственно подкрученные усы были всегда расчесаны волосок к волоску. — Мы отбирали не юнцов, а опытных воинов, прошедших не одну битву!

Конан вздернул бровь и отставил в сторону кружку с вином.

— В этом я не сомневаюсь. Но им следует привыкнуть к новому командиру, научиться подчиняться моему окрику, узнавая меня по голосу, а не выискивая в толпе. Причем подчиняться быстро и слаженно, не раздумывая.

Турио кивнул с едва заметной насмешливой улыбкой.

— Они и так достаточно хорошо знают голос того, кого поставил над ними король. И пока ты будешь с ними честен, они честно исполнят все твои приказы, видя в них волю своего короля.

Конан, уже не в первый раз выслушивающий подобные дерзости от молодого капитана, еле сдержался, чтобы не прибить на месте самонадеянного юношу. И никто из присутствующих не сомневался, что, захоти он преподать Турио урок воинской субординации, они не смогли бы помешать ему, даже все вместе взятые. Но вместо ожидаемой вспышки Конан спокойно сказал:

— Не стоит каждый день напоминать мне, что ты здесь — глаза и уши Шалманзара. И не сомневаюсь, что ты предашь меня при первом удобном случае. Я прекрасно знаю о почтовых голубях, улетающих в Баалур чуть ли не каждое утро. — Он ткнул пальцем в сторону большой клетки с птицами. — Но никакие голуби не принесут его сюда в минуту опасности, чтобы спасти ваши шкуры!

Турио в ответ лишь пожал плечами:

— Поверь мне, я не одинок в своей верности нашим правителям. Почему я должен безоговорочно доверять тебе, ведь мы не выиграли еще вместе ни одной битвы. И если со мною что-нибудь случится, другой заступит на мое место, чтобы повернуть армию в минуту опасности. Но единственной моей целью было и останется скорейшее и удачное завершение нашей миссии.

— Может, и так. — Теперь Конан смотрел не на одного Турио, а на всех начальников отрядов. — Но предупреждаю, что там, куда мы направляемся, особо размышлять некогда. Там, на берегах Стикса, ваши жизни будут зависеть от того, как быстро вы исполните мой приказ! Раздумывающий над тем, насколько он верен королю, подчиняясь мне, подожнет быстрее других!

Турио склонил голову.

— Вероятно, ты прав, — кротко сказал он. И добавил, причем на этот раз кротости в его голосе было не больше, чем в раненом тигре: — Если только под твоим началом мы когда-нибудь доберемся туда. А сейчас, с твоего позволения, я хотел бы пойти проверить караулы.

Отсалютовав, он вышел из шатра.

В лагере было тихо. Лишь изредка тень летучей мыши перечеркивала восходящую луну, ярко-красную с одного бока. Солдаты спали. Кошмары еще не окончательно исчезли из их снов, и время от времени раздавался чей-нибудь стон или вскрик, но в остальном царила полнейшая тишина. Конану же в эту ночь не приснилось ровным счетом ничего.

Глава 6

ГАДАНИЕ

Принцессе Исмаэле снилось, что она пробирается сквозь непроходимую чащу. На все голоса свистали птицы; их яркое оперение сверкало в гуще листвы как россыпь самоцветных камней, и мириады бабочек выпархивали прямо ей в лицо из зарослей кустов. В больших, как ладони, листьях копилась влага, проливаясь на нее холодным дождем, когда она случайно задевала их, проходя мимо, так что ее волосы и ночная рубашка были уже совершенно мокрыми. Невиданные цветы величиной с человеческую голову протягивали к ней золотые чашечки с тысячами тычинок. Лианы и плющи обвивали неохватные стволы деревьев; в их густой зелени вертелись юркие змейки, яркоизумрудные, как озерная ряска.

Раздвинув завесу из сплетения воздушных корней и благоухающих цветов, Исмаэла вышла на прогалину. Здесь на крошечной вырубке приютилась хижина, сделанная из огромных пожелтевших листьев, связанных длинными стеблями травы. Перед хижиной росло молодое деревце, согнутое и скрученное. Его лишенные листьев и коры узловатые ветви были увешаны странными предметами: старой змеиной кожей, пустой скорлупой, лоскутами шерсти, обглоданными костями и высохшими черепами птиц и мелких зверюшек. Над дырой в крыше хижины поднимался беловатый дымок, а из темного проема раскрытой двери доносился невнятный то ли хрип, то ли храп.

Эта тьма за порогом притягивала Исмаэлу, как магнит, хотя принцесса и понимала, что лучше бы ей обойти хижину стороной. Опустившись на четвереньки, принцесса подползла к таинственной хижине и заглянула внутрь.

В центре ее на земляном полу был сложен очаг, а в нем горел костер, пищей которому служили кости и перья. Пламя вспыхивало то голубым, то зеленым. У огня дремала ведьма. Время от времени она подбрасывала в огонь щепотки цветной пыли. Она была совсем нагая, страшная и грязная, спутанные черные волосы закрывали всю ее спину и плечи. Она сидела, скрестив ноги, на шкуре какого-то странного зверя, у которого мех рос сквозь чешую. Шея ее была увита ожерельями из звериных когтей и клыков.

Это была Зерити. Заметив принцессу, она кивнула ей торжественно, как равная.

— Ты снова пришла навестить меня, дитя мое. Очень любезно с твоей стороны. Ваше королевское высочество всегда найдет здесь радушный прием. — Она оскалила желтые клыки в отвратительной улыбке. — У меня найдется, что показать тебе, найдется, чему научить, — даже в этом убогом жилище, — она повела по воздуху иссохшей рукой с длинными ногтями, подчеркивая тесноту и неприглядность хижины.

Жилище и вправду выглядело жутковато: удушливый дым недвижным облаком стоял под потолком, в углах горели мертвенным светом гнилушки, а по темным от дыма стенам во множестве висели пучки трав и высохшие тушки мелких животных.

— Я... я вовсе не хотела приходить, — пролепетала Исмаэла, пытаясь избежать пронзительного взгляда ведьмы. Она изо всех сил старалась не смотреть на колдунью, но все же не могла не заметить огромный бледный шрам на груди Зерити. — Я просто заблудилась в лесу и пыталась найти дорогу домой.

— Ах, дитя, это случилось оттого, что ты еще только начала блуждать в Королевстве Снов! — Ведьма вытянула грязный, когтистый палец и потрясла им перед лицом девочки. — Но ты наконец здесь, и уж я научу тебя, как не теряться в здешних зарослях. Тогда и ты станешь царицей этих мест, подобно тому, как некогда ею стала я.

— Но я вовсе не хочу быть здесь царицей! Я хочу домой, к маме!

Исмаэла как зачарованная по-прежнему смотрела на уродливый старый шрам. Должно быть, это след от какой-то страшной раны, думала она. И как же эта женщина выжила после нее?

— Глупости! — отрезала колдунья. — В твоем скучном реальном мире нельзя научиться ровным счетом ничему, даже самой простейшей магии! Вот, например, умение предсказывать будущее — самое немудреное колдовство из всех, какие я знаю. — Говоря это, она достала из кожаного мешочка еще щепотку магического порошка и бросила ее в костер. Пламя вспыхнуло, взлетело к потолку разноцветными пляшущими язычками.

Судя по всему, порошок каким-то образом обострял все чувства. Дым от него, едкий и пахучий, не поднялся к потолку, а окутал Исмаэлу душным облаком. Она едва различала сквозь эту завесу лицо сидящей напротив ведьмы. Вскоре и оно исчезло, а перед принцессой в белой мгле начали проплывать видения.

— Ну, ты видишь, как это легко? — донесся до нее голос Зерити. — Что бы ты хотела узнать? Ну конечно, первый вопрос каждой девочки: "А что за принц возьмет меня в жены?" Смотри внимательно и увидишь ответ так же ясно, как вижу его я в этом дыму, хоть и есть некоторые обстоятельства, неблагоприятные для тебя. Я вижу, что это будет некто очень могущественный! Да-да, более могущественный, чем все короли земли! Некто высокий, очень высокий... и уже вполне мужчина, хоть и юн! Даже младше, чем ты, потому что он еще не родился... Или, сказать вернее, не перевоплотился. Но он будет настоящим мужчиной, поверь мне, потому что он юн и стар одновременно. На самом деле он старше, чем деревья, чем горы, чем весь наш мир... Ну, принцесса, разве это плохая загадка? Попробуй-ка разгадать ее!

Ведьма говорила напевно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, и волшебный дым колыхался и раскачивался вместе с нею, уплотняясь в неясный еще образ. Перед глазами принцессы вставало видение: темная расселина, словно вход в штолнию или гробницу. В глубине расселины виднелась дверь. Вот она начала раскрываться, и из нее поползло нечто черное и страшное, чернее и страшнее самой тьмы. Это нечто неумолимо надвигалось на оцепеневшую принцессу.

— Он приближается! Он приближается! — триумфально пела ведьма. — Он всегда найдет дорогу к тебе, как всегда находил ее к невинным девам, что были обещаны ему! Юная принцесса, нетронутая и девственная, — вот дар, достойный его величия! Ну посмотри, неужели же он не прекрасен?! Не страдай, не мучайся, дитя мое, он не заставит тебя ждать! Не пройдет и года, как он заключит тебя в свои объятья.

Уставясь невидящими глазами в огонь, Исмаэла видела, как неясное нечто подходит к ней все ближе и ближе. Вот оно уже почти обрело форму; еще мгновение и она увидела бы его лицо... Но внезапно наплывающий мрак сгинул бесследно, а вместо него появилось лицо ее матери, сидящей над ней на краю постели. И тогда принцесса закричала — тонко и пронзительно.

Глава 7

В ПОХОДЕ

Конан воспользовался советом Каспиуса и увеличил темп, рассудив, что уставший человек меньше думает и лучше спит. Какая бы ни стояла погода, он поднимал войско еще до рассвета. Они ехали и в дождь, и в жару одинаково мерным и скорым шагом, делая лишь редкие и короткие остановки для приготовления пищи. Полуденный отдых Конан счел ненужным излишеством.

Памятуя о том, что их ждут домой не позже середины зимы, солдаты не слишком роптали на эти нововведения. Гораздо больше и охотнее обсуждались неисчислимые неведомые опасности, что поджидали их впереди. Но и это не заставляло их пожалеть о том, что они не остались в Баалуре, охваченном чумойочных кошмаров. Теперь в лагере спали спокойно все до единого, исключая лишь часовых. Как сказал Конану, посмеиваясь, Каспиус: "Лучшее сноторвное — дневные труды".

Дорога оставалась вполне сносной — Вонючий Тракт, как ни был он труднопроходим в предгорьях, все же был основным торговым путем северо-запада Шема. В степях его не слишком благозвучное название объяснялось изобилием верблюжьих и бычьих лепешек, что наслаждались здесь веками, пропитав насквозь едкую пыль. Дышать на нем и в самом деле было трудно, особенно в жаркий полдень. Но через несколько дней пути носы и людей, и животных привыкли к постоянному зловонию и перестали его чувствовать.

То же говорили и другие, путешествующие в этих землях. Ибо Тракт не был пустынен, несмотря на жару и летний застой в торговле. Войску Конана встречалось по два-три каравана ежедневно, а небольшим компаниям и даже одиночным путникам и вовсе не было числа.

Все они старались отойти в сторонку и переждать, пока по дороге пройдет громыхающая железом колонна, и даже большие караваны верблюдов, степенно вздывающих пыль своими шаркающими ногами, жались к обочине, завидев огромную армию на марше.

Большая часть «прихвостней», следовавшая за ними из Баалура, и иные, пытавшиеся присоединиться к ним на ночлегах и стоянках, постепенно отстали, не выдерживая той скорости, с какой передвигалась армия Конана. Но те немногие верховые, которые могли тянуться с могучими быками и тонконогими лошадьми кавалерии Конана, держались поблизости. Одинокий путник по ночам становился легкой добычей для разбойников, промышляющих на дорогах Шема.

Распаханные поля и ухоженные сады и луга Баалура остались далеко позади, а дорога извивалась в глухи, где порой на несколько сот лиг не встречалось никаких признаков человеческого жилья. Тракт обступали непроходимые леса, иногда ветви так низко и тесно сплетались над ним, что приходилось пускать в ход топоры, чтобы могли проехать крытые повозки с пешими солдатами. Колонна продвигалась медленно, растянувшись на пол-лиги, и вестовые то и дело сновали от головы ее к хвосту, передавая приказания. Конан ехал по-прежнему сбоку, почти посередине, там, где самые сильные быки волокли повозки с оружием и золотом. В случае нападения лесных любителей легкой добычи Конан не хотел оказаться в стороне от событий.

Но нападений не было, если не считать шального медведя, выскочившего из леса и задравшего одну из лошадей. После этого случая на стоянках всех животных загоняли в самый центр лагеря, окружая кольцом из повозок и шатров. Дармовая еда кончилась, в ход пошли взятые с собой из Баалура припасы, и быки с каждым днем ехали все веселее.

Примерно через пять дней пути лес начал редеть. Каспиус как раз сетовал вновь на отсутствие городов и даже мелких поселений в центральной части Шема, когда вдруг затряс задумавшегося Конана за рукав с криком:

— Замок! Замок, клянусь Митрой! И какой огромный! Смотрите, каким благородством дышат его гордые башни! Кажется, Пресветлый решил наказать меня за излишние жалобы!

Конан, привыкший никогда не судить о вещах по внешнему виду, насмешливо улыбнулся:

— Да, замок славный. Прелестное воровское гнездышко!

Велев колонне остановиться и ждать, он подъехал к столбу у дороги на краю леса.

— Это пограничный замок земель Недрессара, — сказал он, сверяясь с указателем на столбе и картой, которую всегда держал при себе. — Значит, через три или четыре лиги к востоку будет река, где караваны платят дорожную пошлину при пересечении границы. Я слыхал, там нет моста, а только брод, так что для нас эта переправа может оказаться не из легких.

Но мост на реке был. Подъехав ближе, они увидели замок, стоящий на подмытом рекой каменном утесе, дорогу, огибающую этот утес прямо под замком, и мост, тремя каменными арками вросший в реку. При желании, мост мог полностью простреливаться со стен и башен замка, и это не понравилось Конану.

— Ну, особенных трудностей я не предвижу, — сказал Каспиус, щурясь на замок против заходящего солнца. — Баалур не воевал с Недрессаром уже столетие или около того, и пошлина должна быть не слишком высока, раз уж тут ходят караваны. У нас достанет золота выстроить новый замок, а не только оплатить переправу.

— В этом-то и дело, — мрачно сказал Конан. — Трудностей не будет, если они не хотят выстроить новый замок — на чьи-нибудь деньги. Я наслушался разговоров караванщиков о сребролюбии здешних людей. — Он знаком подозвал капитана Турио. — Собрать кавалерию теснее вокруг повозок. Повозки с ценностями и оружием — в самую середину строя. И будьте все время начеку.

— Так ли уж это необходимо, господин мой? — спросил Турио, тоже рассматривающий замок. — Они увидят наши приготовления и, быть может, сочтут это за вызов. Это приведет к нападению, которое они и не планировали.

— К нападению приводит беспечность, — отрезал Конан. — Делайте, как я сказал.

Не дожидаясь, пока Турио отъедет исполнять сказанное, он двинул своего коня вперед по дороге. У него за спиной раздались команды, пешие воины выстроились развернутым строем в голове колонны, всадники с копьями наперевес встали позади них. Издали все это должно было выглядеть весьма внушительно.

Ответом на это было хорошо видимое с дороги передвижение солдат на стенах и башнях, особенно у бойниц донжона, выступавшего далеко вперед. Ворота замка Конану пока не были видны — их закрывал высокий берег реки. На дальнем конце моста, у небольшого домика, видимо служившего сборщикам пошлины укрытием в непогоду, тоже началось шевеление.

Каспиус, не отстававший от Конана ни на шаг, заметил, слушая, как скользят по неровным и разбитым камням брусчатки копыта его лошади:

— Для дороги, за которую взимают плату с путников, эта не слишком хорошо содержится.

— Да, дорога паршивая, — согласился Конан. — И в смысле содержания, и в смысле ненужных приключений. — Он ткнул пальцем в лежащую у моста разбитую повозку, которую, видимо, бросили, отчаявшись починить, настолько неудачно она упала, зацепившись колесом за торчащий, криво уложенный камень. И, не оборачиваясь, крикнул через плечо: — Всем стоять! Не спускайте с них глаз, но не двигайтесь с места, пока я не скажу.

Брусчатка на мосту была в еще худшем состоянии, чем на дороге перед ним. Жеребец Конана несколько раз едва не упал на передние ноги, споткнувшись о камни, словно нарочно

вывернутые из мостовой. На середине центральной арки навстречу Конану выехал отряд из восьми всадников.

— Стойте, прищельцы, кто бы вы ни были, именем правителя города Недрессара!

Предводитель отряда произносил слова шемитского языка с каким-то неуловимым горянским акцентом. Он был, несомненно, важной персоной — совсем еще мальчик, но, судя по осанке, командир гарнизона замка. Одет он был вполне обычно для всадника — кожаные штаны и куртка, высокие сапоги, но его одежда отличалась добротностью и обилием золотой вышивки. На его шлеме развевался пышный пломаж из белого конского волоса, кольчужный ворот, закрывавший шею и грудь, так и сиял начищеннойстью. В правой руке он сжимал большую булаву с навершием в виде львиной головы — более символом власти, чем оружием. Всадники его были одеты попроще и вооружены серьезнее — обтянутыми кожей щитами и длинными шемитскими саблями.

— Я — Ирскар, сайшел Северного Предела. Уводи своих солдат, незнакомец, кто бы ты ни был!

— Если ты и есть здешний сборщик пошлин, — миролюбиво сказал Конан, — то бери столько, сколько положено, и позволь нам пройти.

Из походного мешка, всегда висевшего на седле его пегой кобылы, Каспиус достал свернутый пергамент, скрепленный красной восковой печатью, и протянул его сайшеллу.

— Я — Конан из Киммерии, нынешний предводитель воинства Баалура, — продолжал Конан. — Мой отряд продвигается на запад к морю, мы выполняем поручение короля Афратеса, вашего соседа и союзника. Король заверил меня, что предупредил все дружественные государства на пути моего следования, и вы должны быть извещены о нашем прибытии.

Ирскар сделал знак своим всадникам, и они сгрудились ближе, обступив его с обоих боков и полностью перегородив мост.

— Я не потребую с вас никакой платы, — заявил он, брезгливым движением булавы отталкивая протянутый ему свиток. — Потому что вы здесь не пройдете. Поворачивайте и уходите отсюда и никогда больше не пытайтесь пересечь границы Недрессара.

Конан нахмурился и уже хотел выдохнуть что-то бранное, но Каспиус удержал его, положив крепкую ладонь на запястье варвара. В руке у лекаря сияла чистым золотым светом большая монета с профилем Афратеса.

— Так-таки и никакой платы? — спросил он, прищурясь. — Скоры на мосту стоят дешево, а золото — всегда золото. Все, что нам нужно, — это добраться до моря. Мы никоим образом не желаем причинять вам беспокойства...

Ирскар резко и отрицательно покачал головой:

— Здесь вы не пройдете. Ни здесь, ни в каком-либо ином месте. — Он указал своим жезлом на пеший строй на дальнем краю моста. — Вы в самом деле считаете меня таким глупцом? Неужели же я польщусь на золото и впущу в наши земли армию, которая может разорить половину страны, прежде чем мы вас остановим? Этот мост был выстроен для торговли, а не для вторжений.

Конан, уже успевший остыть, заговорил с редким для него спокойствием:

— Наша армия хорошо вымуштрована, Ирскар, и наша цель — самая мирная, какая может быть у армии. Я обещаю, что ни одно яблоко из садов ваших крестьян не будет сорвано без справедливой оплаты за него. Мы направляемся в Асгалун, и король Маздок уже дожидается нас.

— Я хорошо знаю, какие мирные цели вы преследуете! — ответил на это сайшелл, кивая на черных стервятников, парящих над воинством Конана. — Не отпираяся, вы ведь здесь таким войском из-за колдовской болезни, которая недавно поселилась в Баалуре и которой все бегут, как чумы?

— Совершенно верно, но мы не бежим, а едем на поиски лекарства... — вмешался Каспиус.

— И эта чума сейчас идет сюда вместе с вами, не так ли? — оборвал его Ирскар. — Мне не нравится вид ваших людей даже отсюда. И вы предлагаете мне пропустить вас, зараженных неведомой болезнью, в нашу страну? Убирайтесь прочь вместе со своими стервятниками! — Он взмахнул своей булавой, явно подавая сигнал. — Убирайтесь, говорю вам, — повторил он, натягивая повод и заставляя этим свою лошадь пятиться назад. — Иначе смотрите, что вас ждет!

Откуда-то издалека послышался лающий звук выкрикиваемой команды.

Раздался пронзительный свист — и что-то тяжелое плюхнулось сверху в воду совсем рядом с мостом, выметнув столб воды, так что брызги полетели во все стороны, в том числе и на Конана и его солдат, терпеливо стоящих на берегу.

Камень был, несомненно, выпущен из катапульты на башне. Промахнулись ли стрелявшие, метя в людей, или попали в воду нарочно, оставалось только догадываться.

— Ты видел, что с вами будет, — самодовольно заявил сайшелл. — И не пытайтесь пройти здесь. Помимо катапульт, я могу залить весь мост маслом из специального резервуара и поджечь. Хотите зажариться — милости просим. — С этими словами он развернул коня и поскакал прочь — почти в тот же миг, когда Конан, убедившись, что договориться невозможно, начал разворачивать своего жеребца.

Разворачиваясь вслед за ним, Каспиус озабоченно проговорил:

— Похоже, он и в самом деле не намерен пропустить нас, а не просто набивает цену.

— Похоже, — кивнул Конан. — Быть может, он боится заразы, потому что не знает ее природы. До него дошли слухи, и он испугался. А может, он опасается, что мы соединимся с силами Маздока и двинем наши войска на их земли или сразу пойдем с грабежом и разбоем. Мы собирались в спешке, их правитель мог не успеть оповестить все посты. И Ирскар, как всякий хороший военачальник, начал с демонстрации силы.

— И как же нам убедить его? Или просто подняться вверх по течению и поискать брод?

— Нет, не надо, во всяком случае, пока не надо. — Жеребец Конана снова едва не подвернулся ногу на камнях, и киммериец помянул Нергала. — Мы предоставим ему увидеть, как сбываются все его дурные предчувствия.

Когда с башни выстрелила катапulta, колонна, быстро перестроившись, отошла от моста на несколько десятков шагов. Конан подъехал и велел командирам отвести отряды и расположить их в лесу так, чтобы не было видно из замка. Если защитники моста увидят что-то подозрительное среди деревьев, они немедленно примчатся сюда и, обнаружив затаившуюся армию, поднимут тревогу.

По его приказу в лес отъехали и повозки, и возле них тотчас закипела работа. Застучали топоры и молоты, погонщики распрягли быков и с их помощью притащили огромные камни.

— Превосходно, — одобрил Конан, видя, как осадная машина растет и обретает форму прямо на глазах. — Снимите несколько колес, чтобы ее было легче катить вниз по дороге.

Не прошло и нескольких часов, как машина была закончена, дюжина быков сдвинула ее с места, а к мосту она поехала уже почти сама, так как дорога здесь сбегала под гору плавным изгибом. За ней четыре быка волокли повозку, доверху груженную камнями, позади ехали всадники. Конан, взобравшись на колесницу, подготовленную ему как военачальнику и которой он до сих пор ни разу не воспользовался, возглавил шествие. В колесницу, невзирая на протесты киммерийца, забрался и Каспиус, непременно желавший быть в самой гуще событий.

— Всадников высыпалить небольшими отрядами, чтоб держали расстояние не меньше дюжины шагов, — распоряжался на ходу Конан. — Они будут стрелять, но не смогут попасть, если вы будете двигаться очень быстро. Главная наша цель — башня с проклятой катапультой. И не забывайте стрелять по бойницам.

Пешие солдаты с гиканьем выкатили из лесу огромную машину. Конан нашел довольно-таки ровное место, с которого хорошо просматривался замок.

— Устанавливайте! — крикнул он. — Свежесрубленное дерево очень плохо щепится! Укрепите колеса клиньями, чтоб машина не поехала на вас от особенно сильного удара!

Едва громоздкое сооружение было укреплено, со стен замка посыпались камни. Многие не долетели, многие попали в щит катапульты Конана, один небольшой камень угодил прямо в повозку с боеприпасами. Тучи брызг и пыли на миг заслонили замок. Тем временем верховые двинулись через мост.

— Они перезаряжают, скорее! — крикнул им Конан и обернулся к Каспиусу: — Если все будет хорошо, никто не пострадает. Сюда они пока что не достреливают. Но я уверен, у них есть катапульта и помощнее.

— Смотрите! — крикнул Каспиус, указывая вниз. — Они обстреливают наших всадников на мосту!

Глянув на мост, Конан понял, почему брускатка была в таком плохом состоянии. Видимо, мост обстреливали не впервые. Мелкое крошево камней взлетало вверх жалящими брызгами, пыль над немощеной дорогой завесой поднялась над первым прорывающимся отрядом. Всадники, быстро проехав, взялись за арбалеты. В мгновение ока тетивы были оттянуты большими рычагами и спущены. Шемитские арбалеты заряжались не обычными короткими стрелами, а тяжелыми металлическими стержнями с квадратной головкой. Такой стержень мог на излете пробить полный стальной доспех. Крики на стенах подтвердили, что стрелки не промахнулись. Они перезарядили арбалеты и быстро переменили место.

— Хорошо! — крикнул Конан. — Только не стойте, все время двигайтесь! Ну, наша катапульта готова. Стреляйте!

Дерево затрещало так, словно рычаг машины вот-вот переломится. Снаряд взвился в воздух и по широкой дуге улетел к замку. Конан проследил за ним взглядом: он перелетел через стену, не причинив ни малейшего вреда.

— Опустите прицел! — велел киммериец. — И на этот раз возьмите камень потяжелее!

Второй выстрел выбил несколько камней из стены, обдав защитников замка тучей осколков. Вреда от него и на этот раз было не много, но воины на стенах явно растерялись. Конан, сощурясь, наблюдал за их суетливым и беспорядочным передвижением.

— Сдвиньте ее чуть вправо, — распорядился он, и солдаты навалились на огромное неуклюжее сооружение.

Тем временем катапульта замка обстреливала мост. Один из снарядов упал сразу за стрелками, мгновенно перебравшимися на новое место, другой ударился в землю прямо под ногами быков, отчего они испуганно замычали и шарахнулись в сторону.

— У них очень хорошая катапульта, — заметил Конан Каспиусу. — Пристрелянная. Но большого они от нее вряд ли добьются, иначе ее невозможно было бы перезарядить так скоро.

Он не успел договорить, как катапульта баалурцев выстрелила снова. Снаряд пробил стену у самой башни, обрушив на защитников целый зубец. Солдаты Конана встретили этот выстрел восторженными воплями.

— Довольно вопить, за работу! — рявкнул на них киммериец. — Не стойте, берите вон тот большой камень и стреляйте снова!

Новый выстрел из замка, видимо слишком поспешный, не достиг цели, попав в реку. Другой снаряд вспахал песок на берегу.

— Ну, вот он, их предел, — подытожил Конан. — Они в состоянии превратить в кашу мост, но достать нас здесь их катапульты уже не могут!

Ответный выстрел баалурцев, угодивший прямо на стену, вызвал новые крики боли и брань

со стороны замка.

— Прекрасно сделано, друзья мои! — закричал Каспиус в совершенном восторге. — Кажется, мы разрушили их катапульту?

Выпрямившись в колеснице, Конан нахлестнул лошадей.

— Есть только один способ это проверить! — крикнул он. — Продолжайте стрелять все время, пока мы не перейдем мост!

Выехав на дорогу, Конан взревел так, что было слышно, наверное, даже в Асгалуне:

— Выдвигайтесь всадников, за ними едут повозки! Если я не поверну от самого моста, следуйте за мной через большие и неравные промежутки!

Колеса, обитые железом, загремели по мостовой, подпрыгивая на рытвинах, оставленных выстрелами. Опомнившись, защитники замка оставили катапульту — если только она еще могла стрелять — и взялись за луки. Несколько стрел упали на дорогу, одна или две вонзились в большие кожаные попоны, закрывавшие спины лошадей. Но луки не могли тянуться с арбалетами, и дружный залп уже проехавших всадников пресек робкую и беспорядочную стрельбу со стен.

— Ну, на этот раз мы переедем мост, клянусь Кромом! — выкрикнул Конан и рассмеялся коротким злым смехом. — Только вот что мы будем делать, оказавшись на той стороне? — Он взглянул на лекаря, который стоял белый, как простыня, неживыми руками вцепившись в борт колесницы. — Эй, эй, старик! Если ты так боишься пения стрел, сиди в повозке и не просись ко мне больше!

Турио не замедлил двинуть своих всадников вслед за мчащейся через мост колесницей. Еще с середины моста Конан услышал дробный стук копыт у себя за спиной. Они промчались как вихрь, слишком быстрые для стрел, которые все еще продолжали сыпаться со стен. Один или два всадника склонились к холкам коней, раненные в руку или ногу, но не прервали спасительного галопа. За ними, пользуясь завесой поднятой пыли как прикрытием, проскакал новый отряд лучников. Один за другим продвигались отряды к мосту, и все это время катапульта с берега не переставала обстреливать замок.

Домик у дальнего края моста послужил прекрасным прикрытием для колесницы. Оставив в ней Каспиуса, Конан вскочил в седло, натянул лук и присоединился к отряду Турио, обстреливающему замок сквозь дыры, проделанные катапультой.

После нескольких залпов Конан поднял руку, призывая к вниманию:

— Довольно! Поберегите стрелы. Посмотрим, что они скажут теперь.

Над стеной появился высокий шлем, увенчанный султаном из белого конского волоса, и киммериец услышал голос Ирскара:

— Вы можете продолжать вашу атаку вечно, дети шакалов! Мы все еще простреливаем мост и дорогу! Вы провели конницу, но эти, — он указал на готовящуюся к переправе пехоту, — не перейдут живыми! Мы утыкаем стрелами всех ваших быков до единого!

— Попробуй это сделать — и ты потеряешь лучников больше, чем я — быков! — крикнул ему в ответ Конан. — Но у меня есть дела поважнее, чем осаждать твой несчастный замок, Ирскар! Все, что мне нужно, это следовать дальше по Вонючему Тракту к морю. Оставь упрямство и дай нам спокойно пройти! Через два дня нас уже не будет в землях Недрессара. Скажи своим правителям, что у меня были верительные грамоты короля Афратеса. Они признают разумными все твои действия, если ты объяснишь, как было дело!

— Предупреждаю тебя, Конан из Киммерии, что если за этим кроется какой-то злой умысел... — Ирскар оборвал фразу на полуслове и исчез из виду, явно с кем-то совещаясь.

Через несколько минут он появился снова. — Хорошо, — сказал он уже почти спокойно. — Забирай своих молодчиков и убирайся отсюда, будь ты проклят! — Он взмахнул булавой,

указывая на запад. — Ступай, пока мы не передумали и не начали стрелять!

— Отлично, — отозвался Конан и демонстративно спустил тетиву со своего лука. — Но вслед за нами идут несколько караванов. Они тоже под нашей защитой. Никаких пошлин и грабежа, ты понял меня?

Если Ирскар и ответил что-нибудь, внизу этого не услышали. Он лишь кивнул в знак согласия и спрыгнул с парапета.

Конан велел всадникам привязать лошадей где-нибудь поодаль и встать у моста с луками наготове. Тем временем пешие солдаты двинулись через мост сплошным потоком, люди и повозки вместе. Когда проехал последний верблюд караванов, Конан снял лучников с моста.

Воинство прошествовало ровным строем под самыми стенами, распевая какую-то шемитскую победную песню, что было, конечно, очень обидно защитникам замка. Серьезных потерь они не понесли, если не считать нескольких смехотворных ранений. Но Конан все же хмурился: на осаду и переговоры ушло полдня, которые они могли бы провести в пути. Киммериец не удержался, чтобы не высказать своего одобрения капитану Турио как опытному и сообразительному командиру. Всадник на это только буркнул что-то неразборчивое. Учения, которым он так противился, все таки состоялись, и теперь все воинство видело в Конане военачальника.

Два дня спустя, как и обещал Конан, они пересекли южную границу Недрэзара. Здесь их встретили еще один мост и еще одно укрепление — большая круглая башня в узкой лощине. Но никто не вышел им навстречу с требованием пошлины, никто не высунулся из окон поглязеть на проезжающих. Если бы не тонкий дымок, курящийся над трубой на крыше маленькой пристройки, можно было бы счесть этот пост необитаемым.

Глава 8

АСГАЛУН

Наконец Либнанское нагорье было позади, и перед воинством Конана открылось великое Море Запада. Казалось, оно простирается до самого края света, огромное и живое, словно самый древний зверь на земле. Очень немногие из баалурцев бывали так далеко от дома, а море видели уж вовсе единицы. Притихшие, смотрели они на этот бескрайний простор, словно только сейчас узнали, как велик мир.

Но красоты природы менее всего интересовали их неутомимого командира.

Разъезжая вдоль колонны на своем огромном жеребце, Конан то подгонял плетущиеся повозки, то скакал впереди, высматривая, не покажутся ли вдали белые башни маяков Асгалуна. Давний приятель Маздок мог устроить ему любую неожиданную встречу, и Конан хмурился, размышляя, не напрасно ли он оставил у замка тяжелую катапульту. Но с другой стороны, она бы сильно замедлила их продвижение...

Но искренность гостеприимства Маздока не подлежала сомнению. Миновав грязные, пахнущие протухшой рыбой трущобы, окружавшие город плотным кольцом, они вышли к воротам, где их уже поджидал эскор特 из полусотни всадников королевской гвардии. Конан узнал капитана, возглавлявшего высланный отряд: это был один из самых талантливых разбойников шайки Маздока. Теперь, став начальником городской и дворцовой стражи, он выглядел гораздо внушительнее, отметил про себя киммериец. Колонна торжественно прошествовала в распахнутые настежь ворота, где специальные отряды воинов сдерживали напор толпы, глазеющей на прибывших гостей. Отовсюду слышались разноязыкие приветственные выкрики: Асгалун был самым большим и богатым портом на всем побережье Шема.

Во всяком случае, Конан надеялся, что это приветственные выкрики, а не проклятия чужеземцам, принесшим в город неизвестную заразу. Но проверять это ему не хотелось. Он знал, что жители Асгалуна — самые беспокойные и неуправляемые граждане во всем Шеме и восстания вспыхивают в этом городе не менее чем раз в десятилетие. Если асгалунцы испугаются, что заразятся непонятной болезнью от баалурцев, весть о несчастье которых уже распространилась во все города и земли Шема, это может привести к кровопролитию... а может, и наоборот. Может быть, их поселят в достаточно изолированном доме и постараются как можно быстрее избавиться от опасных чужеземцев, отправив их в плавание. Но пока все шло благополучно. Конан, немного успокоившись, начал с любопытством оглядываться по сторонам. Он помнил этот город горящим, разграбленным и разоренным, с проломами в стенах и крепостных башнях, с обветшавшими дворцами и немощеными улицами. Нескольких лет разумного правления, однако, хватило на то, чтобы отстроить разрушенные здания и даже начать новое строительство: на одной из площадей, мимо которых проезжал Конан, поднимался фундамент и первые колонны будущего огромного храма. Большой канал, ранее засоренный и заросший тиной, был вычищен и заново облицован камнем. Теперь это была главная улица города, та артерия, по которой со всех морей стекалось в Асгалун богатство.

Сам король Маздок встретил их на большой площади Адониса. Огромный гирканец мало изменился с тех пор, как был всего лишь воеводой, лишь доспех сиял золотой отделкой да рукоять меча была осыпана драгоценными камнями — не чета тому скромному оружию, которым завоевал он себе королевство. Но ястребиный нос по-прежнему воинственно торчал из-под золотого шлема, и улыбка, которой он приветствовал Конана, была исполнена прежнего ехидства.

Король восседал на черном, как ночь, жеребце, и его небрежно наброшенный на плечи белый шелковый плащ ниспадал по лошадиному крупу почти до земли. Маздок выглядел столь величественно, что ни у кого бы язык не повернулся напомнить, в результате чего он пришел к власти. Какая разница, как именно он ее получил, — он крепко держал ее в руках, правя как истинный король волею Митры.

Но первые же его слова были совсем не те, что пристали королю, приветствующему войско союзника. Он легко соскочил с седла и размашистым шагом подошел к жеребцу киммерийца, рядом с которым ехал на своей кобыле неизменный Каспиус.

— Конан, старый лис! Какие бесчинства ты затеваешь на этот раз?

— Еду собирать цветочки, о чем тебе уже, несомненно, известно, — ответил Конан, смеясь. — Знаешь, такие белые и огромные, как тарелка, которых если наешься, забываешь все на свете.

— Ну да, лотос, — хохотнул Маздок. Привычным жестом он протянул руку к подносу, полному мелких серебряных монет, который за ним повсюду носил шелково-бархатный паж, ухватил горсть и швырнул в толпу. — Я его ни разу не пробовал, насмотревшись на тех, кто его поедал вместо завтрака, обеда и ужина. Но, зная тебя, я готов поверить, что ты отправишься и на край света, если тебя там ждут неведомые сокровища. Помнишь то время, что мы бродили вместе? Веселые были деньки!

Конан наконец спешился.

— Да, деньки были ничего. — Он взял с подноса монетку и принялся вертеть ее в руках, рассматривая ту и другую стороны. — Но теперь это все ушло в прошлое, можно сказать, превратилось в легенды, с тех пор как твой пресветлый лик красуется на монетах.

— Мой и Руфии, — рассмеялся Маздок, переворачивая монету и демонстрируя Конану изящный женский профиль, выбитый на ней. — Я слыхал, это она тебя упросила поехать? Расскажи, как она. Она действительно сделалась королевой? И все так же хороша, как прежде? Я с тех пор не перестаю клясть себя за глупость — надо же было упустить такую жену! Она бы прекрасно смотрелась рядом со мной на троне Асгалуна!

— Угу, и помыкала бы тобою, как хотела, — кивнул Конан, искоса взглядывая на Каспиуса, стоявшего рядом и не пропускавшего ни слова.

— Все равно, за всю свою жизнь я не сделал большей глупости, когда отпустил ее с тобой, — махнул рукой Маздок. — Но все же передай ей мой привет, когда увидишь ее снова. Если, конечно, увидишь — ведь, как я понял, путь тебе предстоит не из легких.

Так, беседуя, они взошли на колесницу, и возница тронул коней неспешным шагом вслед за конным отрядом, сопровождавшим короля. Копыта прогремели по большому мосту через канал, и процессия въехала в Высокий город. Здесь, на вершине холма, вздымалась еще одна стена с белыми башнями. Ворота распахнулись, за ними взревели трубы и послышались приветственные крики встречавшей их знати. Конан бывал и здесь и хорошо помнил, как эти гордые храмы и величественные дворцы, освещенные заревом пожаров, были залиты кровью, а с ветвей могучих древних деревьев свисали, точно спелые плоды, тела повешенных.

— Вот награда проходимцу за то, что он пришел и взял то, что плохо лежало, — не удержался от улыбки Конан, слушая, как надрывается пестрая толпа, в которой каждый старался крикнуть погромче, чтобы король отметил именно его голос в общем хоре. — Теперь этого проходимца встречают восторженными криками. Послушай, а у тебя не возникло трудностей с тем, что ты чужой им по крови?

Маздок расхохотался, не стесняясь чужих ушей.

— Будь я одним из их многочисленных прямых потомков царского рода, было бы много труднее! А так я неподкупен и равно сочувствую всем, кто здесь обитает. Был, конечно, прямой

наследник — племянник бывшего короля, — но он очень быстро помер от неумеренных возлияний и перед смертью уступил мне трон вполне добровольно. А вообще, — тут гирканиец пожал могучими плечами, — быть королем не так уж трудно, если ты хороший игрок и соблюдаешь правила. — Он кинул на Конана лукавый взгляд. — Ты непременно должен когда-нибудь попробовать эту игру, киммериец.

Никак не отреагировав на это заявление, Конан указал на высокую белую башню, показавшуюся между дворцами.

— Это та самая, в которой умер сумасшедший король Ахиром?

— Она и есть, — кивнул Маздок. — Полетел в небо ловить луну с самой вершины. Зерити опоила его чем-то, всякий бы после этого подвинулся мозгами. Я оставил это сооружение в целости — в назидание добрым жителям Асгалуна, чтобы они не забывали, какие безумцы предшествовали мне на троне. Но на самом деле я бы предпочел, чтобы в один прекрасный день оно рухнуло вниз, как его король-самоубийца.

Войско остановилось у большого дворца, от которого открывался великолепный вид на гавань. Город выглядел отстроенным и ухоженным, но менее пышным, чем Конан ожидал увидеть. Бойницам и стенам уделялось большее внимание, чем украшению домов, а сторожевые посты встречались чаще, чем тенистые сады с фонтанами и прудами. Но это, скорее, обрадовало Конана: во всем виделась рука расчетливого, заботливого хозяина.

Сойдя с колесницы, Конан подошел к краю террасы и оглядел гавань с покачивающимися у причалов кораблями.

— А, так ты привел меня сюда, чтобы показать залив сверху! — сказал он, изображая удивление. — Ну, и какие же из них наши?

— Нет, я привел тебя в свой дом, погостить дня два или три, — возразил Маздок с неудовольствием. — Неужели твои дела не подождут немного? Я собирался похвастаться перед тобой своим гаремом...

— Как ни жаль, но время сейчас — наш худший враг, — покачал головой Конан. — Если ты не против, я хотел бы отплыть уже сегодня или завтра утром. Но это, конечно, зависит от того, готовы ли у тебя корабли для нас.

— Не беспокойся, я уже давно все подготовил. Но, может, мы сначала хотя бы пообедаем? Когда дозорные донесли мне, что вы приближаетесь, я велел накрыть столы в одном из внутренних дворов. — Взяв Конана под руку, Маздок почти потащил его ко дворцу. — И в любом случае тебе надо потолковать с Гулизаром, моим кормчим, а ныне — советником по делам морской торговли. Он может рассказать тебе немало полезного касательно дельты Стикса и обычаев стигийских сборщиков пошлин.

— Приветствую вас, ваше величество, а также вас, ваша милость, — думаю, не ошибусь, если назову вас Конан, верно? Я весь к вашим услугам.

Со ступеней дворца сбежал, кланяясь на ходу, маленький человечек, проворный и изящный. Первое, что бросалось в нем в глаза, большие, торчащие вверх усы. Одет он был в светлый шелк, как и большинство придворных. Несомненно, это упомянутый Гулизар собственной персоной.

— Осмелюсь утверждать, что знаю течения и фарватеры Стикса не хуже, чем собственные вены, — он поднял тонкую руку с ухоженными ногтями. — Я смогу провести вас по всему руслу до тех пределов, где уже не сможет пройти судно.

Видя, что ночевки в Асгалуне ему не миновать, Конан сдался и пустился в долгое и пространное обсуждение всех сюрпризов, поджидающих путника на проклятой реке. Маздок велел своим слугам как следует принять гостей, и большая часть солдат и командиров вступила во дворец. Конан распорядился остаться только небольшому отряду — распрячь и определить на ночь животных. Остальным предложили вдоволь некрепкого вина и большой дворцовый

бассейн, в который не замедлила окунуться вся тысяча пропыленных воинов. После купания и обеда Маздок и Гулизар предложили Конану совершить небольшую прогулку в гавань. На канале их поджидал восьмивесельный баркас.

— Я приготовил вам четыре большие галеры, — говорил Маздок, стоя на корме, как на капитанском мостице, — которые пройдут и по реке, и по морю при сносной погоде. Помимо них, у вас будет еще несколько судов поменьше — для маневрирования, составления лоций и разведки.

— Выдержат ли те галеры еще и лошадей? — спросил Конан. — Для них потребуется лишняя палуба в трюме. — Он придилично рассматривал проплывающими мощные суда с двумя гребными палубами и большой жилой каютой на корме. Помимо весел, на галерах были установлены по две высокие мачты с косыми парусами. Команды кораблей, состоявшие сплошь из бронзовокожих белозубых молодцев, махали руками и тюранами вслед проплывающему баркасу.

— Да, мы все продумали, — отозвался Гулизар. — Каждый корабль вынесет до трехсот человек и до трети всех припасов. На кораблях предусмотрены стойла для животных... Вы ведь оставите быков здесь, не так ли? Верблюды были бы предпочтительнее в жарких южных землях.

— Хорошо сказано, — кивнул Конан, разглядывая корабли.

На его взгляд, как бы крепки они ни были, помещать по триста человек с лошадьми на каждом было бы неразумно. Но четырех, распределенных между тысячью солдат и двумя сотнями лошадей, должно было хватить.

— Ты можешь оставить себе наши повозки и наших быков, Маздок, как дополнительную плату за корабли. А как насчет хотя бы одного боевого корабля? Я бы хотел иметь в придачу ко всему этому хорошую боевую галеру весел на восемьдесят.

Маздок важно кивнул.

— Тебе должен понравиться тот корабль, который я припас лично для тебя, — сказал он, посмеиваясь. Баркас быстро скользил по воде, огибая причал с галерами. Король Асгалуна вытянул руку и указал на пятый корабль с низкой посадкой, тяжело покачивающийся на воде.

Это был аргосийский военный корабль с чуть удлиненным корпусом и изящными обводами. От воды до перил верхней палубы по борту было не более человеческого роста. Ростра на носу изображала оскалившегося дракона, бьющего себя по боку изогнутым хвостом. Прямо над его головой торчал высоко задранный бушприт, обитый бронзой и заостренный, — при случае им можно было пользоваться как тараном.

— Это бараханская боевая галера, — пояснил Маздок. — Скамей и весел у нее на всю сотню, но она прекрасно идет и на шестидесяти, в то время как остальные могут стрелять с гребных палуб.

— Превосходно! — отозвался Конан. — Выглядит она весьма внушительно, стигийцы и близко не сунутся. Где ты ее только достал? Такой галеры для нашего похода хватило бы и одной! На ней можно уйти и от пиратов, и от морских чудовищ!

— Ну, если пираты вознамерятся нападать на тебя, более всего их прельстит именно этот корабль! — рассмеялся Маздок. — Но я не думаю, что он им достанется.

Конан провел рукой по свежевыкрашенному и просмоленному боку.

— Да уж, в особенности если у меня будет по полсотни лучников с каждого борта... — почти мечтательно проговорил он.

Погрузка на суда заняла весь остаток дня и закончилась уже в сумерках, при свете факелов. А топоры плотников, доделывающих последние мелочи, стучали всю ночь напролет. Животные были распределены по верхним палубам трюмов, оружие и запасы еды и питья погружены вниз. Солдаты разыграли в кости койки и гамаки, и каждый устроился на новом месте так, как хотел.

Сам Конан стараются маячить на виду как можно меньше, предоставив командирам отрядов распоряжаться погрузкой. Имя Амры, не так давно наводившего ужас на все западное побережье Шема, еще было у всех на устах, и Конан всерьез опасался быть узнанным кем-нибудь из пострадавших от его пиратских набегов. Это могло причинить неприятности Маздоку и надолго задержать их отплытие.

— Ты в самом деле собираешься отбыть чуть свет? — спросил Маздок, стоя рядом с ним на террасе перед дворцом. — Ладно, я не обижаюсь. — Король шутливо ткнул приятеля в бок. — Я понимаю, что дела твои не терпят отлагательств.

— Да, — кивнул Конан. — Как ни жаль мне платить такой черной неблагодарностью за всю твою помощь, я уплыву на рассвете. Если я хочу вернуться до зимы, мне нельзя задерживаться и дня. Кто знает, сколько мы проторчим на проклятой реке.

— Ну, по мне, — фыркнул Маздок, — там и дня нечего делать! Не понимаю, на что ты рассчитываешь. Никакая армия, будь в ней хоть десять тысяч обученных воинов, не пройдет Стикс от устья до самых истоков. Но если ты все же найдешь, что ищешь, и вернешься в Баалур, вот тебе мой совет: становись верховным военачальником Афратеса, склони его к военному союзу со мной, в чем тебя, несомненно, поддержит Руфия, и мы вдвоем завоюем весь Шем. Начнем с Недрессара, а потом пойдем вдоль берега до самых пустынь.

Конан рассмеялся:

— План вполне достойный тебя, Маздок. Но пока меня ждет всего лишь река.

Король, уже завоевавший себе одно королевство, степенно кивнул:

— Будь по-твоему, старый друг. Но обещай мне, что, если будешь возвращаться морем, непременно заглянешь ко мне. И мы непременно выпьем за твое минувшее путешествие и все, которые тебе еще предстоят.

Глава 9

ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

— Мы приближаемся к дельте Стикса, — доложил кормчий Гулизар. Он стоял рядом с Конаном на баке боевой галеры, указывая на черные струи, растворяющиеся в зелени морских волн. — Вот отсюда уже видно, где он впадает в Западный Океан. Пусть гребцы приналягут — сейчас придется разворачиваться против течения.

По его команде все гребцы левого борта опустили весла в воду и уперлись в них грудью, в то время как гребцы правого дружными взмахами принялись разворачивать галеру носом к протоку. За этими маневрами с интересом следили воины армии Конана, бездельничающие на палубе. Несколько человек полезли вверх по снастям — разворачивать парус.

Их совместными усилиями галера понемногу продвигалась туда, где маячили зеленые холмы далеко разнесенных берегов.

Один из солдат перегнулся через фальшборт и спустил в воду кувшин на веревке. Вытянув его полным темной воды, он отхлебнул глоток и во всеуслышанье объявил:

— Пресная! С каким-то гнилым привкусом, но пресная!

— Отлично! — отозвался Гулизар. — Теперь нам следует править к северному берегу и по возможности идти вдоль него. Так делают все купцы, плавающие в этих водах. Там течение тише, и выгребать против него легче, да и попутный ветер выдается чаще.

Он уже обернулся, чтобы отдать соответствующие распоряжения, но Конан остановил его:

— Пока еще рано, Гулизар. Вдоль того берега, я знаю, от самой дельты тянутся коварнейшие мели. К тому же северный берег всегда был прибежищем работников и пиратов, промышляющих в здешних местах. Мы пойдем по самой середине, чтобы хорошо видеть, что творится впереди и позади нас.

— Но, мой господин, как можно вести речь о пиратах с тысячным войском на борту? — Гулизар, как это часто водится у опытных кормчих, полагал, что никто не может знать о водах Стикса больше, чем он сам. — Во всяком случае, — сказал он тоном ниже, видя сведенные брови Конана, — я знаю северный берег как свои пять пальцев и успею предупредить об опасности, если в том возникнет необходимость.

Маленький кормчий так надулся от самодовольства, что Конан не сдержал улыбки:

— Уж конечно, ты увидишь опасность первым! А вот видишь ли ты отсюда наш пятый корабль, идущий в самом хвосте? Если он вдруг наткнется на мель или получит пробоину на подводных камнях, в изобилии рассыпанных вдоль северного берега, мы и глазом моргнуть не успеем, как потеряем его из виду!

Гулизар с сомнением оглянулся на вереницу галер, плывущих за ними медленно и величаво, словно большие белые птицы, и пожал плечами.

Конан не стал упоминать о том, что Турио, да и остальные командиры отрядов, воспользовавшись своей труднодосягаемостью для Конана, могут поднять мятеж среди солдат. Но даже если подобная мысль и не приходила в голову молодому военачальнику шемитов, его солдаты, никогда прежде не выходившие в море, вполне могли, не расслышав или неправильно истолковав непривычную команду, посадить судно на мель или, перепутав паруса, направиться в другую сторону.

Из пятидесяти матросов команды Гулизара — по виду настоящих морских волков — Конан оставил на своем корабле десятерых, а остальных распределил по четырем другим галерам. Это давало некоторую надежду, что баалурцы, глядя на них, быстро научатся управляться с тяжело

нагруженными судами. Помимо этого, Конан оставил Каспиуса на корабле Турио, с тем чтобы лекарь приглядывал за своеенравным юношей.

Гулизар скрчил недовольную гримасу, но подчинился.

— Как тебе будет угодно, господин мой, — проворчал он, всем своим видом показывая, какой это позор для старого морского волка — подчиняться распоряжениям какой-то сухопутной крысы. — Но помяни мои слова: стигийские корабли в десять раз страшнее всех пиратов, вместе взятых. Их дромоны под полосатыми парусами день и ночь снуют вдоль дальнего берега. Их торговые пошлины высоки, и зачастую неразумные купцы расплачивались целыми кораблями, вздумав плыть вдоль южного побережья!

Но Конан настоял на своем, и флотилия взяла курс к дальнему берегу, пересекая дельту с севера на юго-восток. Зеленые берега Шема уже были едва различимы, а перед ними, темный на фоне заходящего солнца, вставал стигийский берег. Низкий и заболоченный у реки, он переходил в пустыню, и только невысокие дальние холмы нарушали его однообразие. Над стоячими водами царило безветрие, зловонные испарения поднимались к небу. В их сероватой дымке, разрастаясь по мере их приближения, словно волей неведомого колдуна, вставали черные стены города.

Это был Кеми, древнейший город Стигии, прибежище жрецов Сэта, Змея Вечной Ночи, верховного бога стигийцев. Здесь, в лабиринте гробниц и склепов, раскинувшемся под городом, покоились останки бесчисленных поколений правителей Стигии, здесь творили черное колдовство жрецы в кровавых мантиях. Говорили, что большие бронзовые ворота Кеми стоят распахнутыми всю ночь, потому что по улицам ползают выпущенные из храмов змеи, и чужеземец, отважившийся нарушить ночной покой древнего города, ступив за ворота, не жил и часа.

— Если Стикс, как говорят стигийцы, и вправду воплощение змеиного бога, — пробормотал Гулизар, — то мы лезем прямо на его клыки! А черный Кеми, — он ткнул пальцем в отблескивающие красным в лучах заката стены города, — зеница его недремлющего ока!

Конан ожидал увидеть в гавани множество кораблей — больших и малых, но не насчитал и десятка. Большей частью это были весельные баркасы с одной мачтой или вовсе без мачт. Они мирно покачивались у причалов или неторопливо плыли вдоль берега.

Но один из кораблей вдруг поднял паруса и устремился навстречу пришельцам; на его высоких мачтах развевался флаг с изображением глаза, а вдоль бортов поблескивали наконечники копий. Конан прищурился, глядя на него против заходящего солнца, а затем повернулся и принял распоряжаться:

— Все на весла! Барабанщики, задайте самый быстрый темп! Гулизар, сигнал остальным, чтобы немедленно поднимались вслед за нами вверх по течению!

Шкипер бросился к сигнальщику, а затем, вернувшись на бак, встал рядом с Конаном и счел нужным заметить:

— Я не вижу необходимости в такой спешке, господин мой! Конечно, этот корабль движется быстро, но это мирное судно, а не военная галера. Вряд ли они собираются причинить нам какой-либо вред, скорее, просто хотят посмотреть поближе, чтобы потом доложить о нас своим жрецам.

Возвышая голос, чтобы кормчий расслышал его за плеском весел и грохотом барабана, Конан ответил:

— Не так уж и безвреден этот корабль, Гулизар! Мне не хотелось бы прерывать поход в самом начале и лишаться большей части своих людей, обрекая их на пожизненное рабство в Стигии! — Он поднял руку, призывая всех к вниманию, и прокричал: — Гребцы, приготовиться к повороту! По моей команде начинайте разворачивать судно к гавани!

На пути из Асгалуна северянин заставил гребцов несколько раз отработать этот маневр, и

потому сейчас он был выполнен быстро и слаженно, несмотря на сильное течение.

— Ну, а теперь гребите изо всех сил! И бросьте разговоры, эй, вы, там, по правому борту, поберегите дыхание!

Выкрикивая приказания, Конан в то же время следил за тем, как выполняют маневр четыре других корабля. Наконец все галеры встали поперек течения, и Конан удовлетворенно кивнул. Стигийский корабль шел прямо на них, и при той скорости, что развили его гребцы, Конан мог запросто протаранить его.

— Эй, что там творится, во имя Иштар? — вскричал Гулизар, щурясь на стигийскую галеру. — С чего это они взялись карабкаться по снастям?

— Не сбивайте темп, — кричал Конан, — слушайте барабанщиков! — Про себя он благодарил всех великих и малых богов, что гребцы сидят лицом к корме. Две галеры мчались друг на друга, грозя вот-вот столкнуться, как аквилонские рыцари на ристалище, и теперь все зависело от того, кто первым не выдержит и свернет в сторону. Вглядевшись, Конан тоже увидел какое-то странное шевеление на снастях летящего на всех веслах корабля, но из-за полоскавшего на нестойком ветру паруса — красного с чернозолотым глазом — невозможно было как следует разглядеть, что там творится.

Но по мере того как корабль приближался, Конан все яснее видел, что на снастях его, кривляясь и бесстыдно извиваясь, висят нагие женщины. Они призывающими махали руками, они принимали самые развратные позы, какие только можно было представить, они облизывали розовыми языками полные губы. В волосах у каждой красовался огромный красный цветок; их призывные крики раздавались все громче, и гребцы начали ерзать на скамьях, пытаясь оглянуться через плечо.

— Сбавить темп в половину! — распорядился Конан. — Просигналить остальным, чтобы поднимали паруса и уходили вверх по течению!

Гулизар, стоявший рядом с ним, жадно сглотнул, не отрывая глаз от бесчинствующих красоток.

— Они, верно, наелись красного лотоса, того самого, что у них в волосах! Его запах слышен даже здесь! Если женщина наестся этого цветка или просто нанюхается его, она не успокоится, пока не получит мужчину. Мне уже рассказывали о таком, да я не верил. Эти девицы — из храма Идрис-гадюки, младшей дочери Сэта.

— Могу себе представить, что будет с тем мужчиной, который сейчас попадется к ним в руки, — пробормотал Конан. — Полагаю, очнется он уже в цепях — на рудниках или галерах!

Расстояние между кораблями по-прежнему сокращалось, хотя уже не столь стремительно.

— Лучше оставить их в покое, пусть убираются подобру-поздорову, — пробормотал Гулизар. — Если мы их подцепим на свой бушприт, потом хлопот не оберемся.

Конан смотрел не на девиц, а на гавань, в которой откуда ни возьмись оказалось уже добрых три десятка кораблей, явно выжидая, когда иноземцы клюнут на приманку.

— Да, если этих женщин увидят наши молодчики, они передерутся и не успокоятся, пока не поделят их меж собой! — сказал он. — Но напрасно думают жрецы Сэта, что мы так легко попадемся на их крючок. — Обернувшись к нижней палубе, он крикнул: — Эй там, готовьте катапульту!

Гулизар одобрительно кивнул:

— Прекрасная мысль, господин мой, нельзя подпускать их слишком близко. — Тут он неожиданно рассмеялся: — А то ведь какой стыд-то будет — великий поход, снаряженный двумя королями, бесславно окончится. Воины повстречались с лодкой, набитой голыми бабами!

Крики и пение женщин приближались. Теперь их могли расслышать все гребцы на обеих палубах. Ритм сбился, люди начали выворачивать шеи, силясь разглядеть поющих.

— А ну за дело! — рявкнул Конан. — На весла, Нергал вас всех побери! Если у кого увижу еще глаза на затылке — врежу так, что они там останутся навсегда!

На остальных галерах, державшихся поодаль, призывные вопли любительниц лотоса слышны не были, но этого и не требовалось. Оглянувшись, Конан увидел, что команды в полном составе навалились на правые борта, тараща глаза и прищелкивая языками. Казалось, еще чуть-чуть, и они перевернут суда.

Но что бы ни вытворяли женщины на снастях стигийского корабля, правила им рука твердая и уверенная: дромон, чуть развернувшись, шел теперь наперерез всем пяти судам Конана. Киммериец еще раз провел маневр, прибавил скорости — и окованный медью бушприт пробил огромную дыру в раскрашенном борту. Стигийская галера вздрогнула и остановилась, как осаженная на полном скаку лошадь. Несколько женщин попадали в воду — или, скорее, были сброшены, подумал киммериец. Конан подал свою галеру назад, высвобождая стигийца, и тот начал заваливаться на пробитый бок. Парус его бессильно повис, трюм наполнялся водой.

И тут серые бревна, до тех пор неподвижно плававшие на поверхности реки, зашевелились и устремились к упавшим в воду. Раздались женский визг и крики, совсем непохожие на те, что доносились со стигийской галеры совсем недавно. На палубе показались прятавшиеся до сих пор мужчины, они бесполково метались туда-сюда, не зная, эа что хвататься — вычерпывать воду из трюма или вытаскивать женщин. Только один смельчак прыгнул в воду им на помощь, но тут же был утащен на дно крокодилом.

Гулизар, взявшийся было за лук, увидев, что один из стигийцев прыгнул в воду, опустил его.

— М-да, — хмыкнул Конан, — если у стигийцев есть свой путь на Серые Равнины, этот малый уже на нем! По счастью, мало кто из наших умеет плавать, не то наверняка бы попрыгали за этими девчонками. А откушенную ногу обратно не приставишь!

Четыре меньших галеры шли теперь впереди, а корабль Конана замыкал строй. Корабли подгонял попутный ветер с моря, они почти не пользовались веслами, неспешно поднимаясь вверх по течению. Черные стены Кеми остались позади, за ними вставали четырехгранники пирамид, окрашенные с одного боку розовым — солнце садилось. Здесь дельта разделялась на несколько рукавов, и трудно было сказать, по которому из них смогут пройти галеры, а в котором увязнут в жидким иле.

— И все же я еще раз советую подойти к северному берегу и плыть вдоль него, — снова принял за свое Гулизар. — Там идет судоходный проток, и первое правило корабельщика в этих местах: если в чем-то сомневаешься — сворачивай налево.

— Мы определим главный проток по самой холодной воде, — ответил на это Конан, — и будем следовать по нему, покуда возможно.

Гулизар оценивающе оглядел Конана с головы до ног и наконец кивнул, соглашаясь:

— После всего того, что я услышал от тебя нынче, господин мой, — заявил он, — трудно поверить, что ты никогда не плавал в этих водах прежде!

— После всего того, что я нынче выслушал от тебя, — насмешливо парировал Конан, — трудно поверить, что ты здесь когда-либо был! Я исходил все южные моря и пил во всех портах Юго-Запада начиная с Аргоса и Барахских островов и кончая Кушем и Черными Королевствами!

— Хорошо, хорошо, — проворчал уязвленный кормчий, — но сейчас нам в самом деле надо выйти в боковой канал и найти приличное место для стоянки.

— Вот тут ты прав, — милостиво кивнул ему Конан. — Действуй, шкипер!

Воды Стикса, светлые в горсти, но темные даже на небольшой глубине, становились очень опасными ночью, поскольку даже близкая к поверхности мель делалась невидимой с заходом солнца. Ночью в его водах отваживались плавать только стигийцы, знавшие наизусть все ловушки родной реки; а потому Конан запретил своим людям даже купаться и заставил Каспиуса

дважды проверить, пригодна ли эта вода для питья.

Солнце тонуло в водах Моря Запада, окрасив их в цвет крови. Блестящая лента реки плавно изгибалась к югу. Из-за пирамид на путешественников наваливалась ночь.

Четвертый день поднимались они по реке, четвертую ночь вставали на якорь у южного берега, и до сих пор никто не потревожил спокойствия их неторопливого, однообразного плавания. Корабль Конана шел впереди, за ним плотной цепью следовали остальные. На ночевках северянин оставался на своем корабле, на первой из четырех галер ночевал Турио, а на третьей спал Гулизар, имея возможность быстро перейти на вторую или четвертую в случае, если бы вдруг пришлось срочно сниматься с якоря среди ночи. Солдаты откровенно скучали, ибо дни тянулись бесконечно, похожие один на другой, как близнецы братья.

Но вскоре сильные ветра с суши, заросли зеленых водорослей и сильное, холодное течение сделали продвижение вверх по реке почти невозможным. Какое-то время Конан пытался плыть вечерами, когда в спину начинал дуть ветер с моря, но это было слишком опасно, поскольку шли первые дни новолуния и ночи стояли темные.

Ночевки на берегах тоже превратились в сущее мучение. По мере того как путешественники продвигались в глубь страны, пустыня все ближе подходила к берегам Стикса, и по ночам их лагерь атаковали целые полчища змей, скорпионов и прочей пакости, которую так любили обожествлять стигийцы.

И если ночами донимали их ядовитые твари, то днем они мучились от зловонных испарений стоячей, несвежей воды под почти отвесными палящими лучами солнца. Корабли двигались медленно, с трудом пробивая себе дорогу среди водорослей и тины. И напрасно пытались моряки поймать ветер в праздно повисшие паруса галер — лишь изредка удавалось им пройти лигу-другую без помощи весел, бесшумно скользя по зеркальной поверхности воды, в которой отражались огромными белокрылыми птицами все пять кораблей.

Заросли белого лотоса начали попадаться им уже здесь, но Каспиус утверждал, что этот цветок не подходит и нужно искать непременно серебряный. Изредка однообразие пустынных берегов нарушалось какими-нибудь древними руинами пышной гробницы или заброшенного храма, вся паства которого теперь состояла лишь из змей да ящериц.

За зарослями белого лотоса последовали заболоченные низины, заросшие ивами, где русло реки подчас становилось таким узким и мелким, что галеры едва могли пройти. Каспиус высказывал предположение, что вода, видимо, выходит какими-то подземными протоками, а солдаты шептались, что отсюда берет начало тот Стикс, который течет через Серые Равнины.

Главный проток петлял от одного берега к другому, отклоняясь то к северу, то к югу, и Гулизар только разводил руками, повторяя, что он не может отвечать за реку, фарватер которой меняется после каждого разлива. Юркие баркасы высыпались вперед каждые несколько часов, но и тогда не обходилось без ошибок: казалось бы, широкий и глубокий проток приводил их в настолько заросшую лагуну, что по ней не прошла бы и лодка. Иногда застрявшую в водорослях галеру приходилось брать на буксир остальным и вытягивать усилиями всех гребцов.

Движение очень замедляли постоянные промеры глубин и исследования боковых ответвлений, но без них было не обойтись. Каждый раз, выходя на открытое пространство, где русло было глубоким, а течение — сильным, Конан старался наверстать упущенное, но такие отрезки пути встречались все реже. Порой солдаты могли пройти по берегу пешком столько же, сколько проходили за день корабли. Глянув на эту ленившую, скучающую толпу, которой нечем было себя занять, кроме купания лошадей и рыбной ловли, мало кто опознал бы в ней одну из самых дисциплинированных армий Шема.

Но Конан каждый час помнил о том, зачем они отправились, ибо черные птицы по-

прежнему кружили у них над головами день и ночь. Первые дни Конан еще пытался подстрелить какую-нибудь из них, но вскоре оставил напрасные попытки: стервятники парили слишком высоко.

Но что бы ни означали черные птицы, кошмары, похоже, оставили сны баалурцев навсегда. Жирея от ничегонеделанья, они лишь ели и спали, и по ночам их тревожили только надоедливые москиты.

Даже часовые, сначала не спавшие ночами, теперь дремали на своих постах, оставляя бодрствующим кого-нибудь одного, кто мог бы быстро поднять их при внезапном появлении Конана. Лагерь на стоянках не охранял никто, а вся охрана кораблей состояла из трех зевающих воинов на каждый, и никому такие посты не казались беспечными или недостаточными.

Маалюс, по прозвищу Рыжий, призванный в воинство Конана из отряда городской стражи, дремал на корме, уютно устроившись под тонкой москитной сеткой. Он полагал, что достаточно натрудился за день, чтобы отдохнуть ночь, и был весьма недоволен тем, что его определили в караул.

У себя в городе он неоднократно слышал жуткие рассказы про Стикс, который на поверхку оказался самой мирной речушкой из всех, какие он когда-либо видел. Болтали, будто бы над ней ходят по ночам мертвые, которые не совсем мертвые, громыхают костями призраки, летают колдуны верхом на болотных ибисах, и прочую ерунду в том же духе. Подумать только, когда-то он слушал эти байки с раскрытым ртом и верил каждому слову!

Теперь все это ему казалось байками, не стоящими внимания настоящего мужчины. Мертвые не летали над рекой, а спокойно спали в своих четырехугольных гробницах; ни один колдун до сих пор не пролетал над его головой; и даже крокодила он видел один-единственный раз, и то было похоже, что отвратительный ящер испугался этой встречи больше, чем он сам. Нет, теперь он знал цену этим рассказам: пусть ими пугают маленьких детей и дураков — а он не дурак.

За все тридцать с небольшим лет своей жизни действительно страшные вещи видел Маалюс лишь во сне в своем родном доме, в Баалуре. Ничто не пугало его так, как эти кошмары. Но теперь они были позади, а скоро будут позади и для всех остальных, когда они с помощью пресветлого Митры доберутся наконец до зарослей серебряного лотоса.

Встав, чтобы пройтись и размяться, он увидел Травика, сидящего с лампой на корме и глазеющего на черные, пустые воды, словно он надеялся высмотреть там что-нибудь ценное. Но, подойдя поближе, он увидел, что голова у Травика запрокинулась, а челюсть отвисла. Спит, подумал Маалюс. Ну и всыплет же ему военачальник Конан, если увидит на посту спящим!

— Эй, Травик! Сладко ли спится в дозоре? — весело окликнул он приятеля. — Мышка тут не пробегала? Лягушка не проплыла незамеченной?

Но приятель не шевельнулся. Подойдя ближе, Маалюс потряс его за плечо — голова часового откинулась назад, и стало видно, что горло у него взрезано от уха до уха. Кровь заливала его кольчугу и палубу под ним.

Какой-то неясный шум, тихий, как плеск воды, послышался у Маалюса за спиной. Он вздрогнул, сорвал колпак с лампы — и прямо перед собой увидел страшную рожу — бледную, с копной мокрых волос, облепленную водорослями и тиной. Рожа ухмыльнулась, и над фальшбортом показались плечи и огромные руки. Маалюс раскрыл рот, чтобы крикнуть. Чья-то рука с размаху зажала ему рот. Маалюс дернулся и почувствовал холодную сталь кинжала у самого уха.

Глава 10

НАПАДЕНИЕ

Конану снился сон. Он был глубоко в центре земли, посреди какой-то волшебной пещеры, вырубленной в глыбе розового мрамора. Бело-желтые колонны сталактитов свешивались с куполообразного потолка, почти встречаясь внизу со своими братьями-близнецами, растущими из пола.

В глубине пещеры была ниша. Над ней, отбрасывая по стенам пляшущие тени, горел факел. В нише, раскинувшись на огромном овальном ложе, застеленном простынями розового шелка, лежала ведьма Зерити.

Она мало изменилась с тех пор, как Конан в последний раз видел ее, разве что кожа, всегда мягкая и золотистая, стала теперь бледной, словно у северянки, редко видевшей солнце. Но это ее ничуть не портило, скорее, наоборот: на бледном лице ярче горели темные глаза и более чувственными казались губы. Пряди длинных черных волос разметались по плечам и высокой груди, почти закрывая страшный шрам, происхождение которого Конану было известно слишком хорошо. Собственно, его меч проткнул ведьму насеквоздь в тот самый миг, когда вызванный ею демон бросился на Имболио, огромного кушита. Лишь то, что чернокожий воин отвлек на себя это темное порождение чар стигийки, спасло тогда Конану жизнь. Разглядывая сейчас бесстыдно раскинувшуюся перед ним нагую ведьму, Конан думал, остался ли шрам у нее на спине между лопаток?

— Зерити, неумирающая ведьма! — приветствовал он ее с насмешливым почтением. — Всего мгновение назад я был в своей постели — мало же тебе понадобилось времени, чтобы доставить меня в твою!

Задрав голову, он оглядел пещеру, где под потолком искрились в свете факелов капли влаги.

— Уютнейшая спаленка! Так чем я обязан такому вниманию с твоей стороны?

Зерити рассмеялась коротким грудным смехом, чуть приоткрыв полные яркие губы, обнажив полоску жемчужно-белых зубов:

— Да-а, это, несомненно, Конан — искатель счастья с далеких, холодных скал Киммерии! Только он, став главнокомандующим огромной армии, мог не усвоить при этом хороших манер! Помнится, и Маздок, и Озбаал в свое время быстро этому научились, поднявшись из такой же грязи, как и ты. — Не отрывая от него пристального взгляда мерцающих глаз, она сменила свою и без того нескромную позу на еще более вызывающую. — За те короткие мгновения, что мы с тобой виделись, я мало успела тебя узнать, но, как вижу, не ошиблась, представляя тебя эдаким косматым, грубым дикарем, — она откровенно разглядывала его почти обнаженную фигуру. — И, — добавила она, — ты мне очень нравишься именно таким.

— Ну, ты тоже должна будить желание во многих, — насмешливо протянул Конан, — коль скоро сотни мужчин каждую ночь теперь видят тебя во сне!

Она снова рассмеялась, но вскоре оборвала смех и придала своему лицу озабоченное выражение.

— Ну, а если серьезно, Конан, я и в самом деле думаю, что такой силач и умелый воин, как ты, сможет сослужить мне неплохую службу. — Тут она снова изогнулась как кошка и сказала уже совсем другим тоном: — Неужели ты не сможешь удовлетворить мои скромные чаяния?

Ведьма, конечно, смеялась над ним, но ведь не просто так она то ли вызвала его к себе, то ли сама явилась к нему во сне. Он скрестил руки на груди и решил посмотреть, чем все это кончится. Если он спит, то это не более чем сон, а присниться может всякое.

— Сожалею, Зерити, но нынче я немного занят и не смогу уделить тебе времени ближайшие несколько месяцев. Не говоря уже о том, что нынешние мои заботы прямо противоположны твоим.

— Хватит, — вдруг резко оборвала его Зерити, садясь на постели и обнимая себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно. — Я и без твоих насмешек прекрасно знаю, с каким поручением послала тебя Руфия. Но знай, киммериец, рано или поздно ты будешь моим! Ты будешь принадлежать мне телом и душой, хочешь ты этого или нет! — Тут она засмеялась, но на этот раз смех ее звучал как-то неестественно. — Так что лучше тебе этого захотеть. Ибо скоро, очень скоро все то, что будет мне неинтересно, просто перестанет существовать! Если я захочу, я сотру с лица земли тебя и твою Киммерию... -

Говоря это, она скорчила отвратительную гримасу, отчего ее лицо потеряло всю привлекательность.

Встав с постели, Зерити протянула руку к факелу и резким движением вырвала его из гнезда в стене.

— Никогда не заботили меня ни глупые страхи, ни страдания плоти — этому подвержены вы, простые смертные. И мне нет дела до вашей любви или ненависти, ибо у меня есть любовь бога, — она с яростью глянула на Конана, — бога, а не грязного варвара! Хочешь знать его имя? Я скажу тебе, — она вдруг развернулась и ткнула пылающим факелом прямо в шелковые простыни, выкрикивая: — Джакала! Его зовут Джакала!

Постель вспыхнула, словно облитая маслом. Пламя, завиваясь столбом, поднялось до самого потолка пещеры, и та, словно была не из мрамора, а из воска, начала вдруг плавиться, оплывать и терять форму. Ведьма пропала, и языки пламени рванулись к Конану.

Дивясь на все эти чудеса, Конан вдруг понял, где находится. Пещера была не пещерой, а сталактиты были не сталактитами. Варвар стоял посреди пасти какого-то немыслимого древнего хищника, у самой его глотки, и хищник этот начал просыпаться. Пламя обжигало ему небо, а розовая постель, на которой нежилась Зерити, была не чем иным, как его языком. Северянин затравленно оглянулся в поисках выхода, но гигантские челюсти клацнули, смыкаясь, горящий язык шевельнулся, потянувшись к нему раздвоенным концом...

Конан проснулся весь в поту. Открыв глаза, он обнаружил, что, ворочаясь во сне, едва не разбил себе голову о торчащую из палубы металлическую скобу. Конан выругался и сел, откинув одеяло.

Киммериец нашупал на затылке изрядную шишку и выругался еще раз. Ему и прежде снились дурацкие сны, но, видно, надо было крепко стукнуться головой, чтобы привиделась такая чушь. Да и вчерашнее вино оказалось несколько прокисшим...

Ночь стояла тихая и безлунная. Где-то поблизости послышался тихий вскрик, и Конан поморщился: он надеялся, что кошмары давно перестали сниться его воинам.

Но ведь кошмар приснился сегодня даже ему... А что, если они достигли границ темного царства Зерити и теперь эта чума снова охватит всех до единого? Но что это за надежды, которые возлагает на него ведьма? Надо будет попробовать расспросить людей, о чем говорит с ними Зерити во сне. Наверняка и остальным снится что-то похожее.

Конан встал и прошелся по палубе. С бака его окликнул часовой, ему тут же отозвался часовой снизу. Вокруг было по-прежнему тихо, но Конана грызло какое-то беспокойство. Огни четырех галер мирно мерцали, отражаясь в черной воде.

И тут снова послышался тихий вскрик.

— Часовые, будите команду! — рявкнул Конан и сам кинулся вниз поднимать спящих солдат и гребцов. — Поднять якорь! Всем на весла! Но только тихо, и не зажигайте огней — сначала

нужно узнать, что происходит.

Снова поднявшись на корму, он окликнул часового на соседнем корабле и велел ему разбудить Турио. Тем временем, бормоча и спотыкаясь со сна, команда расселась по веслам. Гребцы терли глаза и зевали во весь рот.

Вскоре перед Конаном предстал Турио — такой же заспанный, как и все остальные.

— Я обойду лагуну и вернусь, если не увижу ничего подозрительного, — сказал ему Конан. — Ты остаешься здесь за меня.

— А что случилось? — Турио, не вполне проснувшийся, соображал еще туговато. — Я ничего не слышал...

— А я слышал! — оборвал его Конан. — Но еще не понял что.

Якорь был поднят, люди расставлены по местам. Киммериец велел начинать грести и как можнотише разворачивать галеру по течению.

Корабль почти бесшумно скользил по зеркальной глади воды. Лишь изредка всплескивали весла. Три галеры спали беспробудным сном; фонари часовых едва горели, а сами сторожа далеко не сразу отзывались на тихий оклик Конана. Ниже по течению, чуть поодаль от остальных, мерцали огни четвертой галеры, но, под плывя поближе, Конан разразился отчаянной руганью: на мелкой волне спокойно покачивалась пустая лодка с фонарем посреди скамьи, кормовой и бушпритный фонари были подвешены на склонившиеся над водой ветви деревьев.

А галеры не было и в помине.

— Всем на весла! — крикнул Конан. — Рулевой, разворачивай корабль и подведи вплотную к третьей галере! Ты и ты, возьмите по пять человек, разыщите свои мечи и следуйте за мной.

Когда нос корабля Конана почти ткнулся в корму последнего судна, он спрыгнул на его палубу и кинулся разыскивать часовых; и вскоре он их отыскал. Первый свалился с койки прямо ему под ноги, когда Конан плашмя вытянул его мечом по тощему заду. Второй, увидев военачальника в таком дурном расположении духа, кинулся к борту, явно вознамерившись спасаться бегством. Конан отвесил ему доброго пинка и помчался на нос, где третий часовой, помаргивая сонными глазами, трясясь как осиновый лист, раз за разом повторяя, что он не сделал ничего дурного.

— Ничего?! — ревел Конан. — Ничего?! Пираты уводят нашу галеру у вас из-под самого носа, а вы и ухом не шевелите! Говори, сын греха, видел ты хоть что-нибудь, или вы проспали все на свете? Где Гулизар, задери его бешеный волк?!

С нижней палубы поднялся заспанный кормчий, бормоча на ходу:

— Не утруждайте себя напрасным гневом, мой господин, я сейчас сам все выясню!

— Нет уж, иди сюда, ты можешь мне понадобиться! Капитан, буди команду и готовь к бою! Я иду искать галеру.

— Если это пираты, — вмешался Гулизар, — стоит немного подождать и отправиться двумя кораблями!

— У нас нет на это времени, — отрезал Конан. — Оставайтесь здесь и постараитесь хотя бы не потерять то, что осталось, раз уж вы умудрились проспать галеру со всем экипажем! Если я не вернусь до рассвета, можете спуститься по течению и попробовать меня поискать.

Вернувшись вместе с Гулизаром на свой корабль, Конан велел зажечь все огни и принести на нос как можно больше факелов. Барабанщики задали ритм и смолкли. Корабль летел по воде почти бесшумно, и Конан напряженно вслушивался вочные шорохи.

— Ну, кормчий, что скажешь? — спросил он наконец. — Куда они могли утащить ее?

Кормчий на это только беспомощно развел руками:

— Кто ж их знает? Но вероятнее всего, вниз по течению. Они постараются увести ее как

могло дальше и спрятать, а для этого здесь есть добрая дюжина подходящих мест...

— Барабанщики, полный ритм! — взревел вдруг Конан, не слушая его. — Рулевой, правь к северному берегу и держись его, как только мы выйдем из течения!

Команда налегла на весла, и барабаны снова смолкли. Галера быстро плыла наперерез потоку, от света факелов, ярко горевших на носу, шарахались солнечные крокодилы, да изредка птица вылетала из зарослей тростника, потревоженная плеском весел.

— Пока мы будем так ходить вкрай и вкось от берега к берегу, пираты просто уведут его, — негромко сказал Гулизар. — Они наверняка плывут себе сейчас вдоль стигийского берега и смеются, глядя, как удаляются огни нашей галеры...

— Тс-с! — шикнул Конан, зажимая ему рот железной ладонью. — Тише! Слышишь?

Откуда-то издалека донесся тихий плеск весел, эхом вторящий ударам их гребцов. Конан подал команду свистящим шепотом:

— Гребите изо всех сил! Гелм, правь вон к тому протоку, только осторожно, не врежься в берег!

Факелы погасили, и темный корабль призраком заскользил под самыми ветвями деревьев. Плеск дальних весел становился все громче, к нему прибавился звон металла и ржанье лошадей. Перед ними внезапно открылась большая лагуна, сплошь заросшая камышом, по которому хорошо было видно, что здесь недавно прошло несколько кораблей.

— Ну, теперь приналягте, ребята! Барабанщики, ритм! — уже не таясь, в полный голос взревел Конан. — Вон они!

Вдали, там, где лагуна разливалась в небольшое озеро, в свете факелов и фонарей виднелась галера, со всех сторон окруженная пиратскими баркасами. Они вились вокруг большого судна, как пчелы у улья, тесня его все ближе к берегу. Всего несколько десятков гребцов беспомощно плескали веслами по воде, пытаясь вырваться из окружения. С корабля Конана было видно, что одна из мачт галеры уже срублена, а у второй сломана рея. Судя по яростным воплям и звону мечей, на палубе кипела битва. Они подоспели как раз вовремя.

— Всем готовиться к бою! — гремел Конан. — На веслах остаются шестьдесят человек, остальные — ко мне! Рулевой, правь прямо на тот баркас, мы попробуем его проторанить!

Медный стержень бушприта на полном ходу вонзился в бок пиратской посудины. В ней тотчас же открылась течь, оставшиеся еще на борту пираты разразились проклятиями и бросились на вновь прибывших.

— Стреляйте по ним, не стойте! — крикнул Конан. — Вот так! Ага, собаки, теперь вы почуяли запах жареного!

Не прошло и нескольких минут, как пираты баркаса были перебиты один за другим, не успев даже схватиться за борт большого корабля. Часть гребцов снялась с весел и, достав из-под скамей длинные луки, присоединилась к баалурцам, расстреливавшим пиратов с левого борта.

Видя, что на подмогу уже почти беспомощной галере откуда ни возьмись вынырнул новый корабль, полный вооруженных людей, пираты поспешили удариться в бегство, ибо силы были явно неравны. Появление Конана было встречено на похищенной галере радостными выкриками, и отчаявшиеся было воины с новыми силами взялись за мечи, рубя наседающих пиратов и скидывая их за борт, а лучники на боевом корабле уже довершали остальное. Многие из атакующих сами прыгали в воду, надеясь тем спасти свои жизни, но и там настигали их короткие арбалетные стрелы баалурцев.

Конан, уже перебравшийся на растерзанную галеру по пробитому баркасу, раздавал удары направо и налево, весело выкрикивая:

— Эй, эй, оставьте мне хотя бы троих, а то мой меч что-то зависелся в ножнах!

Вскоре битва была кончена. Ни один из пиратов не добрался до берега, их баркасы яркими

факелами пылали в ночи, подожженные стрелами лучников. Конан отер лицо тыльной стороной ладони и огляделся.

В центре палубы, у срубленной мачты, был собран пиратский улов: около сорока человек с перерезанными глотками, те, кого похитители успели застать спящими. Прокравшись на галеру, пираты могли бы перебить во сне всех до единого, но, видимо побоявшись, что возня будет услышана на соседнем судне, они подняли якорь и увезли корабль вниз по течению. И только после того, как крики с баркасов, встретивших похищенное судно у входа в лагуну, разбудили тех, кто спал на нижней палубе, началась настоящая битва. Она унесла жизни еще нескольких дюжин баалурцев.

— Если бы они не торопились увести галеру от стигийского берега, они могли перебить здесь всех, как овец, — зло сказал Конан, глядя на гору мертвых тел — нагих и безоружных. — А потом тихо красться за нами вдоль берега и ночью увести следующую галеру, а затем и следующую!... Клянусь Кромом, никогда еще не доводилось мне попадаться в такую простую ловушку!

— Да нет, такое невозможно! — возразил Гулизар. — Это было просто безумие: надеяться, что мы не хватимся корабля до самого рассвета!

— А вы бы и не хватились! — зло отозвался Конан, мгновенно впадая в ярость. — Если бы я не услышал тот слабый крик, их план бы сработал!

— Да, правда, я забыл, что сам слышал какие-то невнятные крики, но решил, что кому-то просто приснился страшный сон, у ваших это все же еще часто бывает... — принялся оправдываться Гулизар, но Конан перебил его:

— Это и был крик во сне, просто он прозвучал слишком далеко! Мне и в голову не пришло, что здесь идет резня, но я подумал, что судно могло сняться с якоря и двигаться по течению. Этому малому и его кошмару мы обязаны кораблем, а те, кто остался в живых, — своими жизнями. Может, именно его вопль и разбудил всех, пока галеру уводили.

Гулизар несильно пнул носком сапога трех связанных пленников, выловленных из реки.

— А с этими что делать? Вздернуть на рее или пустить на корм крокодилам? — Он выдернул из борта торчащий в дереве окровавленный нож и с размаху метнул его вниз, так что тот вонзился в палубу у самых глаз лежащего ничком пирата.

— Не торопись, мой кровожадный шкипер, — усмехнулся Конан, и в голосе его появились мурлыкающие нотки. — Мы понесли большие потери, надо же их будет как-то восполнить. Тем более что предстоит еще одна невосполнимая утрата. Одного очень важного, но очень любящего поспать человека.

— К-кого же ты имеешь в виду, господин мой, — пролепетал кормчий, на всякий случай делая шаг назад.

— Кого же, как не тебя! — загремел Конан, наступая на него. — Ведь это ты должен был следить за остальными тремя кораблями! Или ты нарочно взял в гребцы парочку глухих и слепых и только и ждал удобного случая, чтобы выставить их в караул? А перед тем сообщил пиратам, что можно приходить и забирать корабль, а?

— Да что ты такое говоришь, господин мой! — чуть не плакал маленький кормчий, не зная, куда деваться от разбушевавшегося военачальника. — Разве я сумасшедший, чтобы отважиться на такое?

— В самом деле?..

Конан вдруг сгреб могучей рукой за шиворот одного из пленников и вздернул в воздух.

— А ну, света сюда! А скажи-ка мне, Гулизар, где те матросы, которых ты привел на борт этой галеры, когда обнаружилась нехватка команды, — помнишь, перед самым отплытием? Я не вижу их среди мертвых. Я не вижу их среди оставшихся в живых. Но разве вот этот — не один ли

из них? Хотя он так вымазан кровью и опутан водорослями, что узнать его и впрямь трудно!

Видя, что кормчий отходит все ближе к борту, двое солдат из баалурского войска шагнули к нему ближе.

— Ну, ты молчишь, мой опытный шкипер? Не ты ли с самого начала уговаривал меня держаться ближе к берегам Шема? А вчера вечером не ты ли достал из погреба новый бочонок вина, помеченный черным крестом? Я хорошо знаю вкус асгалунского двухлетнего вина, а это отдавало маком! Ты столковался с пиратами заранее, еще до того, как мы вошли в дельту! Да, на этой галере не было слепых и глухих, зато были проворные щемиты с длинными ножами!

— Господин мой, — скулил Гулизар, — подумай сам, какие ты говоришь ужасные вещи! И кто только рассказал тебе все это, что ты поверил ему с первого слова? Вспомни, ведь сам король представил тебе меня как надежного и опытного кормчего!..

— Это я хорошо помню! — отозвался Конан. — И не сомневаюсь, что Маздок верил тебе — как и я до нынешней ночи. Желал бы я доставить тебя к нему, уж мы бы придумали, какого наказания заслуживает предатель! Но вместо этого тебя будут судить вот эти молодцы. — Он пнул одного из пиратов и встряхнул того, которого все еще держал за ворот кожаной куртки. — Ну, что скажете? Какой участи заслуживает ваш господин, который, чтобы замести следы, продал бы вас в рабство с той же легкостью, что и всех нас?

И с этими словами он подпихнул почти бесчувственного кормчего поближе к пленникам.

Солдаты, предвидя потеху, развязали пиратов и отошли в сторонку, окружив их плотным кольцом, чтобы не смогли сбежать. Кормчий, отданый на расправу своим же людям, затравленно озирался, переводя умоляющий взгляд с Конана на свирепые рожи пиратов. Двое набросились на него с кулаками, а у третьего блеснул в руке вынутый из сапога нож, и Конан прервал забаву в самом начале:

— Эй, оружие долой! — Сильным движением руки он вывернул пленнику кисть, и нож, описав сияющую дугу, исчез в черной воде. — Мало того, что вы украли у меня корабль и расправились с людьми на нем, вы еще и хотите испортить мне месть!

И, не дожидаясь, пока кормчего приговорят растерявшиеся пираты, он вынул саблю и одним ударом снес предателю голову. Мертвое тело мешком рухнуло на палубу, заливая ее кровью.

— Ну, можно сказать, что такой конец себе он избрал сам! — Эти слова были единственной надгробной речью Конана. Он вытер клинок о штаны уже мертвого Гулизара и спокойно вложил саблю в ножны. — А этих троих заковать в железо и посадить у весел, пусть отрабатывают!

Когда они вернулись на стоянку, волоча за собой на буксире потрепанную галеру с мертвыми товарищами, было уже почти утро. На вопрос Турио, что случилось с Гулизаром, Конан коротко ответил: "Он заплатил за попытку пойти против меня". Капитан несколько побледнел, но не промолвил ни слова, и северянин, хмыкнув, ушел досыпать, предоставив остальным расписывать друзьям свои подвиги.

Наутро, несколько успокоившись, они принялись подсчитывать потери. Тысяча, выведенная Конаном из Баалура, уменьшилась больше чем на сотню, помимо солдат, погибло и много гребцов. Сколько было убито пиратов, не знал никто, но лучники клялись, что ни один из прыгнувших с баркасов в реку до берега не добрался.

Мертвых завернули в одеяла и уложили на палубе захваченного пиратского баркаса, дыру в котором забили досками и просмолили. Все облили маслом, отпустили концы и подожгли, бросив факел с галеры. Течение быстро подхватило неуправляемое суденьшко и потащило вниз, но долго еще виднелся над рекой столб черного густого дыма. Конан заметил, что в то утро черных стервятников стало как будто больше — они кружили над следами побоища с хриплыми криками, напомнившими ему смех Зерити. Но, видно, жажда крови ведьмы этим не утолилась, потому что, едва они снялись с якоря, часть птиц, паря все так же высоко, как и прежде,

двинулась вслед за ними.

Отойдя подальше от того места, где произошло несчастье, баалурцы пристали к берегу и взялись за починку пострадавшей галеры. Но окончательно отмыть ее палубу от крови так и не удалось: она словно въелась в свежее дерево.

От тех матросов, что привел на корабли Гулизар, на галерах осталась еще добрая дюжина, и Конан, собрав их, заявил во всеуслышанье:

— Поскольку ваш кормчий оказался предателем, вы теперь все под подозрением. Но поскольку все вы мирно проспали эту ночь, я верю, что ни один из вас не знал о предстоящем нападении. Но если вы знали и теперь боитесь сознаться в этом, то лучше сразу прыгайте за борт, потому что за любую провинность я вздерну вас на реях — по трое на каждой галере, в назидание остальным. Те же из вас, кто с честью выдержит это путешествие и вернется домой с победой, будут щедро вознаграждены королем Маздоком. Но не забывайте, что за предательство у меня есть только одна награда — смерть.

Глава 11

ПУСТЬНЯ

Галеры по-прежнему поднимались вверх по течению. Берега Стикса становились все выше, а водоросли и тина сменились зарослями тростника и мелкого кустарника. Здесь течение было не так сильно, как у дельты, и по воде вдоль обоих берегов сновали маленькие лодочки рыбаков и охотников. Вереница галер величественно скользила по самой середине реки, и путешественники разглядывали то гигантские пирамиды, выстроившиеся вдоль южного берега, то белостенные города Шема, окруженные садами и пашнями, террасами спускавшимися к самой воде, — вдоль северного. В тростниках в изобилии водились утки, ибисы и другие птицы, в воде то и дело мелькали тени проплывающих рыбых стай.

Оба берега реки, несущей плодородный ил, были густо заселены, ибо пустыня оттесняла к воде как шемитов, так и стигийцев. Между берегами шла бойкая торговля и обмен различными товарами, и путешественникам в изобилии встречались и галеры, и парусные суда, причем шемитских кораблей с гербами городов на парусах было ничуть не меньше, чем стигийских — с изображением глаза или змея.

Заметив это, Конан велел поднять на мачте своей галеры флаг Баалура, а на корме выстроить отряд солдат в форме дворцовой гвардии. Таким образом он надеялся замаскировать свой флот под большой торговый караван, идущий под защитой солдат города-государства. Он посыпал время от времени отряды в небольшие поселения на шемитском берегу за хлебом и вином, но избегал заходить в крупные города, стараясь миновать их на рассвете или в сумерках. Их маленький флот легко могли принять за военное вторжение и попытаться атаковать прежде, чем они успели бы объяснить, зачем едут.

Избегал он также поднимать на борт местных рыбаков с просьбой провести корабли в незнакомых водах и делал это только в случае крайней необходимости. По счастью, все наречия Шема были очень схожи между собой, и им не составляло труда договориться с такими проводниками.

Какой бы черной магией ни занимались жрецы Стигии, обычай простого народа этой страшной страны были очень схожи с обычаями любых землепашцев: с утра до ночи они работали в поле, дети барахтались на мелководье или пасли буйволов, в часы жары забиралившись в прохладный ил по самые уши, женщины ловили рыбу или ставили силки на мелкую птицу. Глядя на них, люди Конана тоже постепенно свыклись с рекой, о которой слышали, что воды ее отравлены и безжизненны и всякий, кто попадет в них хоть раз, умрет скорой и мучительной смертью.

Когда один из встреченных ими на реке шемитских купцов сообщил им, что они миновали канал, отходящий к гавани столицы Стигии Луксуру, Конан решил, что это подходящий повод, чтобы дать уставшим от долгого плавания людям немного расслабиться. В тот же вечер на палубах были накрыты огромные столы для всей команды, заваленные купленными на побережье свежим хлебом, фруктами, вином и жареной дичью. На галеру к Конану пришел Каспиус, плывший на второй галере. Киммериец отметил, что лекарь выглядит здоровым и помолодевшим, словно тяготы пути только прибавляли ему сил.

— Ты пишешь о нашем путешествии, Каспиус? — спросил Турио, заглядывая через плечо лекаря в маленький пергамент, над которым тот корпел, пользуясь тем, что пир еще не начался. — И что же именно?

— Что мы как раз миновали Луксур, а значит, прошли почти половину пути до Сгиба, где

Стикс сворачивает и течет прямо на юг, — пробормотал лекарь. Закончив писать, он свернул пергамент и закрутил склянку с чернилами. — И что перед тем подверглись нападению пиратов, но одержали над ними победу.

Раз в несколько дней Каспиус составлял письма и отсыпал их с голубиной почтой в Баалур.

— Не упоминай о том, что мы потеряли больше сотни, — сказал Конан, обернувшись от руля. — Не то многие жены, матери и невесты потеряют и те остатки сна, какие еще отпустила им Зерити.

— Ну да, не то мы не напасемся голубей, если ты возьмешься перечислять всех погибших, — невесело усмехаясь, добавил Турио.

Последние события убедили молодого военачальника в том, что приказы Конана следует исполнять быстро и точно, и киммериец был наконец избавлен от его дотошных расспросов, почему он велит делать то или другое и не лучше ли было сделать иначе.

Каспиус сложил три клочка пергамента в три маленьких короба, запечатал их своим именем и привязал один из них к лапке сильного, белого в черную крапинку голубя. Птица с шумом взвилась над мачтами.

— Жаль, что мы больше не увидим его, — сказал Турио, провожая голубя взглядом. — Если бы он смог разыскать нас снова и принести весточку из дома! Мне было бы гораздо легче, если бы я знал, как чувствует себя наша бедная принцесса.

Каспиус выпустил одного за другим еще двух голубей, и они полетели вслед первому. Странное это было зрелище: летящие над черной водой и зарослями папируса белые северные птицы.

Стервятники, выписывавшие круги над галерами, тотчас заметили посланников Каспиуса и кинулись вдогонку белым птицам. Двоих голубей настигли хищные когти, но третьему удалось спастись, нырнув под полог дальней рощи. Бестолково покружив над ней недолгое время, черные птицы улетели догонять уходящие корабли.

— Ну вот, — сказал Каспиус, — по крайней мере один вестник долетит. Власть зла не бесконечна, хоть отчаявшемуся и может казаться обратное.

— Да, иначе бы наш поход прекратился в самом начале, — кивнул Конан. — Зерити не всесильна. Все, что она может, это неусыпно следить за нами с помощью своих мерзких птиц. Но, конечно, чем ближе мы будем к цели, тем сильнее она будет нам препятствовать. Во всяком случае, она сказала, что я... Кстати, Каспиус, — оборвал он сам себя. — Знаешь ли ты что-нибудь о боге или демоне по имени Джакала?

— Нет, ничего, хотя тоже слышал во сне от нее это имя, — покачал головой лекарь. — Но у ведьмы наверняка в запасе множество трюков, о которых не знаем не только мы, но и более просвещенные смертные.

— Может быть, она до сих пор не верит, что мы действительно едем за лотосом, и ждет, когда же мы начнем действовать, чтобы обрушить на нас все свои силы, — задумчиво высказался Турио. — И в самом деле трудно поверить, что такая армия движется к ее королевству единственно за тем, чтобы набрать цветов в заводях!

— Нет, Зерити, как всякая могущественная ведьма, верит в силу волшебных снадобий и трав, — покачал головой Конан. — Я боюсь другого. Я боюсь, как бы она не подговорила всех магов Стигии обрушиться на наш поход, когда придет время. — Его синие глаза всматривались в пирамиды, рядами встающие на горизонте. — Это земли проклятого Сэта, а ему все равно, за цветами мы плывем или нет, он с радостью погубил бы нас, даже если бы мы просто отправились половить здесь рыбы.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, Конан, — ответил Каспиус, проследив за его взглядом. — Ну что она такое, эта колдунья? За нее не поднимется Черный Круг, не станет просыпаться Сэт.

Кем бы она ни была в своей стране снов, здесь она — простая ведьма.

Конан пожал плечами.

— Ты забываешь, что правители Стигии — алчны до золота и рабов, — сказал он. — Эта простая колдунья собирается стереть с лица земли древний и полный сокровищ город. Ради богатств Баалура и сотен людей, которых можно превратить в рабов, стигийцы пойдут на многое.

Он не стал добавлять, что Тот-Амон, глава Черного Круга, пойдет почти на все, что угодно, лишь бы уничтожить их корабли, если узнает, что на одном из них плывет Конан-киммериец.

Но, глядя на далекие стены Луксура, едва маячащие в голубоватой дымке, Конан сказал:

— В одном вы правы оба: стоит знать, что они затевают. С завтрашнего дня мы вышлем лодку, чтобы она шла впереди флота вдоль берега, а за ней, на некотором расстоянии, пусть идет баркас с вооруженными людьми. Если появится что-то подозрительное, мы будем предупреждены об этом.

По мере того как флот продвигался к востоку, плыть становилось все легче. С берега часто дул попутный ветер, и гребцам больше не приходилось изо всех сил налегать на весла. Луна прибывала, ночи становились все светлее, и, если ветер держался, корабли плыли порой до самой темноты, стараясь наверстать время, упущенное в дельте.

Даже плеск весел не выдавал теперь их продвижения, и Конан пользовался этим, покуда возможно.

Пора разлива прошла, и Стикс постепенно возвращался в свое русло, узкое и глубокое. Все выше поднимались берега, все уже становился поток. Теперь он напоминал не полноводное озеро, раскинувшееся на многие лиги, а широкую и торную дорогу, плавно вытекающую меж холмов и низин. Им стали все чаще попадаться искусственные каналы, наполняющиеся водой только по весне и зиме, а теперь постепенно высыхающие или уже вовсе высохшие.

Полоска зелени и плодородной почвы вдоль реки тоже сужалась: они приближались к самым безжизненным и заброшенным землям Шема и Стигии. Торговые суда уже не сновали из города в город, и лишь изредка попадалась им навстречу плоская баржа с грузом ровных, одинаковых серо-желтых каменных глыб. У Сгиба, где Стикс сворачивал к югу, начинались горы, в их каменоломнях день и ночь трудились рабы, добывая камень, служивший для построек пирамид и гробниц.

Единственным признаком жизни в этих пустынных землях оставались караваны, неспешно бредущие через пески лиги и лиги. Здесь, через пустыни Шема, Турана и Стигии, проходил один из самых оживленных торговых путей Востока. По нему в Стигию стекались сокровища из Вендии, тончайшие шелка Кхитая и оружие Иранистана. Здесь кочевали с места на место воинственные племена зуарилов, наживаясь на погибших в пути караванах. По нему шли бесконечные цепи рабов из Кешана и Пунта. И немалая часть этих рабов оседала в Стигии, равно как и ценнейшая слоновая кость и рога носорогов.

С каждым днем ветры приносили все больше песка, а темная полоса впереди, приближаясь, превращалась в горную гряду. В одну из ночей Конан велел плыть не останавливаясь, и под утро они благополучно миновали Иркалам — Обитель Сэта, — широко раскинувшийся в устье Хилу, небольшого притока Стикса. О городе этом шла дурная слава, и Конан возблагодарил Крома, когда они проскочили его вдоль дальнего берега, никем не замеченные.

Горы все плотнее обступали реку, течение ее убыстрялось с каждой лигой. И вот здесь-то Конан наконец увидел Озеро Тысячи Легенд, Эллоболу, у которого, если верить рассказам караванщиков, не было дна. Оно раскинулось широкой чашей, открытой небу, словно жерло гигантского вулкана.

Быть может, когда-то на его месте и в самом деле был вулкан, чьи корни уходили к самому центру земли.

Здесь, у Эллоболу, впервые за весь путь на них напали стигийцы. Едва галеры вышли из-за утесов на открытое пространство древнего озера, к ним с двух сторон устремились четыре дромона, преграждая им путь. На парусах боевых кораблей был выткан зеленый, свернувшийся в кольца змей. Прямо на вереницу галер выходил самый большой дромон, на палубе которого матросы заряжали катапульту. Золотые нагрудники военачальников, сиявшие в лучах полуденного солнца, ясно говорили, что это не просто разбойничий набег.

— Весла на воду, паруса долой! — распорядился Конан. — Готовьтесь к бою! Сигнальте остальным, чтобы подходили ближе и готовили отряды к абордажу!

Аргосийский корабль Конана с одинаковой легкостью маневрировал и под парусом, и на веслах, тогда как тяжелые галеры шемитов без парусов были почти беспомощны и представляли собой слишком легкую мишень. Поэтому Конан бросил вперед свою галеру, оставив Турио командовать на остальных. Он надеялся проторанить один из стигийских кораблей прежде, чем они пустят в ход катапульту, а затем начать быстро передвигаться вдоль своих галер, не давая врагу подойти слишком близко и обстреливая его со всех пяти судов.

Каспиус, оставшийся на его корабле с того вечера у Луксура, вышел на корму, где Конан отдавал распоряжения рулевым.

— Вы думаете, мы сможем пробиться? — спросил он с кислой миной. — Их катапульта очень быстро проделает в наших галерах достаточно дыр, чтобы пустить нас на дно.

— Легенды гласят, что у этого озера нет дна, старик! — весело отозвался Конан в предвкушении битвы. — Пусть только попробуют, и у нас будет на четыре корабля больше! На стигийских галерах нет воинов, одни только рабы и разряженные полководцы. Единственное, что меня беспокоит, это вон тот дымок над их самым большим дромоном. Они могут засадить нас огненным камнем, а ближайший город, где можно было бы заделать дыры и сменить оснастку, остался далеко позади.

Сходящийся флот выглядел теперь как две развернутые линии по четыре корабля в каждой — с галерой Конана точно посередине. Турио велел немного замедлить ход и держать паруса, пока можно.

Конан зорко следил за действиями стигийцев: похоже, они собирались напустить три корабля поменьше на его верткую галеру, в то время как катапульта большого дромона расправилась бы с остальными. Это означало, что стигийцы знают приблизительный расклад сил его флота, и это очень не понравилось киммерийцу.

Еще больше ему не понравилось то, что творилось на палубе большого корабля. Дымок, который он принял за курящиеся огненные камни, взвивался над небольшим алтарем. Возле него, молитвенно воздев руки и преклонив колени, толпились люди в высоких золотых уборах и черных одеждах. Это были жрецы Сэта. Огонь на алтаре вспыхнул ярче, дым поднялся выше. Один из жрецов поднялся с колен и принялся проделывать какие-то пассы, отчего пламя на алтаре сделалось ярко-зеленым. После чего жрецы обернулись к начальнику с золотым нагрудником.

— Смотри, старик, — сказал киммериец Каспиусу, — против нас воюют сами заклинатели змей! Ну, может, Сэт проснется и подскажет им что-нибудь дельное!

Жрецы и начальник о чем-то совещались. Наконец начальник взмахнул рукой — и тогда зарокотали барабаны и с плеском упали в воду тяжелые весла.

К изумлению Конана и остальных, корабли выстроились в линию и двинулись, но не на них, а мимо. Все четыре дромона прошли вниз по течению и исчезли вдали без единого сигнала или выстрела.

— Кажется, в последний момент они раздумали нападать на нас? — вымолвил Каспиус, провожая их взглядом.

— Похоже на то, — ответил Конан. — Что их спугнуло? Не наши же черные стервятники! Лекарь взглянул на него с неожиданно плутовской улыбкой.

— Если, как вы говорите, стигийским жрецам ведомы все тайные пути магии и они постоянно спрашивают своего Сэта, делать им что-то или не делать, то, по-моему, ответ Сэта достаточно ясен. Ему не нравится то, что делает Зерити. Он велел своим людям позволить нам продолжать наш путь, ибо мы идем на битву с отрекшейся от него ведьмой. Быть может, он хочет отомстить ей таким образом.

Конан пожал плечами с видом крайнего недоумения.

— Все может быть, — только и сказал он.

За озером начинались более обитаемые и возделанные земли. На холмах и предгорьях в пору разлива оседал благостный ил, а горы немного защищали берега от жаркого ветра пустыни. Но его еще было довольно, чтобы вновь поднять паруса и продолжить путь.

Об этих городах и обычаях их обитателей во внешнем мире почти никто ничего не знал. Отрезанные от всех с одной стороны рекой, а с другой — горами,aborигены вели свою жизнь, не похожую на жизнь остальных стигийцев, хотя и поклонялись тому же Сэту. Ночной порой часовые слышали далекий грохот барабанов, видели мерцание тысячи огней вдоль берега, а среди дня мимо них иногда проплыval настоящий остров — с пальмами, фруктовыми садами и возделанными огородами. Острова эти были невелики, не более полета стрелы в ширину, но они не стояли на месте, они плавали, как плоты, изредка приставая к берегу. На них можно было увидеть целые поселки, жители которых возделывали остров и одновременно плавали на нем вверх и вниз по течению.

Наконец корабли вышли к Сгибу. Здесь Стикс, уподобляясь бешеной лошади, несся через пороги и перекаты, грохоча и поднимая тысячи брызг, так что над рекой целыми днями стояла яркая радуга. Поток круто сворачивал к югу, подмывая нависающий над водой скалистый восточный берег и широко разливаясь у пологого западного. На его распаханных холмах стояли небольшие каменные дома под сенью пальмовых рощиц.

Встав у первого каменистого переката, Конан послал людей вдоль берега узнать, как долго тянутся пороги. Лодки, скребя днищами по песку, уплыли на юг и к вечеру вернулись с вестью, что перекатам и небольшим водопадам не видно конца и корабли там пройти никак не могут.

Глава 12

ДЖАКАЛА

Зерити простерлась ниц перед темно-желтым ониксовым алтарем.

На ней было одеяние, подобное тем, которые носят жрицы Иштар, ожерелье из птичьих черепов и костей трижды обвивало ее шею, спускаясь ниже колен. Длинные черные волосы были собраны в высокий узел, заколотый изумрудными шпильками, оставляя открытой белоснежную тонкую шею. Зеленая волна шелка волочилась за ней по полу, подхваченная под грудью поясом из змеиной кожи — или то были живые змеи, любовно обвившие свою госпожу? Топленый жир летучих мышей горел в высоких светильниках, изливая на Зерити мягкий мерцающий свет. Глянув на себя в осколок зеркала рядом с алтарем, она нашла, что выглядит достаточно привлекательно. Негоже было бы предстать перед божественным Джакалой неумытой растрепой.

На алтаре стояла широкогорлая чаша, полная густой темно-красной жидкости. Но Зерити хотелось лить еще и еще, и ведьма, сунув руку в кожаный шевелящийся мешок, лежащий перед ней, выудила из него летучую мышь. Перепуганная тварь била крыльями и цеплялась за пальцы Зерити тонкими, как иглы, коготками. Зерити поднесла ее к самым губам и острыми клыками надкусила бьющуюся жилку на шее. Протянув истекающую кровью мышь к чаше, ведьма сжала ладонь, словно в ней было не живое существо, а сочный ароматный плод. Кровь потекла по ее пальцам, закапала в восьмигранную чашу, переполняя ее.

Выжав из мыши всю кровь до последней капли, Зерити отбросила трупик в сторону и снова сунула руку в мешок. На этот раз она вытащила из него щепотку порошка, которым посолила содержимое чаши. Взяв в руки горящую свечу черного воска, она принялась водить ею над алтарем. Кровь в чаше вспыхнула ярким зелено-синим пламенем. Тонкий дымок взвился вверх, закручиваясь в причудливые колечки.

Пламя в чаше осветило гладкую плиту то ли темного металла, то ли слюды, стоявшую позади алтаря. Блики побежали по ней, как по поверхности серебряного зеркала, но ни огонь, ни алтарь, ни ведьма не отразились в ней. Вместо этого в темной плите появилось нечто подобное звездному небу в середине лета, когда тысячи ярких глаз сияют в черной высоте. Тогда Зерити заговорила:

— Великий Джакала, заклинаю тебя твоим именем! Из тьмы столетий, из бездны исчезнувших вековзываю тебя! Твоей силы прошу, твоего беспредельного могущества! О ты, чье мужское начало не знает усталости, ты, вечно юный властелин мира, приди ко мне! Я, Зерити, призываю тебя из оков твоего бесконечного сна! О Джакала, приди ко мне и утоли тот огонь, что горит в моих жилах!

Повторив это трижды, ведьма вновь простерлась ниц перед алтарем. Она лежала, тяжело дыша, замирая от ужаса и восторга, боясь поднять голову и в то же время страстно желая хотя бы искоса заглянуть в свое магическое зеркало.

В конце концов она подняла глаза — как раз в тот миг, когда в темной глубине плиты что-то всколыхнулось. Бесформенное нечто заклубилось над алтарем, уплотнилось и начало обретать очертания высокой фигуры.

— Мой повелитель Джакала! — восторженно выкрикнула Зерити, простирая к нему окровавленные руки. — Ты владел моей душой еще тогда, когда наш мир был полон тварей, могущих только плавать или ползать! Приветствуя тебя, о мой могучий повелитель! Много сил потратила я на то, чтобы связать наш мир и твой темный сон неразрывным мостом, — и вот

наконец ты пришел ко мне! Я поклялась тебе исполнить мои обеты — и сдержала обещание!

Но тень над алтарем лишь тихонько покачивалась, не произнося ни звука. Поверхность зеркала просвечивала сквозь нее. Лишь эхо и неясные бормотания в чреве земли неясным гулом доносились до слуха Зерити.

Но это как будто не смущало ведьму. По-прежнему коленопреклоненная, с умоляюще протянутыми руками, продолжала она говорить, словно отвечая на невысказанные вопросы:

— Да, господин мой, я все давно подготовила, как ты мне велел. Готова также и та, что своею кровью скрепит мой мост между мирами, чтобы никакая сила уже не могла разрушить его! Она молода и невинна, эта маленькая принцесса, цветок ее еще не сорван. Я долго выбирала ее среди юных дев и в конце концов сочла достойной твоего величия. Ее маленький череп будет сиять драгоценным камнем в твоей короне повелителя мира!

Снова повисла тишина, снова Зерити напряженно вслушивалась и снова закивала головой:

— Да, да, конечно! И тебе понадобится не только эта невеста, но и другие. Меня это ничуть не беспокоит, как не может обеспокоить любимую наложницу короля его союз с какой-нибудь иноземной принцессой ради богатств и славы ее королевства. Пусть это будет данью, пусть это будет жертвой, которую принесут тебе все владыки земные, отдав своих дочерей. А я буду у твоих ног, у подножия твоего трона, вечно любимая и вечно любящая, верховная твоя жрица! И я все сделаю, господин мой, чтобы твоя тень накрыла все города и земли Верхнего мира! Ты снова будешь править, как правил когда-то, верховный владыка людей, животных, птиц и гадов!..

Она внезапно замолчала, опустив глаза, как будто резкий оклик или вопрос оборвал ее излияния.

— Ты спрашиваешь — когда? Скоро, очень скоро! Уже сейчас я могу назвать тебе город, с которого мы начнем: цветущий Баалур, жемчужина Шема. Как ни мал он по сравнению с целым миром, он все же достоин быть первым из твоих королевств. Жители его живут нынче в полуспасительном полубреду; они хорошо знают меня — скоро они узнают и тебя! Ты явишься им во всем блеске своей славы, о великий Джакала! Они падут перед тобою в пыль, как и пристало простому смертному перед лицом живого бога!

Она шептала, прижимая руки к груди, прикрыв глаза и тихонько раскачиваясь в упоении, словно уже видела наяву все то, о чем так страстно говорила. Внезапно она открыла глаза, улыбнулась и сказала громко и отчетливо, скорее для себя, чем для своего повелителя:

— И еще один дар есть у меня для тебя, великий Джакала! Он приближается, он скоро будет здесь, этот могучий варвар. Его человеческое тело — пока еще смертное — превратится в нерушимый алмаз, когда ты войдешь в него. Он будет здесь очень скоро, он мчится сюда под всеми парусами — столь велико его нетерпение служить тебе!..

Поднявшись с колен, Зерити приблизилась к алтарю почти вплотную. Протянув белую руку, она повела ладонью над пламенем в чаще, не чувствуя жара.

— Сюда придет он, к этому алтарю, и вступит в Круг, и надобно, чтобы ты тоже был здесь в этот миг, господин мой...

Поверхность зеркала внезапно прояснилась, в ней возникла залитая солнцем лагуна илистый, заросший тростником реки. Вдоль берега плыли корабли — многовесельные галеры. На головном корабле с ярко раскрашенными парусами видна была небольшая группа мужчин. Они о чем-то говорили, но слов было не слышно. Зерити приблизила глаза, словно повелевая птице, черными зрачками которой смотрела она на плывущие корабли, спуститься ниже, и тогда в толпе отчетливо стал виден темноволосый синеглазый гигант. На одежде его не было никаких знаков различий, но было ясно, что команда и распоряжается здесь он.

— Видишь, господин мой, — прошептала Зерити, — днем и ночью спешит он к тебе, выискивая самый короткий путь. По суше и по воде, верхом и на кораблях торопится он сюда,

единственный в мире обладатель достойного тебя тела. И я буду подгонять его, и вести его, и направлять его, пока не приведу его к тебе. Он еще не знает о той высокой цели, которая ему предначертана, но ты известишь его об этом сам, когда он предстанет перед тобой. — Она отняла руку, и изображение погасло. — И он не будет слишком противиться, это я обещаю... Почему я говорю это так уверенно, господин мой? — Зерити тихо рассмеялась и ласково коснулась алтаря тонкими пальцами. — Нет, возлюбленный господин мой, он не муж мне и не любовник. В моей земной жизни я ни разу не дотронулась до него. — Она склонила лицо к желтому камню и прошептала, почти касаясь его губами: — Нет, мой прекрасный Джакала, мечты мои только о тебе, возлюбленный мой муж и повелитель! Но я буду рада, если ты воплотишься в его теле, а не в чье-либо другое. И тогда я наконец смогу предложить себя тебе, ибо это и только это желание владеет мною уже много лет... О, как бы я хотела уже сейчас испытать на себе твое беспредельное могущество!..

Алтарь содрогнулся под ее руками, словно живой, гул наполнил гробницу, и никто, кроме Зерити, не услышал бы в этом гуле тихого, едва различимого, как отдаленный гром: — Да будет так!..

И тогда Зерити обняла алтарь, прильнув к нему грудью. Губами припала к восьмигранной чаше и принялась жадно пить еще теплую кровь. Дымное, бесформенное облако накрыло ведьму, окутав с ног до головы, словно вобрало в себя. Дрожь сотрясла ее тело, она теснее прижалась к алтарю.

Темное облако уплотнилось, ни алтаря, ни ведьмы уже не было видно за ним. В гробнице повисла мертвая тишина, не нарушаемая даже писком летучих мышей в дальнем углу. А после раздался крик — крик ярости и наслаждения. Это, простертая на алтаре, кричала Зерити, сотрясаясь всем телом.

Глава 13

ГНЕВ ЭРЛИКА

Пристав к берегу в каком-то маленьком речном порту, Конан снова выслал лодки — пройти по течению еще дальше и все же выяснить, где кончаются пороги.

Разведчиков возглавил сам капитан Турио и через два дня вернулся берегом, чудом сохранив людей. Доклад его был краток: дальше по реке не может пройти ни корабль, ни даже лодка.

Городок на берегу жил именно за счет таких же, как Конан, путешественников: здесь кончалась судоходная часть реки и начинался большой караванный путь. Те, кто шел по реке, оставляли здесь корабли и закупали верблюдов, а те, кто шел из страны, оставляли верблюдов и закупали корабли.

Караванный путь, начинавшийся от порогов, был ответвлением Великого Торгового Пути, соединявшего Восток и Запад. По нему в хайборийские королевства шли бесконечные вереницы верблюдов — из Кхитая и Вендии через Турин и Иранистан. От реки верблюжья тропа вела через пустынью, мимо развалин зловещего Птейона, в самое сердце Стигии. Но прямо на запад по ней, не доехав Птейона, сразу за горным перевалом, лежало озеро. Взяв несколько дюжин всадников, Конан отправился взглянуть на него.

Взбирайсь все выше по неровной горной тропе, верховые напали на недавний след и вскоре нагнали караван стигийского купца, гнавшего в столицу тяжело нагруженных мулов и несколько цепей рабов. Увидев вооруженных всадников, старый коршун едва не выпал из своих раззолоченных носилок, но, убедившись, что это не разбойники, охотно вступил в переговоры.

На вопрос Конана, куда он едет, стигиец ответил, что шел через горы к Стиксу, что лежит где-то рядом за перевалом, но, видно, запутал в горах.

Конан вывел старика на дорогу, а тот в благодарность точно указал, в какой стороне следует искать горное озеро. — Его питают горячие подземные источники, и выглядит оно как вход в Обитель Сэта, — сказал стигиец. — Но воды его целительны, особенно для страдающих от болей в суставах и пояснице.

Озеро и в самом деле выглядело странновато. Дымок клубился над его молочно-белыми водами, в воздухе стоял отчетливый запах серы. На дальнем берегу у скалы приютился над ним небольшой храм, посвященный все тому же Сэту, но не как воплощению Великой Тьмы, а скорее, Змею-Целителю. Жрецы этого храма оказались мирными и радушными хозяевами, что удивило и обрадовало Конана, не говоря уж обо всех остальных. Путников приняли, как следует вымочили в озере и благословили как могли. Пока его солдаты нежились в горячих, щекочущих кожу тысячами маленьких пузырьков ключах, Конан объехал по кругу все озеро. Не все оно кипело и бурлило, и берег, удаленный от ключей, кишел рыбой и дичью, гнездящейся в зарослях тростников. Киммериец, надеявшийся, что на таком горячем и целебном озере должен непременно расти и серебряный лотос, потратил на его поиски весь день, но потерпел неудачу.

И тем не менее он, оставив солдат, съездил в лагерь и привез на озеро Каспиуса, желая в точности знать, не может ли означенный лотос цветти здесь в другое время года — весной или осенью. Каспиус сказал, что исследует здесь все растения и даст ответ, а Конану тем временем пришла в голову неплохая мысль — перенести лагерь сюда, на берег озера.

Несмотря на протесты жрецов, не желавших вторжения в их мирную уединенную жизнь целой армии, Конан пригнал на берег несколько сотен из своего войска и заставил их строить на озере подобие причала.

Продав местным купцам одну из галер — ту самую, палуба которой была залита кровью, —

Конан нанял рабочих и отправил их вместе с остальными солдатами расширять и выравнивать горную тропу. Командирам он объявил, что желает снять с оставшихся галер все, что только возможно, вплоть до весел и мачт, и перетащить их в горы, поставив на озере.

— Конан, ты сошел с ума.

Это было первое, что киммериец услышал от Турио, когда тот ознакомился с блестящей идеей своего главнокомандующего.

— Перенести галеры через горы! Да с такой работой не справятся и десять тысяч человек! Мы же не волшебники и не черные маги. Корабли летают только в сказках!

Турио покачал головой и, видя выражение упрямства на лице командира, продолжал:

— А самое главное — для чего? Что мы будем делать на этой луже посреди холмов в самом сердце Стигии? Неужели же и тебя начали одолевать ночные кошмары и ты теряешь рассудок? Разве ты забыл, зачем мы здесь и...

— Эта, как ты сказал, луга, — перебил его Конан, — имеет сток. Озеро питают подземные ключи, а излишек воды вытекает небольшой речкой, которая сбегает с гор почти точно на юг. Встреченный мною стигиец потому и пропутал столько в горах, что принял эту реку за Стикс, притоком которого она, несомненно, является. И она достаточно широка, чтобы пройти по ней на наших галерах. После нападения пиратов нам достаточно будет и трех грузовых галер, поэтому одну я продал.

— Но это невозможно! — вмешался один из начальников отрядов. — Почему не послать верховых вверх по течению, вместо того чтобы карабкаться в горы с галерами на плечах? Дайте моему отряду несколько верблюдов — и я привезу вам лотос, если только он действительно растет на этой реке. Но, поднимая галеры в горы, мы провозимся столько, что не успеем вернуться в Баалур к назначенному сроку!

— Провозимся? — переспросил Конан. — А вы полагали, что мы совершим приятную прогулку? Да, до сих пор было так или почти так — но теперь пришло время немного поработать! Говорю вам, я знаю, что делаю.

На этом обсуждение было прекращено, ибо никаких возражений Конан и слушать не хотел.

А работа предстояла и в самом деле не из легких. Нужно было разгрузить все галеры, снять с них все, что можно было бы тащить на спине, перенести это в горы, перенести галеры, а затем вновь оснастить их. По счастью, асгалунские моряки умели чинить корабли, а значит, могли и снять, и восстановить оснастку. Им были также знакомы некоторые приемы, при помощи которых стигийские рабочие возводят своим правителям и жрецам огромные гробницы, что оказалось очень кстати. В городе были закуплены веревки и цельные необработанные бревна, а также наняты еще рабочие, лошади и мулы. Галеры, «раздетые» чуть ли не до гребных палуб, были поставлены на бревна, и начались дни бесконечных трудов.

Люди и животные работали, сменяя друг друга, четверо суток напролет, то под палящими лучами солнца, то в неверном, скучном свете сотен факелов. Работа замирала лишь на три-четыре часа в день, когда полуденная жара загоняла в благостную тень и тех, и других.

Горная тропа была днем и ночью перекрыта сверху и снизу отрядами в полсотни всадников — на случай нападения разбойников или прохода стигийских войск. Но в этих дозорах скорее отдыхали, чем трудились. Надобности в них не оказалось никакой, потому что ни одного разбойника или солдата так и не появилось в горах. Похоже было, что Каспиус не ошибся, утверждая, что Сэту и стигийцам угодна миссия Конана. После несостоявшегося нападения дромонов у бездонного озера войско Конана не тревожил никто. Стигийцы даже не стали подниматься вверх по реке, чтобы узнать, куда направляется шемитский флот.

Переход через горы не обошелся без жертв. Несколько раз веревки не выдерживали, и галеры, сорвавшись, оползали вниз, подминая под себя тех, кто возился с перекладыванием

бревен. Сломанных ребер и отдавленных рук и ног было более чем достаточно. Но заботу о раненых взяли на себя жрецы озерного храма, и Конан в благодарность оставил им увесистый мешочек золота и драгоценных камней. Они долго отказывались, но в конце концов приняли дар — после чего уже не роптали на суetu вокруг. А когда Конан заверил их, что вскоре и люди, и корабли оставят озеро, жрецы успокоились окончательно и даже стали высыпать иногда младших служек на помощь шемитам.

Корабли пострадали от этого перехода значительно меньше. Поставив их у причалов с холодной стороны озера, матросы взялись за оснастку и отделку галер, так что по окончании работ они стали выглядеть едва ли не лучше, чем прежде.

Река, разведенная Конаном, имела русло глубокое, но узкое, так что конные отряды могли двигаться не на галерах, а рядом и при необходимости тащить галеры вдоль берега на бечевах.

И это очень пригодилось в самом начале, потому что речку от озера отделял небольшой водопад. По распоряжению Конана на берегу ниже водопада были сделаны помосты из камней и тех самых бревен, на которых волокли в горы корабли. После чего был сделан гигантский шлюз, ворот которого вращали лошади. На то, чтобы спустить таким образом все четыре судна, ушло еще четыре дня трудов.

Лошади понадобились еще раз, когда ниже по течению путешественникам встретились пороги и они едва не пропороли днища своим кораблям, пока перетаскивали их через каменные россыпи.

Но так или иначе, а путешествовать вниз по течению оказалось значительно веселее.

По мере того как река, набирая силу, спускалась с гор, плыть по ней становилось все легче. На третий день пути галеры вышли в широкий и глубокий каньон, где река, уже не стиснутая скалами, текла спокойно и неторопливо. По этому каньону они плыли еще несколько дней.

За все это время им не встретилось ни малейших признаков человеческого жилья.

К Стиксу они вернулись уже в предгорьях, где его холодные, темные воды тесно обступали столетние ивы, растущие вдоль низких, обрывистых берегов. Опасный отрезок реки остался позади, а перед собирателями лотоса лежало еще несколько сотен лиг путешествия на юг.

Кораблей, подобных асгалунским, в этих водах еще не видали. Ни одна галера не поднималась по Стиксу выше порогов, и потому местные рыбаки, чьи тростниковые суденышки часто выныривали прямо на галеры из густых прибрежных зарослей, изумленно таращились на диковину. Самыми большими из здешних судов были баркасы под полосатыми парусами, похожие на те пиратские посудины, которые баалурцы сожгли в ночь нападения.

Если бы в эти воды явился достаточно предприимчивый полководец, располагающий флотом, подобным флоту Конана, он мог бы с легкостью подчинить себе все земли вокруг, сделавшись единовластным правителем. Но это было бы не самое спокойное правление из всех возможных.

Здесь, в отдалении от столицы и цивилизации, стигийцы жили так, как, верно, жили их далекие предки — наполовину земледелием и охотой, наполовину разбоем. Маленькие деревни враждовали между собой непрестанно, ибо здесь царил обычай кровной мести, из-за которого могли вырезать целые большие поселения. Каждая деревня говорила на своем наречии, и нередко люди, живущие друг от друга на расстоянии не более нескольких лиг, не могли понять один другого.

Помимо невозможности объединить местные кланы, существовало еще одно препятствие спокойному правлению.

Когда-то давным-давно в этих землях жил иной народ, отличный от стигийцев во всем, кроме одного: это тоже был народ черных магов, поклоняющихся Тьме или порождению ее.

Повсюду вдоль берегов внимательный взгляд мог заметить руины городов и гробниц, еще

более пышных и ужасающих, чем стигийские пирамиды. Иногда деревни стояли прямо на развалинах, и в грубой и неровной кладке низких домов попадался вдруг большой кусок древней стены, сложенной из плотно пригнанных плит с высеченным на них изображением какого-нибудь жуткого невиданного зверя.

Третим поводом для беспокойства стали бы кочевники-зуагиры. Их набеги часто тревожили и без того разоренные вечной враждой стигийские поселения. Кочевники смерчем врывались в деревни и не столько убивали, сколько уводили всех жителей — до последнего старика и ребенка. Закупая хлеб в прибрежных деревнях, баалурцы вдоволь наслушались жутких историй про банду под предводительством некоего Матху Пророка, который положил себе зарок обратить за свою жизнь в истинную веру десять тысяч стигийцев. Истинной верой зуагиры считали веру в бога пустыни и песчаных смерчей, чернобородого Эрлика. К счастью, зуагиры признавали только лошадей и верблюдов и как огня боялись воды. Они приходили всегда с одних и тех же бродов, что несколько облегчало местным жителям защиту от их нападений.

Выше по реке дела обстояли еще хуже. Рыбаки рассказывали, что исток Стикса находится в узком каменном ущелье, что лежит еще за сто с лишним лиг к югу. Но задолго до того ущелья река превращается в жадную пасть, глотающую всякого, кто осмелится пойти вверх по течению, стигиец он или иноземец. А по берегам там бродят дикие зуагиры и разбойники, изгнанные из Кешана, которые убивают без разбору всякую живую тварь, будь то взрослый человек или ребенок.

Но несмотря на все те ужасы, что рассказывали местные жители, до сих пор никто не пытался встать на пути четырех галер. Дул попутный ветер, и маленький флот на всех парусах поднимался вверх по реке. Правда, кончались запасы еды, но в прибрежных зарослях было достаточно дичи, чтобы прокормить армию в два раза большую, чем та, что поднималась сейчас к верховьям Стикса. Они уже научились остерегаться крокодилов и водяных змей, ловить сплетенными из травы бреднями рыб, сонно стоящую на мелководье, и отличать ядовитые ягоды от съедобных. Они знали, что нельзя выгонять в ночное лошадей, потому что придут дикие степные кони, загрызут жеребцов и уведут кобыл. Они знали, что нельзя подходить близко к свешивающейся с ветвей ивы лиане, потому что она может оказаться древесным питоном. Каждый такой урок стоил им чьей-нибудь жизни, зато впоследствии спасал многих и многих.

Там, где река становилась быстрой и мелкой, а ветер умирал в ветвях высоких деревьев, путешественники пускались на различные хитрости. Чаще всего на берег выводились лошади и верблюды — они тащили галеры почти волоком, в то время как несколько десятков людей на корме и вдоль бортов отталкивались от дна длинными шестами. Когда на берегу показывалась деревня или небольшой город, на галерах немедленно готовились к бою, потому что даже самая маленькая деревушка могла вдруг ощериться рогатинами и вилами, а на просьбу продать хлеба и мяса — ответить градом камней из-за частокола. Здесь все жили в вечном страхе нападения, и тому было немало причин — то здесь, то там путешественники видели следы кровавых побоищ: сожженную деревню с разложенными вдоль частокола обезглавленными телами, головы которых торчали рядом на высоких шестах, разбитые баркасы, вытащенные на берег и брошенные под лучами палящего солнца, а то и просто несчастных, повешенных на деревьях вдоль дальнего берега в назидание остальным непокорным.

В один из дней, выслав отряд на охоту, Конан отправился вдоль берега в одиночку — и вернулся на галеру вместе с юным стигийцем, грязным, голодным и оборванным. Наткнувшись на него, трясущегося, в зарослях тростника, Конан попытался расспросить юношу о верховьях реки, но не смог добиться ни одного внятного слова. Тогда он просто взвалил стигийца на плечо и приволок к Каспиусу.

Судя по всему, юноша каким-то чудом спасся во время одного из набегов и довольно долго

просидел в реке, затаившись, как дикий зверь. Лицо его и руки были обожжены, и ожоги были свежие. Поставленный Конаном на палубу перед собравшимися поглазеть на это чудо матросами, мальчик тут же упал — то ли от страха, то ли от голода.

Он едва стоял на ногах, но, узнав, что путешественники движутся еще выше по течению, расширил глаза, вскочил и, не сказав ни единого слова, прыгнул за борт.

Это многое сказали Конану о том, что их ждет впереди. На следующий день они нашли плавающую на мелководье тростниковую лодку. От нее мало что осталось, ибо она была сожжена почти дотла, но каким-то очень странным способом: в ней зияла огромная обугленная дыра, словно ее пронзила струя пламени. Неподалеку плавали обугленные же трупы трех рыбаков.

Несколько днями позже они наткнулись на настоящую битву. Вдоль берега безумным галопом мчалось не менее двух десятков верблюдов. Их преследовали, расстреливая караванщиков из длинных луков, всадники в белых плащах. Конан видел, как, нагнав караван, они быстро и умело перебили всех, кто еще остался в живых. Лишь нескольким счастливцам удалось добраться до реки и, переплы whole на другой берег, оказаться в безопасности.

Несколько лет назад Конан сам был таким же всадником в белом плаще, и его отряд бронзовокожих дикарей долгое время наводил ужас на приграничные земли Иранистана. Поэтому он до некоторой степени был осведомлен об обычаях и нравах этих кочевых жителей пустыни. Жрецы их бога, которых они называли пророками, сотни лет назад объявили священную войну иноверцам. Поэтому сейчас Конану было небезопасно появляться среди них. Даже если бы его узнали и с триумфом привели к местному Пророку Матху, тот вряд ли бы одобрил его плаванье с шемитами. Не говоря уже о том, что, вероятнее всего, его убили бы гораздо раньше — просто потому, что теперь их язык звучал бы у него с резким шемитским акцентом.

Увидев, что всадники справились с караваном и теперь с любопытством смотрят на его галеру, на мачте которой развевается баалурский флаг, Конан не стал проверять, все так же ли боятся их степные лошади воды, как десять лет назад.

— Лучников к бортам! — скомандовал киммериец. — Гребцов на весла! Рулевым править к правому берегу!

Река взорвалась барабанным грохотом и плеском весел, и лошади испуганно шарахнулись прочь. Но всадники быстро совладали со своими скакунами и погнали их вдоль берега вслед за новой добычей.

— Потроха Нергала! — выругался Конан. Впереди, за небольшим поворотом реку перегораживал паром. На нем галеры поджидали еще две сотни всадников. Завидев приближающиеся корабли, они выхватили из ножен кривые сабли и разразились воинственными криками. Конан понял, что боя не избежать. — К оружию! — взревел он. — Готовьте сходни! Три золотых тому, кто приведет мне зуагирского жеребца!

С бортов галер на огромные бревна парома посыпались пешие воины; по широким сходням застучали копыта лошадей. Гребцы бросили весла и взялись за луки. Со стигийского берега вдруг послышались яростные вопли. Конан обернулся — ему на подмогу бежали пятеро уцелевших караванщиков. Халаты и чалмы их были мокры, но это не мешало им нестись к парому, размахивая над головами обнаженными саблями. Судя по одежде и горбатым, как клювы коршунов, носам, это были туранцы. К Конану подбежал один из них, седобородый старец с воинственно сверкающими глазами:

— Не знаю, кто ты и откуда взялся, господин мой, но я хорошо заплачу тебе, если ты поможешь мне спасти то, что еще осталось от моего каравана!

Зуатиры, поначалу несколько растерявшиеся от внезапно высадившейся на берег огромной

армии, быстро оправились и, пришпорив коней, развернулись по берегу широким полукругом. Турио же, напротив, не стал выводить свои отряды дальше парома, оставаясь под прикрытием арбалетов с корабля. Зуагиры рассчитывали, ускакав в степь, заманить шемитских всадников за собою и там одного за другим расстрелять в высокой траве. Но, увидев, что преследовать их не собираются, они развернулись и взялись за луки.

И тогда с четырех гребных палуб вылетела туча стрел, выпущенных из арбалетов и длинных луков. Не меньше сотни зуагиров было убито на месте; остальные, в первую секунду двинувшись на конницу Турио, поняли, что их расстреляют прежде, чем они доберутся до всадников. Развернув коней, они попятились, отступили назад, их предводитель тонко и гневно выкрикнул какое-то бранное слово и в сердцах сплюнул в реку. Он повернул коня, махнул своим, и через мгновение вся орда растворилась в желтосером море колышущейся травы.

Турио выкрикнул: "Вперед!" и пришпорил своего жеребца. Но тяжелые кони шемитов не могли тягаться с дикими степными жеребцами. Видя, что последний белый плащ мелькнул среди травы и скрылся из виду, баалурцы повернули коней и неспешным шагом вернулись к парому, выиграв битву без единого удара.

Караванщики кинулись к уцелевшим верблюдам, и караван-бashi пустился в пространные объяснения Конану о том, каких трудов им стоило провести верблюдов через пустыни Иранистана и Пунта, ибо шли они от самого моря Вилайет.

— Но если вы направлялись на север, почему не пересекли Стикс еще раньше, выше по течению? — недоуменно спросил Конан. — Ведь зуагиры не ездят далеко за реку, и через день пути вы были бы уже в полной безопасности. Так бы вы попали прямо в Кешан, а тамошние разбойники, как я слышал, и малочисленны, и менее свирепы.

Почтенный Зурфар — так звали караван-бashi — снял с головы совершенно мокрую парчовую чалму и неспешно отжал ее.

— Да, это можно было бы сделать, — с неохотой сказал он. — Но выше по реке нет паромов, а поток ярится подобно дикой степной кобыле. Мы погоняли верблюдов, как могли, в поисках хоть какой-нибудь переправы и мчались так не один день, пока наконец эти нечестивые псы не настигли нас. Что за дикие нравы у здешних племен? Когда мы шли через пустыню, мы тоже встречали кочевников — они странствуют по пескам от оазиса к оазису и не допускают к воде никого, кто не заплатит им золотом либо драгоценными камнями. И я готов был заплатить и этим неверным, но они набросились на меня с яростью бешеных щакалов. И напрасно я предлагал им выкупить наши жизни! А все это с тех пор, как здесь воцарился этот безумец, которого они зовут пророком!

— А почему же вы сами не выстроили какую-нибудь переправу? У вас бы ушло на это времени меньше, чем на скачку вдоль берега.

Зурфар недобро сощурился, но не смог не признать правоты киммерийца.

— И все же это было очень тяжело, — покачав головой, сказал он. — Хотя, наверное, и возможно. Еще южнее Стикс течет по узкому каменистому ущелью, и подчас простой поход за водой может стоить неловкому человеку жизни. А еще южнее этого ущелья река течет по открытой равнине, а Кассали и иные великие города Пунта лежат далеко от воды и не нуждаются в постоянных переправах. Идя с юга, мы вынуждены были обогнуть ущелье и надеялись, что не встретим зуагиров. Да, все, кто выжил, запомнят этот день и будут рассказывать о нем внукам и правнукам.

— Хм! — сказал Конан, оглядываясь на своих командиров, стоявших поодаль, но тем не менее жадно вслушивающихся в разговор. При последних словах старика молодые воины гордо выпрямились.

— А что, этот пророк — кажется, его зовут Матху, — спросил Конан, — вовсе запретил

иноземцам водить караваны через земли зуагиров?

— Он безумен, безумен, уверяю тебя, господин мой! — замахал стариk на Конана руками. — Безумен, как все жрецы этого демона, Эрлика! Говорят, у него были какие-то видения, в которых Эрлик объявил ему, что какой-то страшный демон, древний его враг, пробудился от сна и вновь хочет господствовать над миром. И потому все неверные, не почитающие Эрлика, должны быть умерщвлены на месте, без допроса и покаяния. Я же сказал тебе, господин мой, — он безумец! И как это всеблагой Митра допускает, чтоб такой злодей ходил по земле!

Тем временем оставшиеся в живых караванщики перераспределяли поклажу по уцелевшим верблюдам. Благополучно переправившись на другой берег, они остановились в ожидании, пока их караван-бashi изволит закончить беседу с шемитским военачальником. Видя это, Зурфар стал прощаться.

— Завидев вас, я решил, что вы пираты, и счастлив, что ошибся, — сказал он Конану. — Надеюсь, с тем, что осталось, я сумею поправить свои дела. Благодарю тебя, чужестранец, что ты не попытался воспользоваться моей бедой и не захватил себе весь товар, как это несомненно сделал бы всякий другой на твоем месте.

— В самом деле? — расхохотался Конан. — А ты не боишься, что сейчас я потребую ту самую награду, которую ты посулил мне? Я думаю, всего твоего товара как раз хватит, чтобы вознаградить хоть немого каждого из моих солдат!

Караван-бashi побледнел и кисло улыбнулся:

— Легко тебе смеяться надо мной, господин мой, с четырьмя кораблями и тысячным войском! Будь у меня твои корабли, я бы просто-напросто спустился вниз по реке, и никакие зуагиры не страшили бы меня до самых порогов... А не удовлетворишь ли ты мое любопытство и не скажешь ли, куда вы движетесь с такой армией? Неужели вы все-таки пираты?

— Нет, мы не пираты, — ответил Конан. — А путешествуем, как и ты, с определенной целью.

Караван-бashi удивленно поднял брови:

— Вверх по Стиксу?! А знаешь ли ты стигийскую поговорку: "Не ходи за счастьем к верховьям Стикса"? Стикс — жадная река, — он вытянул руку к югу, указывая на сияющую ленту потока. — Блестит как чешуя Великого Змея! И те смельчаки, что прельстились ее блеском, не возвращаются назад! А если возвращаются, то больше не жаждут ни богатства, ни славы — ибо на Серые Равнины не унесешь ни того, ни другого. — Он ткнул в трупы зуагиров, плывущие вниз по реке. — Но если уж ты так хочешь подняться к верховьям, то вот тебе мой совет: оставь корабли, пересядь на лошадей или верблюдов и уж лучше встретиться в степи с зуагирами, чем со Стиксом у его истока!

Глава 14

НОЧНЫЕ УЖАСЫ

Баалур лежал погруженный во тьму. Люди, как могли, боролись с нею, и желтые огни факелов тысячами горели на улицах и площадях, так что белые стены домов прокоптились до черноты. Словно умалишенные или призраки, бродили горожане с фонарями в руках, натыкаясь друг на друга. Жуткое это было зрелище: словно слепые шествовали вереницами, не видя друг друга и пытаясь слабыми огоньками разогнать тьму, окружавшую их. Глаза у всех были пусты, лица бледны. Вот уже третий месяц боролись они со сном.

Днем картина менялась: яркое солнце освещало беспробудно спящий город. С первыми его лучами засыпали все — кто, и где, и как придется, ибо только днем кошмары отступали.

Но эта ночь длилась уже третьи сутки и все никак не кончалась, и жители Баалура были близки к безумию.

Вот почему Нарсиус, торговец фруктами, бродил по улицам в столь поздний — а быть может, в столь ранний — час. Ему доставляло некоторое утешение не сидеть дома без дела, а ходить по улицам с корзиной, полной фруктов, раздавая людям сочные, свежие плоды. Когда он предлагал кому-нибудь грушу или персик, лицо несчастного на миг светлело, он принимал дар с такой радостью, как будто ему в руки с неба падала звезда. В эти черные дни он предлагал фрукты даром, но, как правило, ему все-таки платили — кто сколько мог; и под утро он возвращался в дом своих родителей с карманами, полными мелких денег. Когда солнце высоко вставало над горизонтом, он снова выходил на улицы, но уже не торговать, а поспать вместе со всеми.

И при этом он почему-то не чувствовал усталости. Ему хватало четырех или пяти часов сна. Обычно он просыпался оттого, что кто-нибудь начинал громко стонать рядом с ним, и тогда он тряс спящего за плечи, или хлопал по щекам, или выливал на него кувшин холодной воды — словом, делал все, чтобы тот очнулся. После этого, даже если ему все еще хотелось спать, заснуть Нарсиус уже не мог, и тогда он бродил по улицам до наступления темноты, а потом снова брался за корзину с фруктами.

Он знал, что в городе еще остались люди, которые до сих пор могли спать спокойно. Для некоторых жизнь почти не изменилась по сравнению с той, какую они вели до проклятья. Иные же каким-то образом умудрялись чувствовать себя неплохо и при кошмарных снах — как правило, это были богачи, у которых было достаточно денег, чтобы нанять слуг, обязанных будить их, как только они начинают метаться и стонать. Были и те, кто пытался бороться с проклятием иным образом: например, убежать из города; но, по слухам, это мало помогало. Соседние города-государства выставили посты вдоль границ и не пускали к себе подданных короля Афратеса — ибо теперь зараза распространилась на всех без исключения, а не только на жителей столицы, и каждый день приходила в Баалур весть о том, что еще один город охвачен колдовской заразой.

От кошмаров не было лекарства и не было избавления. От них не спасала даже смерть — жрецы Дагона утверждали, что теперь все умершие станут рабами Зерити в ее темном царстве по ту сторону смерти. Вся надежда оставалась только на то, что отправившиеся за лотосом смельчаки все-таки найдут его и вернутся. Но с каждым днем эта надежда становилась все меньше и меньше.

Бродя по улицам, Нарсиус везде слышал горестные стоны и вздохи, везде видел безрадостные лица: засыпая, люди погружались в кошмары сна, просыпаясь — оказывались в

кошмаре яви. Многие кончали с собой: даже угроза вечного рабства у Зерити не могла остановить отчаявшихся обрести покой людей. Не обходилось и без несчастных случаев: буквально накануне кто-то, засыпая на ходу, споткнулся о бочку с маслом и уронил в разлившееся масло горящий факел — в результате от целого квартала остались одни угли.

Но эта ночь все длилась и длилась и никак не могла кончиться, так что даже он, совсем молодой юноша, начинал чувствовать себя совсем усталым и несчастным. Он заметил, что на улицах стало меньше огней: люди, изнемогшие от бессонницы, стремились окружить себя не светом, а тьмой, ибо именно тьма приносит покой и отдых. И стоило юноше об этом подумать, как тут же ему захотелось забраться в какой-нибудь темный угол, подальше от всех, свернуться в клубочек и закрыть слипающиеся глаза...

Он изо всех сил ущипнул себя и потряс головой. За эту ночь он проделывал нечто подобное уже в десятый, а может быть, в двадцатый раз. Он заглянул в темный переулок, в конце которого горел один-единственный фонарь, и решительно повернулся к рыночной площади. Там свет, там огни, там люди.

Но тут из переулка прямо ему наперерез вывалилась шумная компания, размахивая двумя большими фонарями. Они распевали пьяными голосами, немилосердно фальшивя: последнее время многие в Баалуре пытались спастись от чумы и таким образом. Они шли нетвердой походкой от стены к стене, и фонари раскачивались у них в руках вместе с ними.

— Почем у тебя сладкие груши, мальчик? Могу я взять штуку на пробу? — с трудом выговорил один из гуляк.

В круге света от фонаря появилось женское лицо с опухшими глазами. Женщина проворковала:

— Выбери мне самую желтую, красавчик! Надо же чем-то заесть это паршивое кислое вино, которым вы, мерзавцы, меня напоили!

— Да, пожалуйста! — ответил Нарсиус, протягивая им корзину. — Лучшие груши во всем Шеме!

К корзине потянулось сразу несколько рук; кто-то сунул Нарсиусу серебряную монетку.

— Берегись, — услышал он у себя над ухом хихикающий голос. — Твои груши действительно хороши! Берегись Мило, он ходит тут вокруг и тоже очень любит груши! И если ему что-то не понравится, он потопчет все твои фрукты!

Нарсиус отшатнулся. Ему вдруг показалось, что вместо человеческих лиц он увидел в свете фонаря отвратительные жабы морды.

— Чур меня! Сгиньте! — крикнул он и бросился бежать, но тут же запнулся обо что-то и ударился лбом так, что из глаз посыпались искры.

— В чем дело, мальчик? — пропел над ним медовый голос. — Что с тобой, разве мы тебе не заплатили?

— Не прикасайтесь ко мне! — откатившись в сторону, он выхватил из-за пояса нож, которым вырезал сердцевинки яблок для особенно приидурчивых покупателей. Сталь блеснула в свете фонаря, лягушачьи и паучьи лапы отдернулись назад.

— Эй, парень, ты что, свихнулся? — испуганно крикнул один из демонов. — Смотрите, он же ее ранил! Будите, будите его, он спит!

Но нет, Нарсиус хорошо знал, что не спит. Он вдруг со всей очевидностью понял, что произошло с городом: день стал ночью, ночь стала днем, кошмары стали явью. Размахивая кинжалом во все стороны, он пятился по темному переулку, пока наконец не выскоцил на освещенную улицу, и тогда помчался по ней со всех ног, а за ним по пятам гнались демоны, протягивая к нему свои уродливые когтистые лапы и лязгая зубастыми пастьями.

— Берегитесь, он сошел с ума! — кричали у него за спиной. — Он ранил мою подружку!

Держите его, попытайтесь его связать!

Чудовища окружили его со всех сторон. В совершенном отчаянии он бросился прямо на них, размахивая ножом. Где-то недалеко отсюда должен быть его дом, только там сможет он спастись от этих уродов! Скорее туда!

Нож его полоснул по чьей-то отвратительной роже, темная жидкость потекла по нему. Кто-то ткнул ему факелом прямо в лицо, и он увидел то, чего боялся больше всего: на ноже была не кровь, а какая-то вязкая зеленая мерзость. Он застыл, вытаращив глаза, и только секунду спустя осознал, что рука, державшая факел, была обычной человеческой рукой.

Но голос, что прогремел над ним, мог принадлежать только демону: хриплый, ужасающий рев.

— Стражу! Позовите стражу! Его нужно остановить!

И тогда Нарсиус побежал изо всех сил, побежал так быстро, как не бегал никогда в жизни, и завывающая, улюлюкающая толпа осталась где-то позади. Добежав до своего дома, он принялся отчаянно барабанить в дверь и молотил по ней кулаками, пока ему не открыли.

Как безумный, ворвался он в дом, ничего не видя перед собой, понимая только, что наконец-то спасен.

— Это Нарсиус, что-то он сегодня рано, — услышал он словно издалека. И другой голос, еще более тихий, позвал его откуда-то из темноты:

— Скорее, дитя мое, скорее входи! Что-то происходит на улице, там, наверное, небезопасно.

По-прежнему ничего не видя в полутиме, он сделал несколько неуверенных шагов по коридору — и вздрогнул, услышав, как лязгнул засов у него за спиной. Он оглянулся через плечо и увидел перед собой не старого слугу, а какой-то смутный, расплывчатый призрак с красными горящими угольями вместо глаз.

Женщина, которую он принял за свою мать, поднялась ему навстречу, протягивая испачканные в крови руки, и тогда он узнал ее: Зерити, демон сна и бреда, ужасная колдунья.

— Нарсиус, мальчик мой, зачем же ты меня боишься? — почти пела она, и руки ее бесконечно удлинялись, приближаясь к его шее, хотя сама ведьма не делала ни шагу. — Иди сюда, иди к своей мамочке! Что это у тебя в руках, сынок, кинжал? Ну-ка, дай его мне!

Дрожь прошла по всему его телу от прикосновения холодной как лед руки; он вслепую взмахнул своим ножом, отшатнулся, кинулся вверх по лестнице.

— Пресветлый Митра, да что ж ты делаешь! Должно быть, он сошел с ума! Стой, погоди!

— Чудовище! Посмотри, он ранил меня! Меня, свою мать!

Карабкаясь по ступенькам все выше, Нарсиус как мог отбивался от наседающих демонов. Те ужасные твари, что преследовали его на улице, были безобидными зверушками по сравнению с этими: словно гигантские клубки ядовитых шевелящихся змей или щупалец. У чудовищ были тысячи, десятки тысяч этих безобразных рук, и все они тянулись к нему, пытаясь схватить юношу. Он размахивал ножом с отчаянием загнанного зверя, но там, где он отрубал одно щупальце, немедленно вырастало два. Зеленая мерзость капала с них, стекала по ступеням.

Лестница кончилась. Он похолодел, почувствовав спиной закрытую дверь. Пнув лезущее на него чудовище, он рванул дверь на себя — и, к его счастью, она оказалась незаперта. Он плотно захлопнул ее за собой и в изнеможении сполз на пол. И снова прошиб его холодный пот, потому что сидел он не на полу, а на влажном, шевелящемся языке какого-то невообразимого монстра. Бело-желтые клыки частоколом смыкались у него за спиной, а язык подтягивал бедного Нарсиуса все ближе и ближе к жаркой бездонной глотке.

И опять он услышал тот же голос из немыслимой дали:

— Нарсиус! Бедное мое дитя! Эти кошмары добрались и до тебя...

Он провалился в звенящую тьму и не видел лица матери, склонившейся над ним. Она

держала во рту порезанный им палец, а здоровой рукой тихо гладила светлую голову сына, шепча что-то бессвязное. Он спал.

Глава 15

ИЗ ГЛУБИН

Галеры плыли все дальше, а земли вокруг становились все глупше. Деревни появлялись все реже, пока наконец не исчезли вовсе; пустынные степи переходили в заросли кустов и небольшие рощи. Вскоре рощи сменились лесами, а леса, в свою очередь, превратились в непроходимую чащу, сплошной зеленой стеной встававшую по обоим берегам. И пока еще оставались признаки человеческого жилья, путешественников постоянно преследовали зуагиры. Они появлялись из степи или с холмов небольшими отрядами и пытались на полном скаку расстрелять галеры из длинных луков, но стрелы их обычно не достигали цели.

По мере того как степи сменялись холмами, берега и река становились все более безлюдными. Сначала им встречалось не более трех рыбачьих лодок за день, затем не более одной, затем они перестали попадаться вовсю.

Вода в реке тоже изменилась. Она стала угольно-черной; даже зачерпнутая в горсть, она больше не казалась прозрачной, оседая на коже мельчайшими частицами ила. Никакие лоты уже не могли достигнуть дна реки, она становилась в глубину гораздо больше, чем в ширину.

— Не следовало нам вмешиваться в дела зуагиров, — посетовал как-то вечером Турио, стоя на баке рядом с Конаном и с тоской оглядывая поросшие лесами холмы. — Я-то думал, что это просто дики, а они, оказывается, держат в своих руках все земли к востоку от Стикса! Если нам придется оставить корабли и передвигаться далее верхом, мы можем горько пожалеть о той глупой стычке.

— Я хорошо знаю этих кочевников, — отозвался киммериец. — С ними невозможно поддерживать дружеские отношения, ибо нет у них мира даже между собой. Если бы мы могли хотя бы немного доверять им, я давно бы бросил корабли и отправился по суще. Но по счастью, я этого не сделал.

И все же какие-то следы пребывания людей в этих джунглях сохранились. Правда, они скорее пугали, чем обнадеживали. Поднимаясь все выше по реке, путешественники находили разбитые лодки или заброшенные, уже заплещенные травой и лианами маленькие хижины посреди леса. Возле таких хижин обычно можно было найти обломки ножей, осколки глиняной и стеклянной посуды, а также два или три черепа, побелевших от времени. Первое время, завидев на берегу такую хижину, солдаты требовали непременно высадиться и осмотреть все вокруг, но, убедившись несколько раз, что жилье давно опустело и заброшено, а его бывшие хозяева уже никогда не вернутся домой, прекратили подобные вылазки.

А русло реки все сужалось, и течение становилось все сильнее. Однажды утром они услышали шум, очень похожий на шум водопада. Впереди берега превращались в огромные утесы с отвесными склонами, и сворачивать надо было либо теперь, либо никогда.

— Клянусь Дагоном! — галера Турио шла почти вплотную за кораблем Конана, поэтому киммериец отчетливо слышал каждое слово молодого капитана, стоявшего на носу судна. — Похоже, нас ждут новые пороги. Мы не сможем вскарабкаться на эти утесы, и придется сворачивать назад. Так что может быть...

Последние его слова потонули в испуганном крике гребцов. Дико заржали лошади. Где-то позади раздался ужасающий рев, но, оглянувшись, Конан ничего не увидел: река только что сделала небольшой поворот, и последние две галеры еще не появились из-за скалы.

— Назад! — крикнул Конан. — Выграбайте назад! Турио, сдвинь свою посудину, мы должны видеть, что там происходит!

Но галеру Турио вдруг подбросило и развернуло поперец потока. За ее парусами невозможно было разглядеть ничего, и Конан,сыпля проклятиями, уже приготовился перепрыгнуть с кормы на борт и как следует взгреть рулевого Турио, как вдруг случилось нечто ужасное: река ожила. Из-за поворота показалась третья галера, река вздыбилась вокруг нее огромной петлей темной воды. Петля захлестнула галеру как раз между двумя мачтами и потянула на дно. Люди в ужасе метались по палубе, хватая кто меч, кто копье, а петля все затягивалась, под ее натиском трещала обшивка и рвались снасти.

— Что вы пялитесь, собаки! Нашли чем любоваться! — взревел Конан и парой оплеух привел в чувство остолбеневших рулевых. — Гребцы, на весла! Лучники, стреляйте по ней! Готовьте катапульту на нижней палубе! — Пинками, тычками и подзатыльниками он заставил всех занять свои места, развернуть галеру и повести ее по течению к захваченному рекой кораблю.

Вторая петля взвилась над рекой и захлестнула вставшую попрек протока галеру Турио. Опомнившаяся команда на третьей галере принялась стрелять в реку из луков и швырять в нее все, что подворачивалось под руку. Хватка реки ослабла, она выпустила корабль, но мгновение спустя вздыбилась вновь — и вторая петля обвила галеру Турио.

От воды начал подниматься пар, снасти галеры вдруг вспыхнули гигантским факелом. Прямо на глазах у Конана какой-то обезумевший от боли и ужаса солдат, слепо тычась во все стороны, полез прямо по затягивающейся петле, обхватив ее руками, как огромный ствол. Его рыжие борода и волосы занялись синим пламенем, он с криком расцепил руки и упал в воду, изжарившись заживо.

— Река! Река ожила и загорелась! — услышал Конан бормотание своей команды. — Она сжигает заживо всех, кто отваживается плыть по ней, и давит в щепы корабли!

— Хватит причитать! Воины вы или бабы?! — рявкнул Конан, раздавая затрешины направо и налево. — Заряжайте катапульту якорем и стреляйте по ней!

Несколько человек кинулись к якорю, проворно сняли его с цепи и зарядили в катапульту вместо снаряда, привязав к нему длинную, прочную веревку. Конан, стоя на корме, сложил руки рупором и велел сделать то же самое команде третьего корабля. Затем обернулся к своим людям: те стояли навытяжку у катапульты, ожидая приказа. — Стреляйте! Чего вы ждете, Нергал вас побери!

Катапульта выстрелила. Импровизированный гарпун вонзился в петлю, сдавившую корабль. С третьей галеры вылетел другой снаряд, зацепив вторую петлю.

— Отлично! А теперь всем живо на весла — растаскивайте их, пока эта проклятая тварь не раздавила нам корабль! Живее, живее! Гребите изо всех сил!

Обе команды наконец поняли, чего от них добивался Конан. Гребцы бросились на весла. Снова раздался чудовищный рев, на палубу галеры Турио потекла из-под якоря темная жидкость.

— Тяните, тяните изо всех сил! — кричал Конан. — Турио, не стой столбом, делай что-нибудь! Пусть четвертый корабль подходит и помогает тому! Выше голову, ребята! Мы еще увидим, какого цвета кишкы у этого водяного червя!

— Конан ранил Черную реку! — кричали на обеих палубах. — Да здравствует Шем! Да здравствует Баалур!

— Тяните, ротозеи, орать будете после!

Турио, опомнившись, проделал тот же самый трюк со своим якорем и перекинул конец веревки на галеру Конана. Черные петли понемногу расходились в разные стороны, круша все на своем пути: и людей, и снасти, и мачты.

Внезапно прямо из-под горящей галеры вынырнула гигантская тупорылая голова с черными мерцающими глазами и тысячезубой пастью. Она слепо таращилась на корабли и людей, словно

не понимала, как могло случиться, что ее ранили эти муравьи. Огонь охватил уже всю верхнюю палубу; горели покореженные мачты, горело само чудовище. Тучи стрел с трех кораблей летели в него. Оно затрясло головой и снова взревело.

— Да это же просто рыба! — закричали матросы, немного приободрившись. Чудовище, как ни было оно огромно и сильно, внушало людям меньший страх, чем ополчившаяся на них река. — Эй, уродина! Мы разрежем тебя на куски и зажарим на ужин!

— Смотрите, сами не станьте ее ужином! — рявкнул Конан.

Чудовище выло все громче, якоря раздирали его тело, оно сжимало кольца в предсмертной агонии, и Конан с ужасом видел, как ломаются борта галеры, крошаются в щепки весла и давятся беспомощные гребцы на нижней палубе. Черная река стала еще чернее от пролитой крови — людской и подводной твари.

Тем временем к галере Турио приблизился четвертый корабль и тоже выстрелил якорем в гигантского змея. Усилиями двух кораблей одна из петель была стянута, и якорь галеры Турио, соскользнув, исчез под водой.

— Вытягивайте его и стреляйте снова! — заорал Конан во весь голос.

Его услышали. Трое или четверо матросов кинулись вытаскивать якорь, катапульта была заряжена вновь и вновь выстрелила. Стальной трехпалый гарпун вонзился прямо в шею чудовища, сразу за огромными, как жернова, глазами.

Оглушенная и ослепленная, раздираемая в трех направлениях разом, тварь извивалась в последних конвульсиях. Вода кипела за бортами галер. Чешуйчатое тело билось, пытаясь высвободиться.

Черная кровь, смешавшаяся с водой, привлекла множество крокодилов. Со всех сторон устремились они на пиршество, разрывая на части тела утонувших людей и добивая и без того едва живого червя. Солдаты спустили на воду шлюпки и, уже не опасаясь, принялись спихивать копьями огромное тело, навалившееся на нос истерзанной галеры. Наконец с громким плеском тварь была скинута в воду — и камнем пошла на дно, утащив за собой все четыре якоря.

Клич восторга, едва ли не более громкий, чем предсмертный вой чудовища, разнесся над рекой. Праматерь всех рыб была побеждена. Галеру Турио взяли на буксир и потащили вверх по течению. Утром следующего дня они вплотную приблизились к ущелью. Здесь Конан велел бросить якорь и высадиться на берег.

Скалы вздымались отвесно только над водой, словно темный поток когда-то очень давно пробил себе путь через вершину огромной горы, поделив ее надвое. По обоим берегам гора полого спускалась вниз, склоны ее, густо поросшие лесом, плавно переходили в холмы. Река неслась через ущелье бешеной кобылицей. Выше по течению не могли уже подняться ни галера, ни лодка, ни тем более пловец.

Именно здесь, у склона высокого холма, Конан решил разбить постоянный лагерь. Он велел вырубить деревья на площадке шириной в пять полетов стрелы и начать постройку деревянной крепости. Из огромных стволов, заостренных на концах, был сделан частокол. Внутри него были возведены большой общий дом и несколько конюшен. Со стороны реки крепость надежно защищала сама река, и здесь была выстроена пристань, у которой разместились четыре галеры.

Конан расположил крепость на восточном берегу еще и потому, что возле Ущелья Стиksа зуагиры уже вряд ли потревожили бы баалурцев — они редко заходили так далеко к югу; а на западном берегу приблизительно от этих мест начинались земли Кешана, о жителях которого ходила слава людоедов.

Пока строилась крепость, верховые отряды исследовали местность вокруг и обнаружили несколько троп, ведущих на юг. Когда строительство было полностью закончено, а корабли прочно встали на якорь у новой пристани, Конан собрал начальников отрядов на военный совет.

— Я полагаю, что теперь мы находимся где-то на полпути от нашей цели, а потому будет нeliшне разделить наши силы, — заявил он. — Укрепившись на этом берегу, мы будем иметь надежное убежище для нашего войска и кораблей. Галеры нуждаются в серьезном ремонте. Я надеюсь, все понимают, что, если нам не на чем будет вернуться домой, Баалур не спасут никакие заросли серебряного лотоса. Поэтому я решил оставить половину нашей конницы и пешего войска здесь, в этой крепости. Пусть они подготовят все для нашего скорейшего возвращения домой. А это значит: починка кораблей и запас еды и питья на обратный путь. Если с теми, кто уйдет вперед, что-нибудь случится, они смогут отступить на подготовленные позиции или вызвать подкрепление.

Первые же слова протеста принадлежали, конечно, Турио.

— Зачем нам оставлять половину воинства здесь, в этом забытом богами месте? Мало того, что это опасно, поскольку мы так и не выяснили, бывают ли здесь зуагиры, — это может привести к настоящему мятежу. Ибо каждый из нас знает, как опасны солдаты, обезумевшие от безделья. Если ты так настаиваешь, мы можем задержаться здесь на неделю или две, чтобы дать людям отдых, — и тогда всей армией двинуться на юг.

Конан терпеливо ждал, пока поток возражений молодого командира иссякнет.

— Если бы я считал, что наши люди просто-напросто устали, я погнал бы их вперед с удвоенной скоростью, — заявил он. — Но нам нужен лагерь! После порогов нам не встретился ни один корабль, сравнимый с нашими. Здесь нас не достанет ни флот Стигии, ни войско. Зуагиры сюда наезжают редко и небольшими отрядами, и поэтому их можно почти не опасаться. А что касается обезумевших от безделья солдат, то заставьте их работать, не оставляя ни одного часа без дела, — и на бунт у них не останется ни времени, ни сил. Помимо заготовки еды на обратную дорогу, оставшимся в крепости придется сопровождать караваны через степи зуагиров — за хорошее вознаграждение, разумеется, — потому что от денег короля Афратеса у нас почти ничего не осталось. А на обратную дорогу нам понадобится золота не меньше, чем на дорогу сюда. Вы будете приводить их в крепость, сажать на корабли и отвозить вниз по течению до самых порогов — пусть только платят.

— Но, во имя Митры! — не выдержал красный от гнева Турио. — Разве не об этом говорил я вам всю дорогу?! Разве не об этом предупреждал нас Шалманзар?! По-моему, Конан, ты собираешься силами войска Баалура выстроить здесь себе небольшое королевство! Мы будем собирать тебе золото с проходящих караванов, а ты — бродить по окрестностям, постреливать оленей и объяснять нам, что никакого лотоса в этих землях нет и в помине!

Речь его была прервана в самом разгаре — ударом киммерийского кулака. Юноша отлетел в угол, из носа у него потекла кровь.

Установилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием оскорбленного капитана. Он встал и взялся за рукоять меча.

— Я не сомневаюсь, что этот глупец печется о благе своего города, — сквозь зубы процедил Конан. — До сих пор я делал то же самое. Вы смело шли за мной через все опасности — я полагал, что вы пойдете за мной так же смело и дальше. И вы в самом деле считаете, что те, кто останется здесь, предадутся безделью и накоплению богатств, забыв о цели нашего путешествия?.. Я считаю иначе, но, зная твою неуемность, Турио, я собирался оставить в лагере военачальником именно тебя — и никого другого. Мне хорошо известно твое рвение, и я уверен, что ни один солдат, отанный тебе под начало, не разжиреет от безделья.

Турио молчал, с ненавистью глядя на Конана. Киммериец ждал. Расчет его был точен: с одной стороны, молодой капитан был польщен тем, что его заслуги команда наконец признаны главнокомандующим, с другой — оставаясь в лагере, он получал в полное свое распоряжение половину всей армии.

Глядя на то, как на лице юноши отражаются самые противоречивые чувства, Конан еще подлил масла в огонь:

— То, что я сделал, я собирался сделать с самого начала, и этот план был принят королем и Каспиусом. Поэтому, прощаясь с Зурфаром — небезызвестным вам караван-бashi, — я сделал ему одно предложение. Караван турецких купцов, знакомцев нашего караван-бashi, будет ожидать вас чуть ниже по течению. Они обещали заплатить одной двадцатой от суммы всего товара. Уже сейчас мы можем готовить верблюдов для путешествия, и я уеду уверенный, что вы тут не пропадете. На сборы должно уйти дня два или три.

Турио снова покачал головой, но уже по другому поводу.

— Ты в самом деле собираешься оседлать верблюдов и отправиться на юг, прямо в лапы к зуагирам? Мне одной встречи с ними хватило, чтобы понять, насколько легко они догонят любой караван. Тебе придется с ними драться трижды в день...

— Именно за этим я оставляю в крепости тебя, мой бесстрашный капитан! — улыбаясь, сказал Конан. — Ты схватишь здесь зуагиров за горло и не отпустишь, пока я не уйду достаточно далеко! Уж это ты, надеюсь, сумеешь сделать?

Глава 16

ВДОЛЬ БЕЛЫХ КОСТЕЙ

Бесчисленные банды зуагиров, подобно стаям голодных степных волков, скитались по пустыне белыми смерчами. Ярости их не было предела.

Шемиты должны были заплатить сполна за свою слишком легкую победу у Стиksа. Как раз на днях из выстроенной ими на побережье крепости вышел караван тяжело нагруженных верблюдов в сопровождении большого отряда всадников. Проводив караван до края нагорья, всадники вернулись в лагерь, а шемиты остались в пустыне лицом к лицу с врагами более страшными, чем банда кочевников: беспощадным солнцем, выжженной землей и нехваткой воды.

Такова была расстановка сил, когда несколько дней спустя караван шел краем Большого Ущелья Стиksа. Тропа была помечена так ясно, что невозможно было сбиться даже в темноте: ее устилали белые кости всех тех, кто не смог выстоять в схватке с пустыней. Словно огромная общая могила людей, верблюдов, мулов и лошадей, тянулась она через пески.

Конан вел своего жеребца в поводу, не отягчая своим телом и без того навьюченное животное. Рядом с ним на понурой, вздыхающей под солнцем кобыле ехал Каспиус. Седобородый, с вечно прищуренными глазами, в своих неизменных белых одеждах и с влажным платком на голове, он был вылитый зуагир.

— Ну, стариk, — обернулся к нему Конан, — ты попрежнему не жалеешь, что присоединился ко мне? Должен тебя предупредить, что мы сейчас очень близки к весьма небогатому выбору: либо возвращаться к реке за водой, либо препоручить себя милости Митры и искать источник в пустыне.

Он ткнул подбородком вбок, где, как они оба хорошо знали, за темными утесами и пустыней с помеченной костью тропой, летел сквозь ущелье черной змеей неутомимый Стиks.

Старый лекарь разлепил сухие губы и улыбнулся, покачав головой:

— Нет, бесстрашный мой военачальник, я не сожалею, что пошел с вами, — ни тогда в Баалуре, ни теперь. Здесь, конечно, жарковато, но очень интересно. — Он кивнул на птицу, только что поймавшую зеленую ящерицу и теперь пристроившуюся пообедать на иззубренном лезвии меча, торчащего из песка. Чуть дальше видны были кости скелета, в руке которого когда-то был этот меч. — Как вы правильно заметили, Конан, не все можно узнать из книг. И я, можно сказать, сейчас наверстываю упущенное. Конан кивнул:

— Да, здесь есть чему поучиться. Кто мог, например, предсказать, что, следя вверх по полноводной реке, мы в конце концов будем изнывать от жажды? — Он взболтнул флягой: она была почти пуста. — Проклятье! Я уже трижды высыпал всадников, но воды они так и не нашли.

Караван верблюдов и наиболее выносливых лошадей длинной цепью растянулся по белому следу, огибая серые, занесенные песком утесы Большого Ущелья. Вокруг, сколько хватало глаз, простирались пески или камни, сухие колючки какого-то кустарника лишь увеличивали жажду. Каменные склоны полого поднимались, и, как ни мал был этот подъем, он очень утомлял и людей, и терпеливых животных. Этим утром они вышли на широкое плато, гигантским карнизом нависавшее над рекой, и теперь двигались вдоль него.

— Меня вот уже который день мучает одна мысль, — проговорил Каспиус. — Мне кажется, что мы все дальше уходим в прошлое. Вспомните, Конан, сначала мы поехали в Асгалун, город недавнего прошлого для вас и королевы, затем вышли в Стиks и поплыли мимо гробниц, которым, быть может, уже тысячи лет... А теперь мы идем вдоль огромной могилы по камням,

которые здесь стояли до городов и пирамид, а быть может, и до того, как человек написал первое свое слово на обрывке пергамента... Стикс — древнейшая река, говорят, она течет и в царстве мертвых. А что, если ее истоки кроются в начале всех начал? И мы идем к ним, самонадеянные безумцы, полагая, что нам хватит на это жизни...

Конан на это мог бы возразить, что за свою не столь долгую жизнь он уже второй раз идет к истокам Стикса, но лекарь явно имел в виду что-то другое, и киммериец промолчал.

Внизу черной змейкой извивалась река, и у Конана не было никаких сомнений в том, что истоки ее — не более чем какой-нибудь небольшой ледник в горах. Подумав о леднике, киммериец неслышно выругался. Он многое дал за то, чтобы оказаться сейчас среди родных снегов. Эта проклятая речушка дразнила его и его солдат близким присутствием воды, пригодной для питья. Она всегда была на виду, но никакие веревки не могли дотянуться до dna этого гигантского ущелья. Вода была — но ее не было. От этого еще больше хотелось пить и еще суще казался ветер, что дул им в лица, оседая песком на губах.

Слуха Конана коснулся тихий крик. Он обернулся и увидел тонкую фигурку, балансирующую на краю карниза. Не удержав равновесия, человек упал, и новый крик раздался снизу, но такой тихий и неясный, что Конан в первый миг помотал головой, полагая, что это был морок, наведенный черной чародейской рекой. Люди стояли над обрывом, также недоуменно помаргивая, не понимая, привиделось им или нет. Но эхо еще летело над скалами, и киммериец на всякий случай распорядился:

— Всем отойти от края! Будете зевать — и речные призраки утянут вас на дно одного за другим! Если еще раз я увижу кого-нибудь ближе, чем в десяти шагах от края, сброшу вниз без всяких духов, собственными руками!

— Господин! — прервал его чей-то крик, уже реальный. — Господин, у меня дурные вести!

Из-за поворота тропы появился всадник — один из тех, что были посланы на поиски воды. Он во весь опор торопился к Конану.

— Ну да, — проворчал киммериец. — Как же обойдешься без дурных вестей... Что там такое?

— Господин, зуагиры! Большой отряд всадников, и скачут они под красным знаком Пророка Матху.

Конан задумчиво кивнул, не убывая своего неторопливого шага рядом с конем.

— Так он все-таки объединил их... Что ж, если они гнались за нами через всю пустыню, они вряд ли теперь чувствуют себя лучше, чем мы. Но мы все-таки постараемся увеличить скорость. Скажи тем, кто в хвосте, чтобы подтягивались и поторопились. И пусть конница отойдет назад и прикрывает нас с тыла. — Всадник умчался, а Конан с невеселой улыбкой обернулся к Каспиусу: — Вот и решение вопроса с водой. Путь назад нам уже явно заказан.

К наступлению сумерек они увидели преследователей. Огромный отряд мчался через пустыню, поднимая тучи песка и пыли, и она была хорошо видна баалурцам, словно грозовое облако над горизонтом. Оно двигалось не слишком быстро, поскольку зуагиры ехали не только на лошадях, но и на верблюдах, но все же гораздо быстрее, чем отряд Конана. Киммериец велел всем не праздновать труса заранее и держаться как можно ближе друг к другу. Но всадников в белых плащах было гораздо больше.

Подгоняя людей, Конан лихорадочно выискивал место, подходящее для долгой обороны. Наконец перед путниками открылось небольшое ущелье, где каменные склоны сходились, как клешни гигантского скорпиона. Конан направил караван туда, распоряжаясь:

— Живее к тем скалам и за работу! Насыпать вал, выкопать ямы перед ним, расположить стрелков и животных! Мы еще сможем продержаться!

— Да, но как долго? — вздохнул Каспиус у него под боком. — Два дня, три? Эти жители

пустыни могут знать здесь какие-нибудь источники воды, о которых не знаем мы, и просто окружить нас и дождаться нашей естественной смерти.

Конан нахмурился.

— Боюсь, что ты прав, старик! — сказал он. — А также мне известно, что жажды только ослепляет их, превращая в берсерков, а не лишает сил... Эй, Лонхо! Возьми людей и веревки и постарайся спустить кого-нибудь к воде! Да возьми побольше факелов, чтобы вас было видно издалека!.. Я знаю, что не достанете, я хочу, чтобы зуагиры думали, что у нас есть вода! Может, тогда они не станут нас сторожить, как кот у норы, а нападут сразу.

За прошедший день русло реки немного поднялось, а берега, спускавшиеся к воде отвесными скалами, стали пониже. Ловкий человек вполне мог, обвязавшись веревкой для большей безопасности, спуститься вниз и вскарабкаться наверх. Это было бы очень хорошей новостью, если бы не приближавшаяся туча пыли, уже заслонившая полнеба, кроваво-красная в лучах заходящего солнца.

Едва стемнело, ущелье наполнилось эхом стука тысячи копыт, и жуткие вопли, похожие на волчий вой, взлетели к позолоченной луне. Порывы ветра доносили запах конского пота и верблюжьих лепешек. Первые всадники приблизились к ущелью — и были расстреляны из луков и арбалетов от невидимой насыпи. Уяснив, что караван не взять с налета, зуагиры, отойдя в сторону, решили вести переговоры, о чем было тотчас сообщено Конану.

Зная, что всадники пустыни имеют пустынny и странный, но все же нерушимый закон чести, Конан решил ответить на приглашение, рассудив, что новоявленный Пророк должен поддерживать хотя бы видимость справедливости. Поэтому киммериец взял с собой лишь нескольких телохранителей, полагавшихся ему по чину военачальника, и Каспиуса, чья седая борода и благородный облик должны были придать весу его посольству в глазах зуагиров, исстари чтивших седину.

Конан ожидал встречи с древним старцем — седобородым, с сетью бесчисленных морщин на хитром горбоносом лице. Но, войдя в ярко освещенный шатер, раскинутый в круге шатров поменьше, он с изумлением увидел восседающего на пестрых одеялах мальчика, узкоплечего и узкобедрого, слишком маленького и щуплого для своих просторных белых одежд с обилием золота и богатой меховой отделкой.

Зная обычай жителей пустыни, Конан, как ни забавно ему это было, низко склонил голову, приветствуя Пророка. Разложив перед ним принесенные дары, он снова поклонился. То же сделали и его спутники.

— Приветствую тебя, Матху, и прошу позволения как можно скорее уйти из твоих земель, не вступая с твоими воинами в битву, — торжественно произнес Конан. — Ибо, если не зря зуагиры чтят тебя как Пророка, ты должен знать, что цели нашего похода — вне твоих пределов, и речь идет о жизни целой страны. Посему позовь нам следовать дальше нашим путем и не препятствуй. Если же ты согласишься помочь нам — благодарности нашей не будет предела.

— Вне моих пределов? — прервал его Матху, и Конан снова едва не улыбнулся — так тонок был мальчишеский гневный голос. — А ваша крепость, что стоит ниже по реке и забирает у моих воинов законную добычу, отбивая караваны, — она тоже вне моих пределов?

Конан понимающе улыбнулся:

— Если бы мы знали, что туранские либо иранистанские караваны — ваша законная добыча, мы не стали бы вмешиваться. Беда в том, что сами они так не считают. Если бы ты сам сопровождал караваны через пустыню, как это было принято у зуагиров прежде, все барыши были бы твои и нам нечего было бы делать.

— Учтивые и льстивые речи, — отозвался Матху. — Странно слышать их от того, за кем день и ночь следуют черные стервятники! Твои дела черны, как их перья, о ты, северный

обманщик!

— Я могу вам поклясться своей старостью, — вмешался Каспиус, — что наша цель — единственно сбор трав, а именно серебряного лотоса, который растет только в верховьях Стикса. Наш город...

— Серебряный лотос, — сурово оборвал его Пророк, — священное растение, принадлежащее Эрлику. Он растет в стране Заслуживших Вечный Покой. И ваше счастье, что не найти его в этом мире, иначе бы мы не выпустили вас из этой пустыни, ибо не должен этот цветок попасть в руки неверных.

— Ну так дайте нам попытать счастья в других местах, — отозвался Конан, — и я, если хотите, напишу моим людям на реке, чтобы они оставили караваны вам. Если вы возьметесь доставить им мое послание.

— Нам не нужны твои милости, чужестранец, ибо ты приверженец Тхуталы. Мы можем предложить вам лишь одно: сложите оружие, откажитесь от своего дьявола и поклонитесь Истинному Владыке. Всякий, кто признает над собою власть великого Эрлика, будет удостоен чести стать его рабом.

— А кто не признает? — Конан по-прежнему улыбался, но глаза его зажглись недобрый огнем. Зачем же этот мальчишка звал на переговоры — только запугать? Но Конан решил пока не хвататься за меч и посмотреть, что будет дальше. — И почему ты обвиняешь нас в служении какому-то странному богу — как ты его назвал? Кажется, Тхутала? Я первый раз слышу это имя, а мои люди поклоняются только древним богам Шема. Мы не желаем зла никому из вас, ни тем более вашему повелителю.

— Служишь ты Тхутале или нет — не имеет никакого значения, — ответил мальчик. — Ты можешь и не знать об этом, но все же быть его слугой; он умеет заставить людей подчиняться ему, не ведая того. — Мальчик смотрел не на Конана, а на языки пламени, пляшущие в очаге. Казалось, он и в самом деле общается с какой-то высшей силой. — Тот, кто ведет отряд убийц и грабителей в сердце тьмы этого мира, не может не нести в себе зла. Хватайте его, во имя великого Эрлика!

Телохранители Пророка, до тех пор недвижными статуями окружавшие его, при этих словах рванулись вперед, но Конан был начеку. С тихим свистом меч его вылетел из ножен и поразил в плечо ближайшего нападающего. Солдаты киммерийца сгрудились вокруг, защищая его и Каспиуса, сталь зазвенела о сталь. Конан, растолкав дерущихся, подскочил к мальчику и схватил его за шиворот.

— Стойте! Иначе я сейчас перережу горло вашему Пророку! И тогда посмотрим, так ли силен ваш Эрлик, как вы о нем рассказываете! Руки прочь от моих людей, и дайте нам пройти!

Пророк извивался у него в руках, пинался и кусался, как самый обычный мальчишка. Вся напыщенность и важность мигом слетели с него. Похоже было, что его ничуть не заботит меч Конана у самого горла. На глазах у разъяренных, но беспомощных зуагиров Конан, выставив перед собой мальчишку, отступил со своими людьми к лошадям.

— Святотатец! — кричали киммерийцу из толпы. — Да отсохнут твои руки за то, что ты посмел прикоснуться к священной плоти ясновидца!

— Плоть его пока осталась неприкосновенна! — фыркнул Конан. — Разве что я немного порвал ему рубашку. А теперь вы, как чтящие законы Эрлика, дадите нам спокойно уехать отсюда.

Он дал знак своим не спеша рассаживаться по седлам и, бесцеремонно пнув Пророка, пришпорил своего жеребца. Мальчишка кубарем полетел в толпу зуагиров, а отряд Конана пустился в галоп.

Следом полетели стрелы, и двое баалурцев упали с коней. Конан клял себя всеми

пришедшими на ум бранными словами: нужно было сообразить, что никакого торга с этими кочевниками не будет. А теперь, если они в скором времени не найдут воду, возвращаться в крепость придется с боем.

Вернувшись в лагерь, Конан увидел скопище факелов у карниза и, не слезая с коня, помчался туда.

— Ну, что у вас там? — крикнул он еще издали. — Достали вы воду?

— Даже лучше! — ответил баалурец, распоряжавшийся работами. — Взгляни вон туда, господин мой!

Под карнизом, приблизительно на полпути до дна ущелья, была еще одна небольшая терраса, нависавшая над водой. Через нее, сбегая вниз к реке, протекал ручеек чистой прозрачной воды. Возле ручья, глядя снизу вверх на Конана и улыбаясь во весь рот, стоял всадник с факелом в руке.

— Как вы спустили туда лошадь?! — изумился Конан,

— Мы просто нашли проход! Он ведет дальше вверх по реке, и, если мы оставим в лагере зажженные факелы, а сами уйдем по нему, зуагиры так и просидят до рассвета, думая, что караулят нас.

— Отлично, — ответил Конан. Он распорядился сворачивать лагерь и спускать к источнику лошадей и верблюдов. Пришлось пожертвовать несколькими палатками и большим количеством факелов. Оставил их за насыпью так, что издали это было похоже на спящий лагерь, весь караван, стараясь производить как можно меньше шума, снялся и ушел еще до рассвета. Высланные вперед всадники нашли козью тропу, вполне пригодную для того, чтобы по ней прошли верблюды. Поднявшись на гребень утеса, Конан увидел вдали белесые дымки над кострами зуагиров и рассмеялся. Узкий карниз, по которому они теперь шли, становился все уже и уже; время от времени приходилось расчищать его от упавших сверху камней. Они двигались неспешно и осторожно, каждый миг боясь услышать топот копыт за спиной, но так и не услышали.

Ближе к вечеру шум реки под ними стал как будто явственнее и ближе. Тропа вдруг резко вильнула — и вывела путешественников в узкую долину, сжатую с двух сторон отвесными стенами утесов. Земля здесь была влажной от близкого присутствия реки, сквозь камни пробивалась ярко-зеленая трава, на которую тут же с жадностью набросились лошади. Решено было устроить здесь лагерь и дать отдых людям и животным. Солдаты принялись выбивать змей из травы и ставить палатки, небольшой отряд отправился наполнять мехи — и вернулся с дичью, набитой в прибрежных камышах.

Только был установлен лагерь и готова еда, как часовые, выставленные у входа в долину, примчались к Конану, крича еще издалека:

— Зуагиры нашли спуск на карниз! Скоро они будут здесь!

Пришлось спешно поднимать людей и снова седлать лошадей и верблюдов. Торопясь уйти с открытого места, Конан погнал караван в лес, темной стеной встававший на дальнем краю долины.

Но в лесу их ожидали новые напасти: из-за деревьев навстречу всадникам выскочили чернокожие воины в набедренных повязках из леопардовых шкур, вооруженные длинными копьями и раскрашенными щитами из кожи носорога.

Выглядели они как сущие дики — с кольцами в носах, с ожерельями из когтей и клыков больших кошек, — но действовали не хуже любого обученного войска. Перегородив тропу, они выставили копья и закрылись щитами, словно дожинаясь команды к атаке. Люди Конана заметались, сбившись в кучу, — они неожиданно оказались меж двух огней. Впереди их ждали выставленные копья, а позади уже слышались крики зуагиров, мчащихся по пятам еле

отстреливающейся конницы.

Раздался леденящий кровь боевой вопль чернокожих воинов — и, не нарушая ровного строя, они бросились в атаку. Баалурцы выхватили мечи, решив подороже продать свои жизни, но черное воинство промчалось мимо и обрушилось на всадников в белых плащах. Закрывшись щитами от стрел, рослые дикари копьями спихивали всадников с лошадей и добивали уже на земле. В первый миг шемиты не поняли, что произошло. Но в следующую секунду прозвучал боевой клич Баалура, и на степных кочевников ринулись с двух сторон два войска разом.

Глава 17

ЛЕС ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ

Насколько сумел понять Конан, черные воины были отрядом племени, живущим в лесу у берега реки в нескольких больших деревнях. Они давно враждовали с зуагирами, "почти три разлива", как пояснил киммерийцу военный вождь. Кочевники, не довольствуясь той кровавой данью, которую взимали с караванов, начали нападать на поселения кешанцев, уводя в рабство детей и женщин.

Увидев обилие верблюдов и поклажи, кешанцы приняли караван Конана за торговый, и он не стал их в этом разубеждать. Они принесли баалурцам вдоволь фруктов, съедобных корней и мяса гиппопотамов, за что Конан щедро одарил их предусмотрительно захваченными с собой яркими безделушками. Баалурцы были приняты с тем радушием, какое свойственно только наивным и простодушным дикарям. Кружавших над караваном стервятников они как будто бы не заметили.

По словам чернокожих, в самой чаще леса, недалеко от реки, было большое озеро. Именно из него берет начало великий Стикс, заявили Конану вожди. На вопрос, растет ли там лотос, они ответили, что да, и во множестве, но не серебряный, а простой белый.

Выйдя к озеру, Конан увидел, что это скорее не озеро, а болото, илистое и вязкое, сплошь заросшее тростником, с небольшими лужами темной воды, соединенными между собой узкими протоками. Конан выслал отряды на разведку, и те вернулись с вестью, что обойти болото невозможно, а идти вброд слишком опасно.

Тогда Конан велел строить лодки. Плыя вверх по течению, баалурцы часто встречали тростниковые пироги стигийских рыбаков и полагали, что без труда смогут сделать их сами, благо тростника было вокруг более чем достаточно.

Но без помощи дикарей им никогда не удалось бы их построить. Тростник, неумело связанный волосяными веревками, немедленно намокал и разваливался, а то и просто тонул, отяженный водой. Кешанцы показали им, как правильно связывать снопы, как крепить их, чтобы они не расслаивались и постоянно подсыхали. Через несколько дней общих усилий были готовы две большие пироги и несколько маленьких, на которые и погрузился караван.

Поначалу они продвигались довольно быстро. Но вскоре лужицы воды начали мельчать, а заросли тростника становились все плотнее. Время от времени приходилось прорубаться не только сквозь тростник, но и сквозь заросли лиан и корней деревьев-паразитов, плотно оплетавших ветви, нависающие над водой. На расчистку мелких протоков, соединявших озерца чистой воды, уходило до нескольких часов упорного труда, а продвигались после этого пироги на жалкие сотни шагов.

Это утомительное, по-черепашьи медленное продвижение сводило людей с ума. Солнце палило немилосердно, яркими бликами отражаясь от поверхности воды, слепя глаза и напекая согнутые спины. Болотоечно что-то бормотало, его душные, ядовитые испарения доводили людей до безумной головной боли, худшей, чем боль после кошмарных снов Зерити. Стая комаров и гнуса не оставляли их в покое ни днем, ни ночью, так что несколько суток спустя все были уже готовы прыгать головой в болото, лишь бы прекратились это ужасное зудение и постоянные ноющие укусы.

Еще одной бедой, и немалой, были крокодилы. После того как несколько неосторожных гребцов были утащены на дно прямо с лодок, Конан распорядился выставить вдоль бортов охрану с длинными копьями, чтобы отгонять жадных хищников.

Конан трудился за четверых. Для него, не привыкшего к безделью, постоянная занятость рук была скорее спасением, чем каторгой. Но и его начинали донимать тучи комарья и бесконечные заросли. Едва пироги проходили сквозь узкую просеку, заросли тростника снова смыкались за ними той же сплошной стеной.

— Здесь хватило бы папируса ца то, чтобы заполнить десяток библиотек, — горестно сказал как-то Конану Каспиус. — Но кому они тут нужны, кроме живущей в них мошкарь? И если мы сгинем здесь, никто не сможет найти и следа от нашего пути.

— Я предупреждал тебя еще в Баалуре, — коротко выдохнул Конан, — что это безумная затея. Даже если мы когда-нибудь найдем серебряный лотос, я скажу, что он обошелся нам слишком дорого.

Но серебряного лотоса пока по-прежнему не было, а поиски его и в самом деле обходились слишком дорого. На четвертую ночь почти половина людей слегла от какой-то непонятной болотной болезни. Хуже того, вернулись кошмары. То ли Зерити решила, что пора наконец обратить внимание на приближающихся искателей целебных растений, то ли тому причиной были ядовитые испарения, но люди снова начали стонать и метаться во сне. Плохо приходилось и лошадям и верблюдам. Последней каплей была какая-то мистическая несводимая ржавчина, пожирающая оружие.

Но всему рано или поздно приходит конец. Постепенно болото снова перешло в русло реки, правда, все такое же заросшее и зловонное. Вдоль берегов этого темного, отдающего торфяным запахом канала теснились настоящие джунгли. В ветвях день и ночь скакали и кричали яркие птицы, стаи обезьян с визгом проносились над головами путешественников, швыряя в них объедки и грязные палки. Вокруг цвели тысячи самых разнообразных цветов, от их запаха было трудно дышать. Но серебряного лотоса попрежнему не было.

А русло реки тем временем становилось все уже. Пятнистые леопарды пробегали, дразня, под самым носом у баалурцев, исчезая прежде, чем они успевали наложить стрелы на тетиву. Ядовитые водяные змеи, чей укус убивал почти мгновенно, выползали на медленно плывущие пироги погреться на солнышке — и горе тому, кто неосторожно наступал на них.

Казалось, в этих джунглях, грозящих смертью на каждом шагу, невозможно выжить человеку. Но воткнувшаяся однажды на рассвете в борт пироги отравленная стрела показала, что лес обитаем.

Вскоре путешественники поняли, что новое столкновение с дикарями неизбежно: вдали все отчетливее слышен был бой больших боевых барабанов. Около середины того дня, в утро которого из зарослей вылетела стрела, по берегам реки начали попадаться несомненные признаки близкого присутствия воинственного племени: оскаленные черепа, обтянутые черной высохшей кожей, висели чуть ли не на каждом дереве. Короткое время спустя показались и тела несчастных — обезглавленные полуразложившиеся трупы, выставленные вдоль берегов. Все они были изуродованы, а у некоторых не хватало рук или ног.

Поэтому баалурцы почти не удивились, когда им навстречу из зарослей вышло сущее чудовище: чернокожий воин в яркой раскраске по всему телу, с радужными перьями и иглами дикобраза в собранных в пучок волосах, с длинным луком и связкой стрел — отравленных, судя по черным пятнам на наконечниках. Увидев пришельцев, он оскалил зубы в широкой дружеской улыбке, и по спинам шемитов пробежал холодок — клыки у черного воина были острые, как у мыши-вампира.

Вновь пустив в ход свои скудные знания кешанского языка, Конан сумел выяснить немного, но этого вполне хватило, чтобы успокоить воинов. Имя дикаря звучало как Нк'ча, и охотничьи земли его племени простирались на много дней пути от большого водопада. Его деревня подчинялась великому вождю по имени Гвандала, чья деревня лежала еще выше по течению. По

словам Нк'ча, этот вождь был столь велик, что мог четыре раза в год есть человечье мясо, что, как известно, запрещено простым детям леса.

Да, разумеется, теперь он не собирался убить их. Черные люди не едят белых, а убивать и не есть врага — пустая трата стрел. Он мог бы, конечно, убить их — чтобы возвыситься в глазах своих людей и речного бога-крокодила Джавалы. Но, видя, что они больны, он решил этого не делать.

Выяснив все это осторожными расспросами, Конан вздохнул с некоторым облегчением. Его люди действительно были больны почти поголовно, лошади и верблюды дохли ежедневно, и война с каннибалами могла обернуться простым избиением и без того полуживых людей.

Поэтому Нк'ча был торжественно избран проводником удивительных белых людей в удивительных лодках, хотя баалурцы с большим удовольствием сбросили бы его в реку — прямо в зубы его Джавале. Но его присутствие на головной пироге давало им некоторую гарантию, что соотечественники приветливого людоеда не кинутся на них со стрелами и копьями, едва завидят.

Нк'ча гордо замер на носу пироги, опираясь на свой лук, а Конан негромко сказал Каспиусу:

— Может, тот мальчишка-зуагир знал о нашем походе больше, чем мы сами.

Каспиус почесал отросшую бороду.

— Вы хотите сказать, что Тхутала — это и есть Джакала, а быть может, и их Джавала? И мы сейчас направляемся прямо к нему? Или наше появление здесь разбудило какого-то нового бога, того смертельного врага Эрлика?

Конан пожал плечами:

— Скорее, не нового, а очень древнего бога. Может, именно поэтому и не стали преследовать нас стигийцы. Должна быть какая-то связь между ними — между Сэтом и Джакалой, змеей и крокодилом. Может, Зерити даже... — Но тут киммериец махнул рукой, сам не зная, что хотел сказать.

— Если все действительно обстоит таким образом, — с беспокойством проговорил Каспиус, — то лучшим решением будет как можно скорее повернуть назад. Хотя что мы сможем сделать против желания бога?

— Не знаю, что мы можем сделать, но я дал клятву, — мрачно ответил Конан. — И намерен сдержать ее, покуда возможно.

Нк'ча оказался очень полезен путешественникам. Когда поблизости снова загремели барабаны и Конан спросил, не означает ли это, что на них готовится нападение, каннибал ответил с неизменной улыбкой, что пусть их это не беспокоит, он уже дал своим людям знать, что идут пироги чужестранцев и что их следует пропустить, воздав всяческие почести.

— Отлично, — проворчал Конан. — Надеюсь, твоя улыбающаяся физиономия послужит нам верительной грамотой.

Нк'ча попросил объяснить ему, что такая верительная грамота. Конан объяснил, как сумел.

— Нет, могучий белый Властелин Черной реки! — ответил дикарь, улыбаясь во весь рот. — Я здесь ни при чем. За вами следуют птицы великого Джавалы, а значит, с вами его милость. — Ион с довольной ухмылкой указал вверх, где над лесом парили стервятники, едва различимые сквозь деревья.

Так они плыли еще несколько дней — сквозь утренние туманы,очные удущливые запахи и дневное ядовитое марево. Глядя ночью на большой диск луны, Конан заметил, что в небе смешились звезды, — он не узнал ни одного созвездия. Он поделился этими наблюдениями с Каспиусом, и тот ответил, что уже которую ночь следит за небесными узорами и старается по возможности отмечать каждое изменение.

— Река уносит нас все дальше от знакомого нам мира, — сказал старый лекарь. — Не

удивительно, что здесь светят чужие нам звезды. Более того, солнце и луна свершают свой путь здесь иначе, чем в наших землях. Но виной тому колдовство реки, или это естественный закон природы, я не знаю.

Конан ничего не сказал на эту тираду, только пристальнее взгляделся в ночное небо. Они плыли по маленькому озерцу с темной водой, и звезды отражались бесчисленным множеством в зеркальной глади озера. Могло показаться, что пирога плывет не по воде, а по звездному небу чужого, недоброго мира, где новые звезды восходят приветствовать новых богов.

Весь следующий день они плыли в зябком тумане, моросью оседавшем на волосах и одежде. Джунгли полнились звуком отдаленного грома. Пироги вышли в большой, открытый небу залив — и увидели впереди большой водопад, низвергавшийся с высоты не менее семисот локтей. Над водопадом дрожала туча водяных брызг, она поднималась все выше, превращаясь в черные тучи, мрачно клубящиеся над головами незваных пришельцев.

Глава 18

ИДОЛ

Зерити была занята тем, что создавала изваяние. Одну из огромных каменных колонн своей гробницы она обтасчивала и скоблила тяжелыми бронзовыми инструментами какого-то стигийского скульптора, позабывшего их в ее подземном храме. Работа была не из легких, и потому Зерити скинула с себя всю одежду, облачившись в один только кожаный передник, который нашла среди инструментов.

Ведьма ваяла, стоя на своем сундуке со свитками, ибо каменный идол должен был изображать бога, а не низкорослого смертного. Древний камень легко крошился под долотом, но, не будь Зерити ведьмой, на эту работу у нее ушли бы годы и годы. Она начала с лица и широких плеч, остальные же контуры были еще едва намечены.

— Ну вот, возлюбленный мой Джакала, у тебя будет благородный лоб, высокий и выпуклый, — приговаривала она, как бормочут все мастера за работой. — Одна-единственная складка меж твоих бровей будет внушать благоговейный трепет твоим почитателям.

Вряд ли то, что изображала Зерити, нормальный человек назвал бы благородным. Огромный широкий лоб нависал над сурово сдвинутыми бровями. Скулы были слишком широки, и потому нижняя челюсть, квадратная, как доспех аквилонских рыцарей, казалась маленькой по сравнению с ними. Рот был похож на шрам, столь тонки были его губы, а глубоко посаженные глаза были маленькими и злыми.

Едва Зерити сдула пыль и каменное крошево с этого еще не оконченного лица, губы шевельнулись и заговорили с ней.

— У меня было множество тел и форм, — проскрипела статуя неживым, глухим голосом. — Я принимал тот облик, который более всего подходил к тем, над кем простиралась моя власть. Я думаю, нынешний мой вид и в самом деле потрясет всех этих маленьких людей наверху.

— Я буду работать не покладая рук, — пообещала Зерити.

Она встала поудобнее и принялась отделять одну из рук каменного гиганта. Выглядело это так, словно она не долбит мертвый камень, а высвобождает из плена какое-то древнее живое существо, запрятанное в него.

— Это будет самое прекрасное из твоих воплощений, — сказала она, орудуя долотом. — Самое... могучее.

Губы идола улыбнулись.

— Видела бы ты мое тело, когда я правил одной древней расой еще до того, как вулканы затопили землю потоками лавы, — заявил он. — Вот оно было действительно могуче. — Мягкий толчок, словно эхо далекого землетрясения, сотряс гробницу, и каменная голова отделилась от колонны, вращаясь на толстой жилистой шее. — Но для этой каморки оно было бы слишком велико.

— Неисчислимы века твоей жизни, — пробормотала Зерити, трудясь над пальцами руки. — А могу я спросить, великий повелитель, где твоя изначальная родина?

Идол, чуть нагнув голову, глянул на ее маленькую фигурку.

— Я — силурианин, — ответил он.

— О, — выдохнула Зерити. — Я даже никогда не слышала о мире по имени Силурия. Но я знаю, что в нашем мире ты возник прежде всех созданий, вызвав к жизни все живое.

— Да, — проскрежетал Джакала, — я был среди первых, я появился вместе с Тсатхоугой,

Бокругом и Сэтом. Когда-то давно мы были почти братья — Сэт и я.

— И так будет снова, мой повелитель, — отозвалась Зерити. Сметя пыль, она спрыгнула с сундука и отошла поодаль, чтобы вдоволь полюбоваться высеченной рукой. Джакала с легким хрустом высвободил руку из камня и, поверив ею перед своими маленькими глазами, протянул к Зерити. Она вздрогнула — то ли от удовольствия, то ли от боли, когда каменные пальцы сжали ее плечо. Молот и долото выпали у нее из рук.

— Какая мощь заключена в твоих руках, мой Джакала! И какое счастье — чувствовать тебя! — выдохнула ведьма в упоении и восторге. Вскочив на сундук снова, она с еще большим жаром принялась за работу, высвобождая вторую руку идола. — Мой возлюбленный скоро будет со мною, — бормотала она. — Будет весь, с ног до головы, и тогда я... почувствую на себе не только его руки, а еще кое-что... Да, уж над этим-то я постараюсь... Идол милостиво улыбнулся, слушая ее бормотание.

— Не разорвешься ли ты надвое, моя жрица? — проскрипел он. — Может быть, для этого больше подойдет живая человеческая плоть, а не камень?

— О да, и это тело все ближе к нам, — отозвалась Зерити. — Я уже говорила тебе о нем. Тебе доставит удовольствие выйти в Верхний мир в его облике, ибо слава его среди смертных велика и в иных землях его опасаются даже боги. И все же мне больше нравится это... — Она погладила запыленной ладонью камень. — Ну вот, теперь ты можешь высвободить и эту руку!

— Думаю, мне будет легко воплотиться в того смертного, если он так силен и велик, как ты говоришь, — задумчиво обронил Джакала, разглядывая свою вторую руку.

— О да, вполне, — кивнула Зерити. — Лишь бы он добрался до нас целым и невредимым. И все же, — добавила она, критически оглядывая результаты своих усилий, — мне очень, очень нравится это каменное тело. Какая мощь! Какая несокрушимость! Ну разве может с ним сравниться бренная человеческая плоть! С каким восторгом я отдалась бы в твои каменные руки!

— Ах вот как!

Тихий смешок, схожий с отдаленным раскатом грома, прозвучал под куполом гробницы. Камень зашевелился, и из него, выворачивая обломки и поднимая тучи пыли, вышел древний бог — живая каменная плоть, налитая силой скалы, чьи корни уходят к центру мира. Легко, как пушинку, подхватил Джакала ведьму на руки — и понес к темно-желтому алтарю.

Глава 19

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛОТОС

Тропа прихотливо извивалась меж камней и редких деревьев, поднимаясь все выше в гору. Позади был помеченный костями караванный след, позади остались зловонные болота и джунгли. Путешественники продвигались все выше по реке и теперь ехали глубоким скалистым ущельем, где каждый шаг и каждое слово отражались от отвесных скал многократным эхом.

У водопада с лодками пришлось проститься. Люди были не в силах тащить на себе вверх размокшие пироги, а лошади — те, что не пали от истощения или ядовитой травы, — еле волокли тот небольшой груз, который остался от каравана. Лучше всех держался могучий жеребец Конана — варвар, зная, как много зависит в дороге от лошади, не перегружал его. Вдвоем они раз двенадцать спускались и поднимались по водопаду, втаскивая вещи или тех, кто не в силах был подняться сам.

Над водопадами воздух был значительно чище и свежее. Лошади устремились к холмам, заросшим зеленою травой, и полдня ушло на то, чтобы они наелись и напились вволю. Внизу ядовитым облаком расстилались джунгли, и, оглядываясь на них, путники изумлялись, как они продержались в них столько дней.

Теперь перед ними лежали травянистые холмы, меж которых все так же тек Стикс, темно-коричневый и неглубокий. Через несколько дней петляния среди холмов, когда и люди, и животные немного отдохнули, Конан решил снова строить лодки.

По его настоянию ни один из взятых с собой топоров, молотов и прочих инструментов не был выброшен в пути, и теперь все это пригодилось как нельзя более кстати. Холмы и степь были полны дичи, душистые запахи трав исцеляли тело и душу, и работа, сначала вялая и медленная, скоро начала спориться в умелых руках асгалунских мастеров. Труднее всего оказалось добыть дерево и напилить досок, но, когда это было сделано, строительство уже не останавливалось и на полдня.

Результатом их усилий были две широкие плоскодонки и несколько маленьких узких лодочек под поклажу. От большого отряда осталось не более трехсот человек, так что им нетрудно было разместиться в двух больших лодках-баркасах. Лошадей решили вести берегом под присмотром самых опытных всадников — перевозить их на лодках было бы неудобно и опасно.

Эту часть пути, вероятно, можно было бы назвать самой приятной. Не потому, что она была легкой или безопасной — лодки по-прежнему приходилось вести вверх по течению, а ночью над рекой слышались и трубные кличи слонов, и рычание львов, и стук рогов полосатых антилоп, приходивших на водопой, и смех гиен, следовавших за ними в ожидании падали. Но путь сквозь ядовитые джунгли, изнуряющее ществие через пустыню и прочие неприятности последней луны не шли ни в какое сравнение с ночевками под открытым, не затуманенным небом и дневными переходами по реке, где ветер нес влагу и запахи трав.

Но не прошло и нескольких дней, как возникла новая загадка. Однажды утром лодки вышли к большому разливу, от которого отходило два совершенно одинаковых потока. Никто никогда не слышал о том, что Стикс в верховьях раздваивается, и потому определить, где здесь главная река, а где приток, не представлялось возможным. Оба потока были одинаково широкими и темными, и серебряный лотос мог расти на каком угодно.

Чернокожий Нк'ча, тоже никогда не поднимавшийся выше водопадов, утверждал, что левый рукав и есть настоящий Стикс, поскольку течет прямо с юга на север — с тех дальних гор, что

дни напролет маячили на горизонте. Тот же рукав, который он считал притоком, назывался Нктухбу и брал начало в холмах, что, по его словам, лежали где-то на юго-западе. Всем хотелось ему верить, потому что это хоть немного, но сокращало их бесконечный путь.

Конан же исходил из того, что легкий путь наверняка неверный, и, не вняв заверениям Нк'ча, выслал всадников разведать правый рукав. Он надеялся, что верховые найдут на берегу какую-нибудь новую деревню дикарей и получат у них более точные сведения. Но деревень поблизости не оказалось. Наконец Конан объявил:

— Наша миссия подходит к концу, и нам надо спешить. Скоро начнется зимний разлив, который сделает Стикс непригодным для судоходства по меньшей мере на полгода. Поэтому отсюда мы разделимся. Половина людей, лошадей и лодок под командой моего помощника Лампридиуса пойдет по правому руслу. Остальные пойдут со мной.

Он положил ладонь на плечо Каспиуса и продолжал:

— Свиток, в котором мудрый Каспиус нашел упоминание о лекарстве, утверждает, что лотос растет в самых верховьях Стикса, текущего с юга на север. Поэтому я отправляюсь по левому рукаву, а вам желаю скорейшего и удачного возвращения. Те, кто первыми найдут лотос, пусть как можно скорее возвращаются в крепость и уходят в Баалур, оставив другому отряду весть на этой развилке с двумя или тремя всадниками. Если же первым вернется отряд, потерпевший неудачу, пусть дожидается остальных у верховьев водопадов. И не теряйте времени зря: если вернетесь ни с чем — готовьте запасы еды.

Это и в самом деле походило на конец путешествия, поэтому приготовления к походу были сделаны в самый короткий срок. Наутро все вещи были рассортированы и разделены, оба отряда пожелали друг другу удачи — и разошлись. Еще какое-то время они видели друзей каждый со своих лодок, но вскоре прибрежные заросли скрыли их друг от друга.

Конан, смотревший не на удаляющиеся лодки, а вверх, тихо выругался — чтобы не услышали остальные. Он ожидал, что стервятники разделятся вместе с ними, но они всей толпой последовали за его отрядом.

И снова потянулись один за другим однообразные дни плавания. Дикари не беспокоили путешественников, их деревни встречались редко, а жители были разговорчивы, но бестолковы. Конан пытался узнать у них, куда же, в конце концов, течет Стикс, но их это, похоже, не интересовало. На языке дикарей Пунта река — а быть может, и проточная вода вообще — называлась "вапутан".

Зверей же в верховьях Стикса было куда больше, чем людей. На каждой ночевке баалурцы слышали топот копыт, фырканье, сопение, мычание и лающий смех сотен животных, приходивших на водопой в кромешной тьме безлунной ночи. Первое время шемиты с непривычки не могли спать, но вскоре как-то приспособились.

Так они плыли то меж зарослей ивняка, то окруженные со всех сторон высокой травой, то среди странных деревьев с плоскими кронами. Иногда приходилось тащить лодки волоком по отмелям, а иногда шесты не доставали до дна. А горы становились все ближе и выше.

Странные это были горы. То они маячили белоснежными шапками на фоне незапятнанно-синего неба, то одевались в желто-серые тучи, которые изредка перечерчивала молния. Иногда над их вершинами клубился черный дым, а однажды путешественники увидели, как вершина одной из гор налилась красным огнем и потекла вниз, словно расплавленный воск по свече.

Но чаще всего над ними висели сизые дождевые тучи, и Конан, увидев их с утра, обычно в этот день не позволял отряду останавливаться даже для того, чтобы приготовить еду. Он хорошо помнил, что до сезона разлива осталось совсем немного, и потому очень хотел управиться с поисками как можно скорее. С каждой грозовой тучей Стикс делался немного глубже и шире, и это очень беспокоило киммерийца, хорошо знавшего, как жадна Черная река во время разлива.

А люди его гибли даже на таком, казалось бы, бестревожном пути. Вступив в предгорья, они попали в новое извержение вулкана, и несколько лодок с поклажей было сметено потоком лавы, обрушившимся в реку. Те, кто, не слыша окриков киммерийца, кинулись спасать добро, немедленно пошли на дно, ослепленные и обожженные вскипевшей вокруг лавы водой. Еще несколько человек погибли в камнепад, хотя Конан сам сидел на руле и сумел-таки спасти лодку от самого большого валуна. Еще трое всадников сгинули в озере, что лежало меж утесов, маня чистой, незамутненной водой. Баалурцы вздумали искупаться уставших лошадей и не почуяли беды, когда вода в озере вдруг забурлила и из глубин вынырнуло чудовище — не то рыба, не то зверь — и утащило сразу троих. Еще пятеро умерли через день от ожогов ядовитых плавников.

— Проклятье! — шептал Конан, пересчитывая своих людей. — Уже на добрую дюжину меньше! И лошадей осталась ровно половина!

Гоня уцелевших всадников от озера, Конан увидел среди утесов какую-то вспышку, словно солнце взблеснуло на клинке. Киммериец взгляделся. В маленькой лужице, скопившейся над влажной илистой грязью за несколько последних дождей, плавал цветок изумительной красоты. Нижние его листья были ярко-зеленые, как весенняя листва, а сами лепестки переливались мягким серебристым светом.

В два прыжка достигнув лужи, Конан склонился над цветком и осторожно оборвал его мясистый, упругий стебель.

— Клянусь Кромом! — только и сказал он, рассматривая находку.

Неся его в лагерь, Конан раздумывал, как попал одинединственный цветок так высоко на скалу. Может быть, так растут все, и тогда надо подниматься на утесы и обшаривать их один за другим. Нигде поблизости не росло ничего подобного, хотя луж было в изобилии — вода заполняла каждую впадину. Но может, надо просто поискать?

— Что случилось с нашими людьми? Какое-то колдовство? Они вернулись все в ожогах.

Этими словами встретил Конана старый лекарь, который уже осмотрел пострадавших. Он почти ничем не мог им помочь, разве что смягчить боль жирной мазью, которую и делал, разминая в ступке какой-то корень, когда подошел киммериец.

— Просто поплатились за собственную глупость, — отозвался Конан. — Там в глубинах живет древняя ядовитая тварь, а они полезли купаться лошадей прямо над ее логовом. Но посмотри, что я там нашел!

— Митра всемогущий — серебряный лотос! — вскричал старый лекарь, едва не выронив свою ступку. Благоговейно приняв цветок из рук варвара, он поднес его к самым глазам, чтобы рассмотреть получше. — И какой прекрасный запах! Ты говоришь, что нашел его прямо на скале? Должно быть, семечко занесло туда ветром, ведь он не может расти без воды.

— А если они так и растут — прямо в горах? Завтра же я пошлю людей, а ты займешься сушкой. Мы наберем их столько, сколько успеем.

— Да, может быть, и в горах... где-нибудь выше на склонах, — задумчиво ответил Каспиус. — Разумнее всего будет послать людей и в горы, и вверх по реке.

— Ну, по реке я могу подняться и сегодня, — отозвался Конан. — Я послал троих с лодками на озеро — вдруг выловят хотя бы трупы, чтобы можно было их достойно похоронить. Мы там обшарим каждую щель — и, если будет на то воля Крома, вернемся в лагерь с лотосом.

Взяв с собой достаточно людей и несколько легких лодок, Конан поднялся по протоку к озеру, но поплыл не на тот край, где вздумали купаться всадники, а на дальний конец, теряющийся среди скал. Рядом с ним на носу восседал Нк'ча, любопытный, как малолетний ребенок. Цветок лотоса был показан всем и каждому, и чернокожий воин, уяснив наконец, за чем плывут по реке белые люди, возгорелся желанием первым найти священный цветок.

Чернокожий воин вообще старался держаться поближе к Конану, величая того Властелином

Черной реки и всячески выказывая ему свое восхищенное почтение. Эти огромные, плюющиеся молниями, огнем и пеплом горы внушали ему ужас куда больший, чем его родные джунгли, и он надеялся, что избежит смерти, если будет всегда рядом с избранником его бога-крокодила. Потеряв при извержении значительную часть еды, шемиты роптали, что, мол, опасно жить бок о бок с людоедом и следует прогнать его на все четыре стороны, но Конан ничего и слышать не хотел. Нк'ча сказал ему как-то, что видел эти горы и цветы живого серебра во сне, и киммериец понял, что молодой воин тоже должен сыграть до конца свою роль в этом полумистическом путешествии.

Но, исходив озеро вдоль всего безопасного берега, они не нашли больше ни одного цветка. Конан заметил еще один узкий проток, уходящий прямо в скалы, и направил лодки туда — но потерпел неудачу. За утесами было крошечное новое озерцо, лодки ткнулись носами в травянистый берег. Конан огляделся: и здесь росли одни только камыши.

— Стикс подшутил над нами, — сказал он горько.

— Быть может, и нет, — отозвался Каспиус, вылезая из лодки. Пробравшись через шелестящие стебли, он решительно направился через луг. — Смотрите, там новый проток!

Конан махнул рукой людям и осторожно, по своему обыкновению готовясь встретить любую опасность во всеоружии, направился вслед за лекарем. Тот вышел к небольшому быстрому ручью, скачущему через луг по каменистому руслу.

— Вода холодная, — объявил Каспиус, пробуя ручей ладонью. — Но не такая холодная, как если бы этот поток рождался на леднике. Должно быть, его питают родники, что текут где-то выше в горах. Надо пройти вверх по его течению, к тем утесам.

Сумерки уже сгущались, и всем в первый момент показалось, что ущелье меж высоких утесов полно льда. Подойдя поближе, они увидели небольшой разлив, заполнявший впадину. Сюда низвергался с немыслимой высоты звонкий водопад из нескольких струек, а излишек воды вытекал по тому ручью, вдоль русла которого они пришли.

Здесь, в кристально-чистой проточной воде, чуть покачивалось на мелких волнах от водопада то, что они вначале приняли за глыбы льда. Это были цветки серебряного лотоса. Они сияли ясным бело-голубым светом, и золотые искорки дрожали в каждой чашечке.

Каспиус стоял, безмолвно созерцая эту несказанную красоту. Но Конан, не столь склонный к простому любованию, обернулся к застывшим людям и хрипло выговорил:

— Факелы сюда! И лодки! Мы нашли его.

Глава 20

ЦЕРЕМОНИЯ

Бандар-Хак, старший жрец Сэта, неторопливо шел по ярко освещенной улице. Баалурцы, пытаясь спастись от мучительной тьмы ночных часов, последние пол-луны освещали город столь ярко, что в небе над ним стояло зарево.

Кошмары превратили людей в бледные тени, многие вместе с покоем утратили разум. И если до сих пор одна половина города не пошла войной на другую, то только потому, что ни у кого на это не было сил. Каждый сидел в клетке своего собственного безумия, не понимая и не воспринимая безумия окружающих.

На все это равнодушно взирал Бандар-Хак. Известный в Баалуре как жрец Митры и служитель третьего уровня посвящения секты официанцев, он был мучим наихудшими кошмарами из всех возможных. Но это так же мало его заботило, как и страдания окружающих. Это было всего лишь показателем того, что все идет так, как задумано.

О его принадлежности к Черному Кругу знали единицы. Каждый хайборийский правитель рано или поздно обзаводился своим личным магом — ради золота, славы или иных чаяний. И в девяти случаях из десяти этот маг был стигиец. Тайные храмы Великого Змея существовали во всех крупных городах, и вход туда был доступен лишь избранным, свято чтящим волю не правителей городов и государств, но прародителя своего Сэта.

Последнее время все баалурцы как один стали невероятно набожны, и храмы Митры и Дагона были день и ночь переполнены людьми, умоляющими избавить их от ужасной кары. На это Бандар-Хак лишь улыбался тонкими губами: наконец-то эти людишки почувствовали силу Сэта, имеющего неограниченную власть над смертными.

Итак, власть его тайного культа становилась все более и более ощутима, и многие начинали — кто тайно, а кто явно — искать покровительства стигийского бога. Зная о нем как об уроженце Луксура, богачи Баалура уже не единожды обращались к Бандар-Хаку, предлагая любые богатства и власть за одно лишь словечко молитвы Великому Змею. Он изображал невинность и неведение, но в душе радовался этим признакам растления умов, и еще более радовались им его великие Мастера, высшие жрецы Черного Круга.

Жрец был осведомлен обо всем, что происходило в эти дни в Баалуре. Он слышал о том, что королева и король, не смыкая глаз, сидят над постелью умирающей дочери. Он знал о бело-черных голубях, из последних сил долетающих до дворца с вестями о путешествии Конана. Бандар-Хак видел, как ненадежны и слабы стали городские власти, поскольку члены магистрата были так же больны, как и простые граждане. Он знал, что высшее командование армии — включая и военачальника Шалманзара, как раз недавно вступившего в храм Сэта, — не способно ни воевать, ни защищаться. Баалур был похож на спелое яблоко, и стоило только потрясти дерево, чтобы плод упал вниз. Зная все это, и Бандар-Хак, и остальные служители Сэта, разбросанные по всему Шему, были готовы в любой момент пустить в ход все средства: золото, оружие, шантаж и убийство. Баалур, жемчужина Шема, в скором времени должен был украсить корону владыки Стигии. Это сулило Бандар-Хаку если не пост первого жреца, то по крайней мере высокую награду.

Его очень забавлял им самим придуманный трюк — распустить по городу слух, будто в нынешних несчастьях Баалура повинен не кто иной, как королева Руфия. Отчасти это было правдой: у нее действительно были какие-то свои счеты с Зерити. Но, как известно, полуправда всегда хуже, чем ложь; и уже находились те, кто в отчаянии проклинал королеву, еще недавно

столь всеми любимую.

Бандар-Хак слышал от многих людей разнообразные варианты их снов, но ему всегда снилось одно и то же: он видел огромный храм с цветным мозаичным полом. Посреди храма стояла Зерити — всем известная в Стигии ведьма, одетая в длинное черное платье верховной жрицы. Она стояла у подножия трона, высеченного из цельного кроваво-красного рубина, и в руках у нее был испачканный в крови кинжал. А на троне восседал некто, кого Бандар-Хак никогда не мог как следует разглядеть — столь темен и бесформен был его облик. Но в последнее время этот некто в его снах стал обретать видимые черты.

Более всего его пугало то, что у темного бога было его лицо — лицо Бандар-Хака.

Проходя темным порталом храма Митры, тайный жрец Сэта удивился, что фонари не горят и не видно даже младших служек. И это вызвало у него улыбку: в тяжелые дни каждый молится сам за себя. К тому же он никогда не верил в реальное существование солнечного божества. Изначально в мире царила тьма — все остальное было лишь ее всевозможными проявлениями.

Запустив руку в темную нишу за спиной безымянного идола, Бандар-Хак вытащил из тайника маленький ключ с затейливой бороздкой в виде свернувшейся змеи. Повернув этот ключ в щели камня, ничем, казалось бы, не отличавшегося от соседних, он открыл потайную дверь. Вниз вели ступени. Спустившись, он прошел небольшой галереей и оказался среди истинных жрецов Истинной Веры. Все были в сборе и ожидали только его.

Он никогда не видел их лиц, ибо на все собрания было принято являться в масках. Но без труда узнавал их на улицах — как всегда узнают друг друга приверженцы Сэта. Все они занимали видные посты светской и духовной власти.

— Вемо тенгу Сеа эт! — приветствовал его появление дружный хор голосов. Двое могучих, почти нагих мужчин стояли по обе стороны темного алтаря. Между ними, закрыв маской лицо, сидела на цельной плите зеленого камня та, что исполняла сегодня обязанности жрицы. Действие началось, и женщина, нагая, возлегла на алтарь. Над ней склонились те, что стояли у алтаря.

Присутствующие жадно ловили каждый жест. В ее руке сверкнул золотом клинок, она надрезала себе кожу под левой грудью. Показалась кровь. Бандар-Хак, не раз присутствовавший на подобных действиях, смотрел скорее на окружающих, чем на троих у алтаря. К тому же его мутило от вида крови. Но, бросив случайный взгляд на содрогавшуюся на алтаре женщину, он вдруг увидел, как ее золотые волосы почернели, а маска исчезла с лица. Теперь это была Зерити.

Он стоял, словно примерзший к полу, не в силах отвести от нее взгляда. Она улыбнулась ему бескровными губами. Двое мужчин шагнули к нему, подхватили под руки и швырнули на колени перед алтарем.

С ужасом он ощущал, как все вокруг изменилось. Исчезли люди, исчез знакомый зал, он стоял посреди гробницы, а вокруг шипели и извивались змеи. Послышался издевательский смех.

— За что?!

Больше он ничего не успел увидеть, потому что безумная вспышка боли пронзила его тело, и он с криком упал ничком на холодные камни.

Очнулся он от того, что кто-то хлопал его по щекам. Бандар-Хак открыл глаза. Над ним склонились люди в темных одеждах. Женщина на алтаре снова была золотоволосой оффиркой, и никаких змей не было и в помине.

Бандар-Хак был посвящен в куль Сэта еще ребенком и никогда не боялся змей. Более того, в его доме в Луксуре жило их не менее двух десятков. Что же за наваждение посетило сейчас его? Он содрогнулся, почувствовав, как что-то холодное обвилось вокруг его ноги, — но нет, это просто кто-то коснулся его кожи металлической пряжкой сандалии.

— Прошу прощения, мне что-то нехорошо, — пробормотал он. Ему сочувственно закивали, поставили на ноги. Он прислонился плечом к колонне и кивнул, давая понять, что с ним уже все

в порядке. Церемония продолжилась. Кровь женщины была собрана в золотую чашу, ее торжественно дали выпить золотому изображению Великого Змея. А Бандар-Хак гадал: неужели же Сэт решил так испытать своего преданнейшего слугу?

И снова перед его глазами возник тот рубиновый трон, но теперь на нем лежал всего лишь длинный узкий ящик — ларец из холодного камня. Словно повинуясь чьей-то воле, которая была сильнее его собственной, он приблизился, протянул руки и откинулся крышку, холода при мысли, что ящик, быть может, наполнен змеями. Но змей там не было.

Столпившиеся вокруг него приверженцы Сэта тщились заглянуть в ящик через его плечо. Испуганный шепот пробежал по рядам. "Джакала, — шептали они. — Джакала!"

В ящике лежал крокодил. У него был усталый вид, словно он вернулся из долгого и утомительного странствия. Он взглянул на Бандар-Хака своими прозрачными глазами и улыбнулся огромной окровавленной пастью.

Бандар-Хак закричал, и гигантские челюсти сомкнулись.

Глава 21

ГОРОД ЗАБЫТЫХ МЕРТВЫХ

За водопадом в скале открывался лаз — вход в узкую, холодную штольню с искрящейся на стенах изморозью. Пока несколько десятков человек были заняты сбором драгоценного лотоса, Конан взял из лагеря веревки и, набрав себе в маленький отряд наиболее смуглых, отправился разведывать пещеру.

В пещере было холодно, но не настолько, чтобы не мог выдержать человек. Они шли по колено в ледяной воде, осторожно спускаясь все ниже. Час проходил за часом, а конца спуска все не было видно. Но тут Конан почувствовал голой ногой теплый ключ и позвал остальных — отогреваться.

Они спускались до самого утра, пока наконец не оказались в огромной пещере. Потолок ее уходил куда-то вверх, под самые вершины утесов. Здесь они поняли, что им больше не нужны факелы, — через множество отверстий, больших и малых, в пещеру просачивался солнечный свет, заставляя переливаться и сверкать наслоения слюды на стенах и мелкие кристаллы соли в холодной воде. Повсюду здесь слышался шум капающей, текущей, сочавшейся по камням влаги.

Пещера уходила вверх. По дну ее, перепрыгивая с уступа на уступ, сбегал поток, и путешественники решили подняться по его руслу. После нескольких часов восхождения по осклизлым камням они выбрались к самому потолку пещеры и оказались на большом леднике, из которого брал начало журчащий поток. Вокруг ледника вставали стены ущелья, столь высокие, что почти скрывали из виду белые шапки горных вершин.

Ущелье выглядело словно поле боя или сожженный восстанием город. Повсюду курились дымки, снег и лед покрывал толстый слой черного, жирного пепла. Не удивительно, что Стикс — если только это именно он брал здесь начало — был прозван Черной рекой. В этой стране льда и огня Конан, идя по снегу вдоль исходящего паром родника, заметил Каспиусу:

— Недавно ты сказал, что наш путь — путешествие в прошлое. Что ты скажешь сейчас, пройдя через болота и джунгли, которым, наверное, тысячи тысяч лет, и увидев, как самая древняя в мире река берет начало от черного снега? Не слишком ли далеко забрались мы в седую старину в поисках лотоса?

Каспиус, с большим интересом разглядывавший невиданную долину, покачал головой:

— Что ж, ради этого стоило прийти и увидеть такие чудеса, — ответил он. — Мы в начале начал, и стервятники больше не преследуют нас.

Конан удивленно взглянул вверх — и в самом деле не увидел черных птиц, чье присутствие стало для него так же привычно, как меч у бедра. Почему птицы оставили их, было загадкой. Спутники Конана, проследив за его взглядом, тоже подняли глаза и разразились восторженными воплями. Они почувствовали себя так, словно с них сняли проклятье.

Тонкий черный ручеек все извивался по льду, и Конан решил идти вдоль него. Подъем стал гораздо легче, им уже не нужно было обвязывать друг друга веревками и подтягивать по одному с уступа на уступ.

Идя мимо темных, иссеченных лавой и огненными брызгами камней, перепрыгивая по валунам, словно нарочно уложенным так, чтобы по ним удобно было ходить, Конан ощущал себя в каком-то древнем городе гигантов, нагромоздивших эти камни наподобие городской стены с множеством проходов и лестниц под ней.

Он невольно начал всматриваться в камни и заметил, что они действительно носили следы давнего присутствия здесь человека. То ему попадался кусок древней кладки, в которой камни

были скреплены подобием раствора, то он замечал где-нибудь в стороне довольно правильный круг из больших валунов — остатки фундамента сторожевой башни. А то он натыкался на истертую, полуразрушенную лестницу в две или три ступени — такие или почти такие лестницы он мог видеть в любых холмах в Баалуре или в Хоршемише. Присмотревшись, он увидел, что собственно ручей течет по остаткам древней улицы.

— Ну, а об этом говорится в твоем древнем свитке, старик? — спросил северянин Каспиуса, помогая ему подняться по крутым ступеням. — Может, там упоминался какой-нибудь древний народ, живший среди льда и огня и питавшийся одним только серебряным лотосом?

Старый лекарь рассмеялся:

— Да-да, это и в самом деле можно принять за творение рук человеческих. — Конан удивленно взглянул на него, но, похоже, старик и в самом деле не замечал всего того, что ясно говорило Конану о присутствии некогда здесь человека. — Выглядит весьма и весьма забавно. Но, уверяю вас, Конан, это все сделала природа. Ветер и вода могут подчас нагромоздить удивительнейшие пейзажи!

Время близилось к полудню. Река вела их за стены ущелья, напоминавшие иззубренный клинок. Внезапно посреди «улицы» Конан наткнулся на забавное сооружение: на большом плоском валуне, отполированном до зеркальной поверхности, возвышалось нагромождение остроугольных камней, добольно точно воспроизводящее форму отдаленного вулкана. Конан подошел, чтобы рассмотреть поближе. У него за спиной раздалось восхищенное восклицание Каспиуса:

— Удивительно! Первый раз вижу, чтобы такие комбинации выпадали случайно! Я думаю, Конан, что будет полезно привести сюда и остальных, чтобы они тоже полюбовались на это чудо природы.

Разглядывая свою находку, Конан увидел, что она похожа на вулкан только издали, а на самом деле изображает скорее дворец или храм причудливой формы. В одной из стен были уложены рядом два плоских камешка правильной прямоугольной формы — это наводило на мысль о дверях.

— Ну? — заявил Конан, указывая на них. — Это, скажешь ты, тоже шутка природы? Оглянись, наконец, вокруг — не слишком ли правильно пересекаются здесь скалы и поднимаются вверх уступы?

— Да-а, — протянул Каспиус, оглядываясь. — Похоже, здесь и впрямь потрудились человеческие руки! Быть может, какие-нибудь заблудившиеся странники вроде нас?.. Но взгляните вон туда — неужели вы скажете, что тот камень тоже обработал человек? — Он ткнул пальцем в высокий вертикальный каменный столб, до блеска отполированный ветрами. — Но, впрочем, все это следует изучить, прежде чем делать слишком поспешные выводы!

— Изучай, но будь осторожен! — отозвался Конан и знаком велел двум баалурцам держаться поближе к лекарю. — Но учти, что долго я здесь задерживаться не собираюсь! — С этими словами Конан оставил лекаря у храма, а сам пошел вперед, перепрыгивая с камня на камень. За ним торопились его люди и бились об заклад, кто первым найдет истинный исток Стиksа.

Забравшись на гребень утеса, Конан огляделся, щурясь от яркого солнца. Снег на вершинах и вдоль ущелья выглядел как-то иначе, чем утром. Конан присмотрелся...

Слепящая белизна на горном склоне была не чем иным, как сплошным ковром серебряных цветов. Они тысячами росли в каждой лужице, в каждой щелке, заполненной водой.

— Эхой, ребята! — позвал Конан. — Готовьте мешки — мы нашли то, что искали!

Шемиты с радостными криками кинулись рвать цветы, а Конан присел на камень и начал быстро высчитывать на пальцах. На сбор цветов им понадобится день, от силы — два; еще три

дня займет сушка лепестков и заготовка их впрок. Самое большое, через пять дней они смогут отплыть.

Очень скоро солдаты вернулись с мешками, полными серебряных цветов. Эти цветки были больше и пахли сильнее, чем те, что они нашли в заводи. Оставив одного из солдат сторожить сокровище, Конан осторожно взял в руки два или три цветка и вприпрыжку помчался вниз, к Каспиусу.

Но за те несколько минут, что его не было, на площади перед храмом произошли некоторые изменения. Двери странного сооружения были распахнуты настежь, а Каспиуса с двумя его стражами нигде не было видно.

Оглянувшись, Конан увидел Нк'ча. Несмотря на протесты киммерийца, тот полез-таки в пещеру вместе с ним, не желая отставать ни на шаг. Теперь чернокожий людоед лежал на камнях лицом вниз, закрыв голову руками. От него невозможно было добиться ни слова, кроме бесконечного: "Джавала! Великий Джавала!"

Заглянув в распахнутые двери, Конан увидел слабый отсвет на дальней стене и поспешил туда. Проходя быстрым шагом по коридору, он успел заметить, что повсюду здесь валяются черепа каких-то маленьких зверьков, а пол засыпан едко пахнущим порошком.

Пламя снова сверкнуло на стене, и Конан поспешил туда, предположив, что это отсвет факела Каспиуса. Длинный коридор, уводящий в глубь строения, будил неприятные воспоминания о стигийской гробнице, в которую, раз побывав, Конан не спешил возвращаться. Оглянувшись, он увидел квадратный кусочек синего неба в дверном проеме. Конан замедлил шаги.

— Каспиус, ты здесь? Мы нашли лотос!

Словно в ответ на его оклик, впереди снова мелькнуло пламя, и у Конана больше не было сомнений: это действительно факел, и его держал в руке один из оставленных при Каспиусе солдат. Вдали показались три тени, вынырнувшие из какого-то бокового коридора.

— Давайте выходите! — крикнул Конан. — Это дурное место! Лучше нам убраться отсюда поскорее. Там, наверху, целые заросли лотоса, ребята рвут его не покладая рук! Скоро сможем возвращаться в Баалур — с полными мешками цветов!

— Прекрасные вести! — отозвался Каспиус, шагавший меж двух своих стражей. Я тут попытался кое-что осмотреть — это будет для вас любопытно, Конан. Идите сюда и взгляните!

Лекарь говорил, указывая на что-то у себя за спиной. Шемиты, сопровождавшие его с факелами в руках, выглядели так, как будто только что увидели саму смерть. Конан выругался и пошел посмотреть, что же такое обнаружил придворный лекарь.

Троица стояла на краю бассейна, наполненного горячей водой — это Конан мог определить даже с расстояния в несколько шагов. Вокруг по стенам были развесаны горящие лампы, скорее сгущавшие темноту, чем рассеивавшие ее. На поверхности воды плавало нечто невероятно похожее на яйцо, острое с одного конца и тупое с другого, — но в пять раз больше человеческого роста. Оно чуть покачивалось на мелкой волне бассейна, но выглядело так, словно было каменным.

Внезапно прямо на глазах у людей по скорлупе пошла огромная трещина. Раздался треск, появилась новая трещина, за ней еще одна и еще. Выглядело это так, как будто на свет собирается выплыть птенец птицы Рух.

— Мне кажется, мы присутствуем при рождении чего-то необычайного, — торжественно проговорил Каспиус, глядя на то, как птенец — или кто бы то ни был — раскачивает яйцо, силясь взломать скорлупу. На лице старого лекаря не было и тени страха, одно лишь любопытство ученого. — Мне рассказывали, что именно так появляются на свет новые миры — начиная с яйца, затем превращаются в червя, затем в рыбу, затем в человека. Давайте задержимся

и посмотрим, что будет.

Но Конан почему-то не разделял восхищения Каспиуса. Он чувствовал, что нечто, появляющееся сейчас на свет, представляет собою скорее опасность, чем подходящий объект для наблюдения. Внезапно скорлупа распалась надвое, и в воду вывалилось что-то бесформенное. Оно плеснуло по воде хвостом, и Конан уже было подумал, что лекарь оказался прав, но тут на краю бассейна появилась гигантская морда, вся в темной слизи, и из воды выпростались две когтистые лапы.

— Назад! — взревел Конан, отпихивая от воды солдат.

Но Каспиус, спокойно стоящий у самого бассейна, и не думал уходить.

— Смотрите, смотрите! — все более воодушевляясь, говорил он. — Плавники превратились в лапы. Отсюда мне видно, как у него укорачивается хвост! Оно меняется с каждой секундой!

Но Конан не желал смотреть на то, как отваливается хвост у непонятного чудовища. Руки у него были заняты цветами, поэтому киммериец кивнул стражам:

— Хватайте его и волоките отсюда! Хватит, насмотрелись!

Солдаты шагнули ближе к лекарю и уже подхватили его под руки, но чудовище в бассейне тоже не теряло времени даром. Рванувшись вперед со скоростью ящерицы, оно мигом оказалось на краю бассейна. Пасть его уже совершенно оформилась, более того, огромные челюсти были усеяны вовсе не младенческими зубами.

— Видите! — торжествуя, восклицал Каспиус, в то время как двое баалурцев оттаскивали его назад. — Это уже не рыба! Это настоящая ящерица!

— Идем, старик! — тормошил его Конан. — Какая тварь тебя укусила, что ты стоишь здесь и смотришь, как просыпается этот демон?! Ты слышал? Мы нашли лотос! — он сунул благоухающий цветок прямо под нос лекарю. — Пора возвращаться домой!

Вдохнув аромат цветка, Каспиус вдруг замер и одеревенел, на мгновение ослепнув и оглохнув.

Тем временем гигантская ящерица уже полностью вылезла на сушу, по-крокодильи ковыляя вслед за ними. Она была вообще очень похожа на крокодила, но с более короткой пастью и хвостом. В ее извивающихся движениях было еще что-то от рыбы.

Трое мужчин почти волоком тащили обмякшего лекаря по коридору, изредка с тревогой оглядываясь на преследовавшую их тварь. А рептилия с каждым шагом все вытягивалась, конечности ее удлинялись, голова становилась все меньше и круглее. И, хотя монстр по прежнему бежал на четырех лапах, его скорее можно было назвать слоном, а не ящерицей.

Спасительный выход был все ближе, а визг чудовища у них за спиной все больше и больше походил на человеческую речь.

— Вот так в давние времена восставал я из праха, принимая новый облик! Так возвышался я над всеми, так становился богом!

Конан изумленно обернулся, не веря своим ушам. Мало того, что эта тварь разговаривала, — она еще и говорила по-шемитски! Слова невероятного для этих мест языка эхом отскакивали от стен коридора.

Конан, волоча почти бесчувственного Каспиуса, вдруг ощутил, что в этом проклятом месте оживают все страхи и темные сны. Только в ночном кошмаре могло присниться, что рыба превращается в ящерицу, а ящерица — в бога. Подгоняемые страхом, они передвигались быстро, очень быстро, но тварь не отставала ни на шаг — и это тоже очень походило на ночной кошмар. С каждым шагом чудовище становилось все больше, и Конана посетила шальная надежда, что в конце концов оно раздуется до таких размеров, что не сможет протиснуться в квадратные двери гробницы.

— Отныне знайте и бойтесь меня, смертные, ибо я — Джакала-силурианец! Первым вышел

я из моря, чтобы породить плеяду тех, кто вечно правит миром!

Последнее слово прозвучало раскатами грома. Где-то посыпались камни. Огромный язык длиной в человеческую руку змеиным жестом коснулся одного из шемитов. Тот вскрикнул, словно его ужалил в шею скорпион. Шатаясь, он прошел еще несколько шагов по коридору, пока не упал прямо перед развертой пастью Джакалы. Челюсти сомкнулись, раздался громкий глотающий звук, затем снова послышался громоподобный голос:

— Зрите милость Джакалы! Бегите меня или пытайтесь сражаться со мной. Но знайте одно: я возродился вновь и я буду править единовластно в вашем мире смертных!

Но Конан с Каспиусом были уже у дверей. Подтолкнув к выходу второго солдата, Конан выскочил из гробницы. Позади, громыхая по коридору огромной взглянул на приближающееся чудовище и снова уткнулся лицом в камни. Конан пнул его под ребра.

— Вставай, парень, вставай живее и беги! Твой бог проснулся и теперь жрет всех, кого увидит! — Остановившись рядом с тяжело дышащим Каспиусом, Конан оглянулся на храм-гробницу. — Но по счастью, он, кажется, там застрял.

Но это было не так. Джакала, одним движением могучих плеч разворотив вход в гробницу, вырвался наружу.

Снова распахнулась гигантская пасть и снова сомкнулась — на этот раз над неподвижно простертым на земле Нк'ча.

Но на этот раз человек остался жив. Отвратительно-розовый язык лишь чуть коснулся его головы — и словно лиловая молния слетела с самого ее кончика.

— Смотрите, смертные! — проскрипел урод. — Джакала может убить его, а может и одарить своею милостью. Истинно верующим нечего опасаться своего бога, покуда они преданы ему душой и телом.

Чудище замерло перед входом, вдыхая свежий воздух и впитывая всей кожей солнечный свет, которого оно было так долго лишено в своем заточении. Конан, убедившись, что ни он, ни шемиты недостижимы сейчас для гигантского отвратительного языка, рванулся к Нк'ча, по-прежнему неподвижно лежащему на земле. Но прикосновение Джакалы внезапно изменило чернокожего воина. Он стал бледнеть, волосы его начали стремительно расти — и через несколько мгновений перед изумленным Конаном стояла не кто иная, как Зерити.

Преображение оставило ей одежду и боевую раскраску кешанского воина — ожерелье из черепов птиц, яркие перья и набедренную повязку из шкуры леопарда. Ведьма улыбнулась, демонстрируя знакомый ряд остро отточенных зубов.

— Приветствую вас, путники, — сказала Зерити голосом, уже слышанным киммерийцем во сне. — Мой могучий варвар и его ученый друг! Не бойтесь за вашего проводника Нк'ча, ибо он — истинно верующий. Прикосновение Джакалы священно, он может вынуть душу из тела своим розовым языком, а может и вложить ее.

Конан было нацелился копьем ведьме в грудь — но вовремя раздумал. Однажды он уже не смог убить ее. К тому же перед ним могла быть и не она, а ее сущность, наложенная поверх тела Нк'ча.

— Ну, мой бесстрашный киммериец, — продолжала ведьма, смеясь Конану в лицо, — что же ты не проткнешь меня своим копьем? Подходи ближе и пронзи мя! — она раскинула руки, покачивая бедрами. — Но знай, что к твоим ногам упадет всего лишь мертвый людоед, — и то только тогда, когда я этого захочу!

— Что тебе надо от нас, ведьма? — угрюмо спросил Конан. — Зачем ты пришла сюда? Посмеяться?

— Нет, я пришла поблагодарить премудрого Каспиуса! — Зерити насмешливо поклонилась лекарю. — Без его помощи я никогда не смогла бы пробудить моего бога! — Она повернулась и

склонилась перед уродом гораздо почтительнее и ниже. Тот только бессмысленно таращился на нее лягушачьими глазами.

— Если Каспиус что-то и сделал для тебя, — начал Конан гневно, — то только потому, что ты его заколдовала!

— Мои сны! — простонал вдруг старческий голос рядом с ним. Конан обернулся и почти подхватил на руки пошатнувшегося лекаря. — Мои бесконечные кошмары! Вы бы тоже обезумели, Конан, если бы видели их все эти месяцы — каждую ночь, как вижу я, нет, как видел, слава Митре!

— Тебе всю дорогу снились кошмары? — изумился Конан. — Даже после отъезда из Баалура?

— Да, увы! После отъезда они стали только еще хуже! Сколько раз я просыпался, зажимая себе рот, чтобы не кричать! Простите, простите меня! Только когда я по-настоящему вдохнул запах лотоса... — Он снова поднес огромный цветок к лицу. — Да, в моей голове наконец-то прояснилось. Он и вправду лечит от этого ужаса!

— Противоядие от моих чар уже не имеет значения, — рассмеялась Зерити, наблюдавшая за ними все это время. — Баалуру больше не понадобится серебряный лотос. Все, чего я добивалась, я получила — вы оба здесь, у колыбели Джакалы, в самом сердце мира! И как ты думаешь, мой грозный воитель, — продолжала Зерити, глядя на Конана зелеными развратными глазами, — для чего я привела тебя сюда? Ты станешь моим даром Джакале в день его появления на свет! Ты станешь его плотью, его телом, твоя бренная оболочка будет вместилищем его бессмертной души! Ты, несомненно, вернешься в Баалур — если хочешь, даже с лотосом, но доставишь туда куда лучший дар, чем охапку блеклых лепестков! Ты принесешь туда веру, ибо я избрала Баалур будущей столицей королевства Джакалы, будущей столицей мира! Пусть король Афратес и Руфия станут первыми правителями от его имени, а их маленькая дочь — юной невестой бога! А я, я стану жрицей Джакалы, тихим голосом истины и мудрости, той, что разнесет его славу по всем хайборийским королевствам!

И голос за спиной Зерити, голос бога-чудовища, проскрипел:

— Слушайте ее, смертные, ибо так все и будет! Некогда рожденный в ином мире, я правил в ином мире, став королем-богом всех тварей ползающих и скользящих в теплой жиже, всех ящериц и крокодилов. Но в мире, где звери, умеющие почитать бога, ходят прямо, я тоже будуходить прямо!

Зерити и ее бог-ящерица произносили свои речи, но Конан не терял даром времени. Пока они с Каспиусом разглядывали рождение бога под землей, жерла вулканов начали наливаться жаром — причем более других раскалялся ближайший к храму, словно чудовище, проснувшись, разбудило и его. Дальний гром смешивался с сотрясениями земли, черный дым валил из жерла все сильнее.

Обеспокоенные всем этим, люди Конана бросили собирать лотос и поспешили на помощь своему командиру. Завидев отвратительную огромную тварь еще издалека, они пустились бегом, но Конан крикнул им, вскинув руку:

— Держитесь подальше! Этот суп придется черпать длинной ложкой! Приготовьте копья и обходите тварь с краю!

Джакала с ревностью, неожиданной для такого грузного тела, развернулся к людям.

— Смертные! — расхохотался он — На меня идут смертные! Ну, северянин, смотри, сейчас они будут подчиняться мне так же легко, как и тебе!

С этими словами тварь прыгнула, но не на воинов, а на Конана. Пасть распахнулась, наружу вывалился ужасный язык — и киммериец едва успел отшатнуться, чтобы избежать его прикосновения.

— Каспиус!

Лекарь, стоявший рядом с Конаном, был не так скор, как варвар. Розовая масса языка отшвырнула его с дороги, словно щепку, по счастью, не задев кожи. Каспиус кубарем полетел на камни и замер, неподвижный и еле живой.

— Ты заплатишь мне за это своей гнилой печенью, мерзкая тварь! — вскричал Конан, выхватывая меч и бросаясь вперед. — Эй, вы там, не зевайте! Вперед, во имя Крома!

Чудовище снова разинуло пасть — и в нее со всего размаху влетело копье, вонзившись острием в розовую мякоть.

От вопля урода содрогнулись горы. Челюсти щелкнули, и копье переломилось в гигантской пасти. Дико вращая рыбьими глазами, Джакала выплюнул обломки копья и двинулся на обидчиков. Люди Конана перебегали с места на место, стараясь снова-попасть копьем в глаз либо в язык уроду, а он метался среди них, как ящерица среди муравьев. Один за другим баалурцы исчезали в его гигантской пасти.

— Назад! — крикнул Конан. — Возвращайтесь к реке! Он решил, что с чудовищным богом разберется позже — если сумеет. А сейчас важнее всего было доставить в лагерь найденный лотос.

Джакала, на миг замешкавшись, был вдруг оттеснен в сторону одним из копейщиков. Оказавшись у реки, он вдруг нагнул свою мощную шею и принял жадно пить — так, словно не пил столетия.

Глядя на его тяжело ходящие бока, Конан с ненавистью подумал: "Сейчас я тебя напою! Ты больше никогда не захочешь пить после этого!"

Быстро распорядившись катить валуны и камни, он с шемитами плотно заложил старое русло ручья. Джакала в недоумении уставился вверх, откуда стекала струя водопада, но увидел там лишь ухмыляющееся лицо киммерийца. Исполнясь ярости, жабий бог начал карабкаться наверх, чтобы добраться до врага. И тогда первые струйки ручья, переполнив запруду, потекли вбок, прямо по мягкому базальту склона вулкана.

Словно тысячи разгневанных змей разом зашипели со всех сторон. Завеса белого пара, вырвавшаяся из камней, вмиг окутала непроницаемым саваном и бога, и шемитов. Джакала замотал головой, не зная, в какую сторону кидаться. То здесь, то там начали взрываться маленькие гейзеры. В бога полетели обломки скал и камни, он съежился, отчаянно ревя.

— Ну, а теперь все вместе! — вскричал Конан. — Камнями, копьями и всем, что попадется под руку!

Выкатив из запруды особенно большой камень, Конан и еще трое шемитов сбросили его на голову отвратительной твари. Копье киммерийца, просвистев в воздухе, вонзилось в шею чудовищу. Остальные зашивали его чем придется, крича и пританцовывая.

— Уходи, уродливая жаба! — кричал Конан. — Убирайся в свою могилу! — Тебе не справиться и с головастиками, не то что с людьми!

Шаг за шагом баалурцы теснили бога обратно к гробнице. Он отступал под их яростным натиском все дальше, пока наконец не развернулся и не исчез в глубине коридоров.

— Теперь волоките камни, и давайте закроем этот склеп! Там ему самое и место! — Подавая пример, Конан приволок огромный валун. — Попробуем сдвинуть двери, а если не получится, завалим камнями!

Но, к их удивлению, массивные створки легко подались и закрылись, словно шемиты привели своими усилиями в действие древний механизм. Едва был навален сверху последний камень, как от ручья послышался хорошо знакомый голос:

— Идиоты! Шакалы дети! Выродки гиен! Я еще отому вам! Вы пожалеете, что появились на свет!

Над ручьем стояла Зерити, по-прежнему в одежде чернокожего. Во время битвы она внимательно следила за исходом, а увидев, что бога загоняют обратно в гробницу, поспешила спрятаться.

Солдаты обернулись к колдунье. Ее здесь знали все без исключения, поэтому не менее двух дюжин камней полетело ей в голову.

— Не делайте этого! — крикнул Конан. — это лишь ее призрак! Вы попадете в Нк'ча! — Он обернулся к Зерити: — Что тебе надо от нас, ведьма? Уходи!

Зерити улыбнулась, обнажая белые зубы. — Конечно, я уйду! Но посмотрите, вы растревожили подземных духов. Если они выпустят вас отсюда живыми, мы еще увидимся... Через год или, может, через два — раньше вы домой не доберетесь. Но когда вы наконец явитесь со своим лотосом, будет уже поздно. Я с удовольствием посмотрю на ваши лица, когда вы увидите, как мало осталось от некогда красивого города.

— Твой бог снова в своей гробнице, ведьма, — зло сказал Конан. Он чувствовал свою беспомощность против этой жрицы темных сил, которую не мог даже ранить, ибо она носила чужое тело. — От твоего королевства ничего не осталось.

— Мой бог, ха! — рассмеялась Зерити. — Он оказался слабаком! Ошалел от солнца... А я вернусь к Сэту — юной и еще более прекрасной, чем теперь! И помни, что твой путь обратно в Баалур лежит теперь через мои земли, земли Черного Круга! Верховная жрица Сэта... да, это хорошая мысль! Но у меня еще остались кое-какие дела, поэтому — прощайте!

Зерити исчезла. На том месте, где она стояла, остался лежать на земле Нк'ча.

Конан бросился к Каспиусу — и вскоре нашел его, помятого, с парой переломанных ребер и всего измазанного липкой розовой слизью. Но лекарь был жив и, когда Конан осторожно потряс его, застонал и открыл глаза. Увидев склонившееся над ним лицо киммерийца, Каспиус пробормотал:

— Какой же я был дурак... Целую жизнь честного служения науке положить за предательство... Я слишком слаб и стар.

— Не так уж ты оказался и слаб, старик! — рассмеялся Конан. — Можешь считать себя героем: Джакала снова в гробнице, и первый его удар на себя принял ты! — Поддерживая лекаря под руку, он довел его до собранного лотоса и заставил сесть рядом с мешками. — И служение твое еще не кончено! Надо привезти лотос в Баалур. Ты испытал его на себе — пора им вылечить всех остальных!

Трупы убитых погребли в жаркой лаве расселины вулкана. По счастью, проснувшаяся гора не разверзлась по склонам, и большая часть зарослей волшебного лотоса не пострадала. В любом случае собрано его было уже изрядное количество.

— А теперь — в лагерь! — скомандовал Конан. — Нам предстоит перебрать и просушить это все! Чем скорее мы двинемся в обратный путь, тем скорее окажемся дома!

Глава 22

СНЫ И ЯВЬ

Ранним утром принцесса Исмаэла неожиданно проснулась. Яркий солнечный свет потоком лился сквозь шелковые занавески и теплой лужицей лежал на ее розовом одеяле. Жмурясь, она потянулась и, откинув одеяло, соскочила с постели. Солнечные зайчики, отражаясь от хрустального кувшина на ее туалетном столе, весело прыгали по стенам и потолку.

Утопая босыми пятками в пушистом ковре, она побежала к окну и распахнула створки. Солнце щедрым потоком заливало дворцовый сад, еще не высохшая роса на цветах переливалась, подобно бриллиантам. На все лады свистали птицы, в воздухе плыл запах дождя и свежей листвы. На ярко-синем небе не было видно ни одной тучки.

"Сколько же я болела, — подумала она, — неужели целую зиму?" Она подумала о маме и тут же поняла, что не видела ее почти вечность. Но почему-то ей трудно было представить лицо своей матери, и уж совсем не помнила она лица отца — они словно скрывались в какой-то туманной дымке. Стоило ей попытаться вспомнить своих родителей, как вокруг вставала полутемная спальня, шепот и осторожная беготня слуг и глаза мамы — испуганные, тревожно-умоляющие. Единственное, что она хорошо помнила, — это то, что мама ее была королева, а отец — король.

Откуда-то тянуло вкусными запахами — как видно, в дворцовой кухне

готовили завтрак. Ее мама, наверно, уже проснулась и, конечно же, будет рада видеть свою маленькую дочь. За окном начинался чудесный день, и столько надо было успеть сделать.

Широкий карниз, проходящий у нее под окном, выводил на галерею, опоясывающую весь дворец. Она не раз уже пользовалась им, когда хотела ускользнуть, не замеченной служами. Вылезя из окна, она пробралась по карниzu и уже шагнула на парапет галереи, как какая-то огромная черная птица с криком сорвалась сверху и вцепилась ей в волосы когтистыми лапами. Крик ее звучал как-то странно, словно смеялась очень злая женщина.

Исмаэла ахнула, изо всех сил цепляясь за парапет, но черная птица тянула ее вниз. Если бы принцесса отпустила руки, она наверняка разбилась бы насмерть о каменные плиты двора.

Черные когти терзали ей волосы, черные крылья били по лицу. Взглянув вверх, она увидела, что в небе парят десятки таких птиц и все эти черные твари снижаются к ней. От взгляда их мертвых глаз у принцессы кровь стыла в жилах. Исмаэла глянула вниз и увидела две маленькие фигурки, бегущие по саду. Это были ее отец и мать. Лица их были обращены к ней, губы повторяли ее имя.

— Исмаэла, бедное мое дитя! Когда же ты наконец вернешься к нам? — шептала Руфия, склонившись над бледным лицом принцессы.

За эти страшные дни королева словно состарилась на десять лет. Она была бледна, глаза ее потеряли блеск, а волосы потускнели. Афратес с горькой нежностью смотрел на ее мокрое от слез лицо, проклиная собственную беспомощность отца и правителя. Над городом стояло зарево тысячи огней, бледные тени слонялись по его улицам. Многие, впав в безумие, кричали, кривлялись и распевали песни — иногда под самыми окнами дворца. Но ни огни, ни крики не могли разбудить его маленькую дочь. Уже много дней лежала он неподвижно в своей постели, и только выражение ужаса, время от времени искажавшее детские черты, говорило о том, что она жива.

— Как долго еще сможет она продержаться? — прошептала Руфия, полуобернувшись к

мужу. — Если бы они хоть слали вести о себе!.. Последний раз голубь прилетал в прошлое полнолуние.

Афратес отсутствующе посмотрел в окно.

— Даже если бы они вернулись без лотоса, — вздохнул он, — это бы хоть как-то поддержало город. Мы совершенно беззащитны теперь. — Скользя безразличным взглядом с предмета на предмет, он вдруг обратил внимание на два столба черного дыма, поднимавшиеся над городом. Издалека донеслись ужасающие вопли — страха или восторга, определить было невозможно.

— Нет, нет! Они вернутся с цветком! — с силой выдохнула Руфия. — Я знаю Конана не один год... С ним ушли лучшие... хотя, конечно, ты прав. Сейчас нам их очень не хватает. Но, муж мой, что же мы будем делать, если они все-таки не вернутся?

Король повернул к ней измученное лицо:

— И думать не смей. Я уже говорил тебе: черная магия обходится дороже, чем ты за нее платишь. Пусть уж лучше погибнет наш род и весь мой город, чем я пойду на поклон к жрецам Сэта.

— Но мы и так в тенетах колдовства! Разве Зерити — не черная колдунья? — Руфия поднялась с постели дочери, подошла к мужу и взяла его руки в свои. — Афратес, в нашем городе есть черные маги, которые могут противостоять этой ведьме. Что с того, что они преданы Сэту? Наши боги не в силах защитить наш город — быть может, защитят чужие? И вспомни, ведь Конан и сам сейчас в Стигии! Если пообещать им много золота, они помогут ему скорее вернуться...

— Довольно! — оборвал ее король. — Баалур никогда не был данником Стигии и не станет, пока я жив. Я не хуже тебя знаю, что среди моих придворных и близких к нам людей сейчас только и разговоров о том, чтобы поскорее сдаться на милость Сэту. Но я доверился твоему Конану, я дал ему лучших воинов и столько золота, сколько смог. Если он не вернется сам, без помощи черных магов, — что ж, значит, не вернется. Пусть уж лучше весь город сгорит в огне пожарищ и сойдет с ума, чем поклонится темным богам!

Глава 23

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вулкан в долине пробуждался к жизни — приходилось спешить.

На головы сборщикам лотоса постоянно сыпался жирный черный пепел; новые и новые щели со струйками пара раскрывались на склонах горы. Темные, желтобрюхие тучи уже не исчезали с горных вершин, и с каждым дождем поднимался уровень воды в реке.

По счастью, основные заросли лотоса были довольно далеко от вулкана, и сборщикам лишь изредка приходилось уворачиваться от летящих им на головы раскаленных камней.

Каждое утро новый отряд, обвязавшись веревками, уходил через пещеру к истоку Стикса и возвращался с мешками, полными серебристых цветов.

С каждым днем плотно упакованные, почти спрессованные сухие лепестки занимали все больше места в специально отведенном для этого закрытом отделении на корме баркаса. И с каждым днем все больше увеличивалась опасность того, что их застанет разлив реки или извержение вулкана.

Работая вместе со всеми на сборке либо на сушке лотоса, Конан прикидывал, какой дорогой им лучше возвращаться в Баалур. С одной стороны, сразу после разлива Стикс был судоходен почти везде; но с другой — Зерити, потерпевшая неудачу, а потому наверняка очень и очень злая, непременно попытается натравить на них весь стигийский флот.

Наконец настал тот день, когда они не смогли войти в пещеру — настолько высок был уровень воды. Но даже того запаса лотоса, что они уже успели набрать, хватило бы на исцеление целого государства, и Конан решил отправляться.

Все то время, что большая часть людей собирала лотос, девять или десять человек готовили к отплытию лодки и запасали впрок пищу. Поэтому, когда Конан распорядился сворачивать лагерь, все было готово к возвращению в крепость.

Каспиус, вдыхавший аромат лотоса каждый день, ибо через его руки проходили все цветы до последнего, заметно приободрился и даже помолодел. Целительные свойства лотоса были, несомненно, налицо, и ему не терпелось проверить их не только на себе.

Изменился и Нк'ча. Узрев воочию своего бога, он счел его слишком ужасным на вид и был обращен Каспиусом к свету солнцеликого Митры. Чернокожий охотник оказался очень полезен, особенно во время охотничьих вылазок. Его короткие отравленные стрелы убивали антилопу прежде, чем кто-либо из шемитов успевал ее увидеть.

Свернув лагерь и погрузившись на лодки, они начали спуск вниз по течению, а разлив шел за ними по пятам. Добравшись до развилки реки, они не нашли никаких признаков того, что отряд Лампридиуса побывал здесь раньше и уже спустился к водопаду. Прибывающая вода могла смыть оставленные знаки, поэтому было решено не дожидаться у развилки, а сразу продолжить спуск.

Продвижение вниз по реке оказалось куда более быстрым, чем они ожидали, и Конан едва успел отдать команду бросить за борт камни, служившие лодкам якорями. Крикни он это часом позже, и весь маленький флот оказался бы в водопаде вместе с пожитками и серебряным лотосом.

Река разливалась все шире; она уже частично затопила луга. Перед ночной стоянкой Конан велел отвести лодки как можно ближе к берегу и закреплять их не якорем, а привязывая к крепким деревьям. Он оказался прав: наутро до лодок пришлось добираться вплавь. Встав на дневку на вершине холма, они принялись дожидаться второго отряда, продолжая пополнять

запасы пищи. К концу дня вверху на реке показалась как бы россыпь черных точек. Она стремительно приближалась, и было видно, что плывущие в лодках не в силах выбраться из стремнин. Конан велел спускать на воду большую лодку и, удерживая ее шестами и якорем, успел перехватить баркас Лампридиуса, который, не окажись здесь поджидавших его людей, неминуемо свалился бы в водопад.

Воссоединение отряда было отмечено вечерним пиршеством с мясом антилопы и отваром из серебряного лотоса. Лампридиус был, по его собственным словам, "слегка поцарапан", и после ужина Конан явился к нему в шатер узнать, как прошло путешествие.

— Мы проплыли около сотни лиг вверх по течению, — рассказывал Лампридиус. — По ночам наш лагерь постоянно посещали львы и шакалы. Они не трогали людей, но лошадей мы лишились очень быстро. Сначала река была совершенно необитаемой, а потом впереди показались дома и даже какое-то подобие обработанной пашни. Но мы не знали местного языка, а эти чернокожие не понимали нас, поэтому обменяться даже простейшими сведениями о себе нам не удалось. Но я заметил, что лодки у них прочные и удобные, — судя по всему, они плавают на них и вверх, и вниз по течению. Мне показалось, что они знаками пытались уговорить нас не ходить вверх по реке, но я не придал этому значения.

Через несколько дней мы увидели на реке целый город. Дома стояли на сваях, порой прямо в воде, а от дома к дому жители перемещались в маленьких лодках из звериных шкур, и эти лодки они могли при случае просто взять и унести на голове. Все люди в том городе на сваях были совершенно черные и смотрели на нас так, будто раньше вообще никогда не видели белого человека.

Едва мы приблизились к городу, как путь нам преградила по меньшей мере дюжина лодок, и в каждой было полно вооруженных мужчин. Они ясно дали понять, что не желают, чтобы мы поднимались дальше или даже высаживались на берег. Я попытался купить их радущие всяческими безделушками, которые уже не раз шли у нас в ход, но они не хотели брать ничего, только били в свои барабаны и кричали, как рыжие обезьяны в ветвях. Ну, так или иначе, а завязалась драка.

Мы захватили три их лодки, но и сами понесли большие потери. Этой дырой в ноге я обязан самому высокому из их копейщиков. Мы решили вернуться к назенненному месту с захваченной добычей и так и сделали, и эти чернокожие еще шли за нами по пятам не один день. Но, когда река стала подниматься, они бросили преследование. Мы разбили лагерь на берегу, и я думал задать им хорошую трепку, поскольку моя нога поджила, но рана загноилась, и полегчало мне только сейчас, после того как Каспиус ее чем-то смазал. Я надеялся, что, если вы тоже потерпели неудачу, мы объединимся и сотрем эту деревню с лица земли...

Он был явно зол на чернокожих воинов, которые оказались не менее искусны и отважны, чем он сам. Конан невольно улыбнулся.

— Теперь уже не до того, — сказал он. — Мы не можем задерживаться: нас ждут в Баалуре. — Он с жалостью взглянул на раненого: сегодня Каспиус сказал ему, что ногу, вероятнее всего, придется отнять. Мальчик явно не блестал талантами военного вождя, но довольно было и того, что он сумел привести отряд назад и даже захватить какую-то добычу. Три лишних больших пироги были им сейчас очень кстати.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы перетащить лодки и груз через водопад. Знакомцы из племени Нк'ча несколько раз являлись их проводить и предложить нехитрую помощь, но тащить лодки вниз было гораздо легче, чем вверх, и шемиты справились сами.

Конан ожидал, что здесь Нк'ча оставит их, и был немало удивлен, когда услышал от чернокожего, что тот оставил людоедство, перешел в иную веру и собирается плыть с ними до самого Баалура. Он не отходил от Конана ни на шаг, глядя на него с тем почтением и обожанием,

с каким смотрит пес на своего хозяина. Первое время киммериец гонял от себя своего добровольного раба, но потом махнул рукой.

Разлив добавил в Стикс свежей воды и превратил болото в настоящее озеро, поэтому обратный путь через джунгли отнял у них сил и времени вдвое меньше против того, что они затратили, поднимаясь вверх по течению. Не успела народиться новая луна, как они были уже у Большого Ущелья. Здесь следовало решать, сплавляться ли дальше по реке, или возвращаться той же тропой костей, какой пришли. Конан сомневался, что зуагиры за это время успели забыть обиду, нанесенную их Пророку, а потому оттягивал высадку на берег.

— Быть может, нам следует довериться Стиксу? — сказал ему Каспиус на вечерней стоянке. — Река сильно поднялась, и пороги, вероятно, остались теперь на глубине десяти, а то и двадцати локтей. Давайте попробуем выслать вперед одну или две лодки — быть может, они пройдут пороги невредимыми и сообщат Турио, что мы близко и нуждаемся в его помощи.

Конан нахмурился и кивнул, соглашаясь:

— Да, надо попробовать. Но все же, мне кажется, придется идти верхом.

Один из смельчаков на следующее же утро отправился в лодке через пороги, а вдоль берега поехали трое или четверо верховых. Два дня спустя двое из них вернулись, принеся радостную весть: на полпути к крепости они повстречали торговый караван из Иранистана, охраняемый всадниками Турио. Молодой военачальник, оставшись за старшего, судя по всему, в точности соблюдал распоряжения Конана.

Через пять дней двое ушедших с караваном всадников вернулись, приведя с собою две сотни верховых. Искателей лотоса встретили восторженными криками и без дальнейших приключений отконвоировали в крепость на берегу.

За три дня перехода ни один зуагир не посмел и близко к ним подойти.

Судя по всему, крепость под началом Турио процветала, хотя начавшийся разлив и затопил близкий брод через реку. Весть о том, что шемиты поставили лагерь и за умеренную плату проводят караваны через пустыни зуагиров, вмиг облетела всех торговцев Стикса, Турана и Иранистана, и в желающих воспользоваться услугами баалурцев не было недостатка. Турио заставил банды кочевников одну за другой идти в иные места в поисках легкой поживы. Смельчак, пустившийся через пороги в лодке, до лагеря не доплыл, и потому радостную весть о том, что лотос найден, Турио получил вместе с приехавшими всадниками.

Сделав последнюю большую остановку в пути на лугу, где Конан встретился с чернокожими, караван с лотосом вскоре пересек пустыню и вышел по западному берегу к бывшему броду, через который и был переправлен на одной из галер.

— Нет, об этом даже речи быть не может. — Турио за эти дни прошел неплохую школу, и потому слова его звучали еще самоувереннее, чем обычно. — Ни о какой попытке пойти над порогами или о чем-то подобном. Мы пройдем их так, как шли, с галерами на плечах, или, если понадобится, купим новые.

Конан рассмеялся: юноша страстно защищал то, от чего наотрез отказался несколько полнолуний назад.

— Ерунда, мой добный Турио, — отзвался киммериец. — Твои разведчики недавно прошли там и вернулись живыми и невредимыми. Высоко в верховьях Стикс превратился в узенький ручей — и мы прошли по нему. Разлив поднял реку, она стала более судоходна, чем прежде. Ее струи пронесут нас над порогами при полной загрузке, и мы даже не заметим, как прошли!

Обе половины баалурского воинства были воссоединены, драгоценный груз лотоса поднят на галеры, и ничто не мешало им отплыть по направлению к дому в любой день. Все хотели

оказаться в родных краях как можно скорее, хотя некоторые с удовольствием остались бы сопровождать караваны еще на несколько месяцев — дело оказалось прибыльным.

— В любое другое время, ты прав, я сам не рискнул бы идти над порогами, — заключил свою речь Конан. — Но в самом начале разлива нам может повезти.

— А если нет? — отозвался Турио. — Подумай сам, господин мой, стоило ли проделывать весь этот тяжкий путь вверх по реке, собирать лотос, а потом спускаться на самом хребте обрыва, чтобы в один миг из-за собственного безрассудства потерять и людей, и груз! После стольких месяцев пути стоит ли выгадывать один-два дня?

— Стоит, ибо у нас на счету каждый час, — уже сердито возразил Конан. — Зерити помчалась к жрецам Сэта искать защиты и мести, она поднимет против нас всю Стигию, и, замешкайся мы хотя бы на день, у Луксура нас встретит армада дромонов с катапультами и таранами, а не с кривляющимися девицами!

— Хорошо, господин мой, но сделай хотя бы вот как: чтобы облегчить наши корабли, вели большому отряду тех всадников, что хуже остальных переносят реку, взять половину груза и ехать берегом. Я, если хочешь, сам поведу их. Так мы в худшем случае не лишимся сразу всего. Ниже по течению мы вновь соединим силы, а если нет, то всадники поедут в Баалур прямо через пустыню, хоть это и очень опасно.

План был неплох, и Конан согласился. Разделив груз и отобрав в отряд Турио наиболее «сухопутных» баалурцев, Конан взял на себя командование четырьмя галерами и, препоручив свою судьбу богам, двинулся в обратный путь.

Разливающийся Стикс более чем когда-либо походил на воплощение Великого Змея. С каждым днем он все беспокойнее ворочался в шкуре своих извилистых берегов, и с каждым днем старая шкура становилась ему все более мала, и он влезал в новую, чтобы к новому утру сбросить и ее. Этот огромный змей мчался через степи и пустыни все быстрее, сметая могучим хвостом деревья, камни и тех несчастных, что осмеливались встать у него на пути.

Черные воды Стикса становились грязно-белыми: он размывал меловые наслоения и к тому же нес с собой тучи песка. В его потоке, и без того безумном, возникали поперечные течения, воронки и водовороты. Несколько раз галеры едва не посадило на заносы, буквально в одночасье скапливавшиеся в узких местах: достаточно было лечь поперек сухому дереву, унесенному разливом, как на него тут же насылались вырванный тростник, старые тряпки, доски и прочие обломки, что всегда несет с собой разливающаяся река.

Нижние пороги приближались, и грохот реки становился все нестерпимее. Теперь людям невозможно было заснуть ни днем, ни ночью, потому что даже тысячи барабанов не могли произвести тот шум, с которым Стикс несся по Сгибу.

Выждав день ради ясных, безветренных сумерек, Конан направил корабли в самый водоворот. Каким-то чудом счастливо избежали они удара о стену ущелья, об которую река громила в щепы все, что несла с собою. К ночи их вынесло за поворот. Там они нашли тихую заводь, бросили якоря и в ожидании Турио принялись за мелкий ремонт, необходимый после столь опасного участка. Турио и его отряд появились через два дня. Они тоже не потеряли ни единого человека. Воинство Баалура снова воссоединилось. Торопясь пройти как можно больше в темное время суток, они снялись с якоря в тот же вечер и плыли до самого рассвета.

Разливаясь после Сгиба огромным морем над пахотными и луговыми землями, Стикс нес теперь свои воды неторопливо и с достоинством, как и подобает реке, с серединой которой можно было лишь с большим трудом различить как северный, так и южный берег. Шемитские поселения здесь пока еще встречались редко, зато часты были города и мрачные храмы, где мертвых жило больше, чем живых. Поэтому, когда однажды утром перед ними замаячили вдали яркие паруса большой флотилии, все были уверены, что это — корабли стигийцев. Конан

насчитал шесть больших галер, каждая из которых двигалась на десятке дюжин весел. Они не двигались навстречу, а стояли, выстроившись в линию прямо поперек потока, явно поджиная корабли шемитов.

Конан знал о стигийцах не много, но того, что он знал, было достаточно, чтобы уверить баалурцев: лучше самая мучительная смерть, чем рабство на этих галерах. Кроме рабов, на них плыли только жрецы и разряженные в золото военачальники. Солдатами на этих кораблях были рабы, которых лишь перед битвой выпускали из трюмов, раздавая оружие с обещанием свободы, если битва будет выиграна.

Это превращало сражавшихся в безумцев, ищущих если не победы, то хотя бы смерти.

Желая рассмотреть противника поближе, Конан велел сушить весла и поднять паруса, чтобы немного замедлить движение галер, мчавшихся на строй со скоростью речного потока.

— Сигналить, всем поворачивать к левому берегу и идти как можно тише! — распорядился Конан, вглядываясь в дромоны, командам которых приходилось постоянно грести, чтобы удерживать корабли на одном месте. — Всем по местам! Приготовиться к маневру!

— Но, Конан, — удивился Каспиус, стоявший рядом на баке, — не мудрее ли будет двигаться вправо? Все-таки левый берег как-никак стигийский...

— Взгляни туда! — Конан указал на едва различимое скопление у южного берега. — Там корабли поменьше. Начнем с них. Ну, ребята, по моей команде рубите прочь снасти... давай!

Паруса и снасти полетели в воду и, подхваченные течением, понеслись прямо на дромоны. Один из кораблей тут же запутался в этой мешанине и рулем, и веслами. Поток немедленно потянул его вниз, и вскоре, беспомощный, он исчез из виду.

— Ну, теперь правьте прямо на пристань! Веселей, ребята, и мы прорвем их строй!

Видя, что галеры шемитов развернулись к гавани, оставшиеся дромоны тоже устремились туда, отрезая баалурцам путь. Пересекая гавань под углом, корабли сходились почти перпендикулярно. Конан только этого и добивался. Велев гребцам налечь на весла, он устремился к ближайшему дромону и вспорол ему бок медным тараном своей галеры. Подав назад, Конан высвободил галеру и, прежде чем враг успел опомниться, развернулся и ушел в сторону. Лишь на несколько мгновений его легкий корабль оказался борт о борт с неуклюжим дромоном — и тогда с борта асгалунца вылетела туча стрел. Пока тяжелые стигийцы разворачивались и выгребали против течения, галера Конана была уже снова на середине реки.

— Им мало! — хохотал Конан, глядя, как еще один корабль пытается развернуться, чтобы ударить галеру с тыла. У киммерийца всех потерять пока были только им самим же срубленные мачты, а два стигийских корабля меж тем уже были выведены из строя. — Барабаны, удвоенный ритм, вон на нас идет еще один ищущий смерти!

Развернувшись, Конан снова повел галеру на таран, тогда как остальные его суда заходили с боков, расстреливая стигийца из арбалетов.

— Крепче стисните зубы! — крикнул киммериец, и в следующий миг таран галеры с треском вонзился в стигийское судно недалеко от кормы.

Восторженный рев со всех четырех кораблей мешался с каркающими проклятиями стигийцев. Их тяжелые суда не могли противостоять верткой, сильной галере киммерийца. На таких галерах исстари одерживали все свои кровавые победы пираты Барахских островов, и Конан, сам поплавав пиратом, хорошо знал все преимущества этого корабля в бою на большом водном пространстве, где было достаточно места для маневра.

Два самых больших дромона стигийцев пока еще стояли неподвижно посреди реки, и Конан время от времени с тревогой взглядал в их сторону. Меж тем третий корабль пытался атаковать шемитов, направив свой удар на одну из грузовых галер, но промахнулся и был немедленно расстрелян из арбалетов и катапульт.

— Подойдем мы к ним поближе? — спросил Каспиус, увлеченный азартом схватки. — Мы могли бы легко проделать дыру в его левом борту!

— Нет, этого мы как раз делать не будем, — заявил Конан. — Зачем же дырявить такой отличный трофей? Мы захватим его как военную добычу, он и так уже почти наш. Гораздо больше меня беспокоят вон те двое. Им ничего не стоит проделать дырки в наших левых бортах! Чего они выживают?

Злосчастный дромон и в самом деле уже почти принадлежал шемитам. В борта его впились багры и крючья, на палубу с яростными воплями посыпались баалурцы. Не успел Конан подойти ближе, как все было кончено. На галере остались лишь прикованные к скамьям рабы, а они скорее ожидали милости от захватчиков-шемитов, чем от прежних хозяев.

— Повоевали, и хватит! — проворчал Конан, по-прежнему глядя на неподвижные корабли впереди. — Против этой пары нам не выстоять. Нужно как-то умудриться проскочить у них под носом... Эй! — крикнул он вниз. — На нижней палубе! Готовьте катапульту! Гребцы, полный ритм!

Видя, что Конан намерен прекратить сражение, шемиты отрядили часть своих команд на захваченное судно и двинулись вслед за аргосийской галерой. Два больших дромона по-прежнему преграждали им путь.

— Обходите их по большой дуге! — крикнул Конан. — Готовьте катапульты!

Поток медленно выносил их на середину реки. Словно Стикс говорился со своими детьми и теперь волок вражеские корабли прямо в руки стигийцам. Как ни старались рулевые, они не могли выйти из стремнины. Два корабля неотвратимо приближались. Уже можно было разглядеть изображение зеленого Змея. Захваченный корабль давал шемитам численное преимущество, но Конан хорошо видел, что стоит стигийцам пустить в ход большие катапульты, и от расправы уйдет только аргосийская галера.

— Вдоль берега идет конница! — крикнул дозорный. — Скоро они нагонят нас!

— Так эти двое просто отжимают нас к берегу! — сквозь зубы проговорил Конан. — Правьте прямо на них! Высадиться на берег мы всегда успеем.

— Конан, — дотронулся до его плеча Каспиус, напряженно вглядывавшийся в стигийские корабли. — Они пошли на нас.

И в самом деле, взмахи весел на больших галерах стали сильнее и чаще, по реке далеко разносился свист кнута, которым подгоняли гребцов.

— Быть может, если мы пойдем им навстречу с еще большей скоростью, они испугаются прямого столкновения и отвернут в сторону — или это сделаем мы, — пробормотал Каспиус. — Но каким-то образом нам надо проскочить мимо.

— Мы-то проскочим, — отозвался Конан. — А что будут делать галеры с лотосом?.. Всем на весла! На всех кораблях приготовиться грести что есть силы по моему сигналу!

Шемиты замедлили движение: теперь они шли только на парусах и благодаря силе потока. Заметив это, стигийские корабли увеличили скорость, видимо желая воспользоваться внезапной растерянностью врага. Громады их надвигались с каждым взмахом весел.

— Проклятье! — вскричал вдруг Конан. — Эти собаки что-то затеваюят!

Корабли стигийцев подошли уже настолько близко, что видно было движение людей в темных плащах с капюшонами у них на борту. Взяв в руки каждый по кожаному мешочку, они принялись вскидывать в воздух щепотки сверкающей пыли. Чувствительный нос киммерийца уловил знакомый запах "болотного зелья". Достаточно было несколько щепотей такого порошка, чтобы превратить в зловонное болото небольшое озеро — правда, ненадолго, не более чем на день.

— Ходу! — взревел киммериец, с ужасом представив себе, во что превратится вода вокруг

через несколько минут. — Это еще хуже, чем праматерь всех рыб! Гребите сильнее, если хотите снова увидеть родные берега!

Кроме Конана, никто не понял, что готовят им стигийцы, но, увидев, что боевая галера рванулась вперед, команды на остальных судах развернули все паруса и налегли на весла. Плеск и взмахи тысячи весел разом задержали колдовство на насколько лишних мгновений. Это спасло их. Со всею возможной скоростью пролетели шемиты мимо двух огромных дромонов, чихая от колдовского порошка, и выбрались на стремнину. Река подхватила их и понесла прочь от проклятого берега. Конан перевел дыхание.

— Сегодня впервые в жизни вознесу я молитву Сэту! — заявил он Каспиусу. — Если и впрямь Стикс — его воплощение, то унес он нас как нельзя более вовремя!

Глава 24

СВЕТ В БАШНЕ

По поводу возвращения баалурского войска в Асгалуне было устроено настоящее празднество. В гавани, размахивая зелеными ветками, толпились у причалов восхищенные жители, а с площадок и стен Верхнего города оглушительно трубили фанфары. Едва только пять кораблей пристали к берегу, их вышел встречать на канал сам король Маздок. Его ладья торжественно вплывала в гавань в сопровождении большого эскорта множества нарядных лодок — с теми царедворцами, кого удалось спешно собрать для неожиданного парада.

— Восславьте героев, — вскричал король, когда на сходнях появились люди, — и восславьте Конана, Властелина Черной реки! Слава тебе, сходившему на край света, и добро пожаловать снова в наш город! Как только мы получили весть о твоем прибытии, сразу стали готовиться к большому празднику, — но ты почти нагнал вести о себе!

— Благодарю, старый друг. — Конан от всей души стиснул короля в своих медвежьих объятиях. Затем обернулся к ликующей толпе и поднял руку, требуя внимания: — Не так уж легко было слать о себе вести за несколько тысяч лиг от твоего гостеприимного города!

Слова его потонули в восторженном реве. Тем временем Каспиус обменивался приветствиями с королем и теми людьми из свиты, кого знал лично. Рядом с ним, тараща белые глаза на огромный город и толпы народа, стоял Нк'ча, чернокожий воин.

— Мы прошли через множество опасностей, — продолжал Конан, — и путь наш еще не завершен. А потому прошу тебя, старый друг, подожди немного с празднествами. Нам не терпится попасть наконец домой.

Солдаты и матросы с галер были препровождены во дворец для мытья с дороги и ужина, а Маздок отвел Конана в сторонку.

— Я должен принести тебе свои глубочайшие извинения, — серьезно сказал король. — Я говорю об этом негодяе, Гулизаре. Мы тут поймали парочку пиратских галер, и от них я узнал, что с ним стало. Знай я, что это за птица, его голова...

— Хорошо сказано, Маздок, и сказано достаточно, — отзвался Конан. — Его голова покоится на дне Стикса. А что касается тебя, то без твоей помощи, а главное, без этой прекрасной аргосийской галеры мы потеряли бы куда больше, чем от предательства одного негодяя. — Обернувшись к гавани, он указал на корабли, чуть покачивавшиеся у причалов: — Посмотри туда. Мы привезли твои галеры обратно... правда, нельзя сказать, что в целости и сохранности, но мы старались, как могли. И, надеюсь, тебе понравится тот стигийский дромон. Он твой вместе с командой, прими его от меня как благодарственный дар.

Маздок, сощурясь, посмотрел на друга:

— Превосходно! В ответ на это я скажу, что сохранил ваших быков и повозки, можешь востребовать их назад в любой миг. Я видел, у тебя большая нехватка лошадей, я предоставлю их тебе сколько угодно, а также свои войска, чтобы спокойно миновать границы Недрессара. Но сначала я хотел бы услышать о твоих путешествиях — с начала и до конца. На этот раз, я надеюсь, ты задержишься в Асгалуне?

— Увы, государь, — ответил за Конана Каспиус, — это невозможно. Нас не было многие месяцы, и никто не знает, что происходит в нашем многострадальном королевстве...

— Верно. — кивнул Конан. — Мы должны как можно скорее вернуться в Баалур — ибо нашли, что искали.

— Хорошо, я согласен, что это мудро — хотя и весьма огорчительно, — вздохнул король. —

Вести из Баалура доходят очень медленно, но я слыхал, что над ним по-прежнему висит это проклятие. Так что вас там, конечно, ждут с большим нетерпением, чем здесь.

— Я надеюсь быстро облегчить страдания всех, кого мучают дурные сны, — кивнул Каспиус. — Лотос оказался превосходным средством. Я испробовал его на себе — и берусь утверждать, что, если уж он справился с моими кошмарами, справится и с остальными. Если бы это средство было абсолютным против всех чар! — Королевский лекарь со вздохом взглянул на море. — Ибо пока ведьма Зерити жива, Баалур не может чувствовать себя в полной безопасности.

— С каким бы удовольствием я оторвал ей голову с ее тонкой шеи, — отозвался Конан. — Но это бесполезно: она не человек, а злобный дух, ифрит. Простой смертный не в силах ни убить, ни сколько-нибудь серьезно ранить ее.

Нк'ча, бессменный телохранитель Конана, за весь разговор не проронил ни слова. Нельзя сказать, чтобы он плохо понимал суть беседы, скорее, его ум был занят тем великолепием, какое созерцали его глаза. А дикари не умеют делать два дела одновременно.

Ближе к вечеру, после обильного ужина и показа привезенных диковинок, король Маздок со свитой и Конан с начальниками отрядов отдыхали в одном из внутренних двориков большого королевского дворца. Во дворце и в саду вовсю предавались веселью солдаты и младшие слуги — выкрики, возня в затененных беседках и хмельные песни доносились на второй этаж дворца приглушенным гулом. Король предоставил солдатам на эту ночь всех девиц борделей города, и баалурцы не теряли времени даром.

Из всех гостей короля не предавался блаженному отдыху один лишь Нк'ча. Изваянием из черного дерева стоял он у открытого окна, напряженно вглядываясь в уродливую башню, с которой спрыгнул, покончив с собой, безумный король Ахиром.

Заметив пристальный взгляд дикаря, Конан встал и подошел к нему.

— В чем дело, парень? Тебе что-то не нравится?

Ответом было единственное слово, произнесенное испуганным шепотом:

— Зерити.

И Нк'ча глазами указал на высокую башню. Маздок, стоявший от Конана всего в нескольких шагах, живо обернулся на это имя.

— Та башня пустует вот уже многие годы — с тех пор как полуумный колдун бросился с нее, — возразил он. — Гляньте на нее, она же вот-вот обрушится! Как может быть...

— Как угодно, — оборвал его Конан, кладя ладонь на рукоять меча. — А может, Нк'ча мерещится. Проще всего пойти и проверить. — Несколько пошатываясь от выпитого вина, он решительно направился к двери.

— Погоди, — удержал его за рукав Маздок. — Я пошлю туда дюжину моих стражей, они прочешут всю башню сверху донизу...

— Неужели их мечи лучше против колдовства, чем мой? — возразил Конан. — Н-нет, я лучше сам посмотрю.

Каспиус, поднявшийся из-за стола вслед за ним, нагнал его у верхней ступени.

— Когда вы найдете ее — если найдете, — отыщите на ней амулет или какой-нибудь талисман, в котором должно быть заключено ее бессмертие. Быть может, уничтожив его, можно будет уничтожить и ее — или превратить обратно в смертную женщину.

Вслед за Конаном ловить ведьму в башне увязалась большая шумная толпа, но на ступенях уродливого здания она отхлынула и притихла. Подойдя к обитой полосами бронзы дубовой двери, Конан высадил ее двумя ударами плеча.

— Подожди меня! — нагнал его оклик Маздока. — Это все-таки мое королевство, и ты не

можешь запретить мне идти с тобой в эту проклятую башню!

Башня стояла над самым каналом, подвал ее уже десятилетия был залит водой, и Маздок сморщился, протиснувшись вслед за Конаном на первый этаж.

— Тыфу! Воняет гнильем и летучими мышами! — сплюнул он. — Ну, ты убедился, что здесь ничего нет? Здесь никто не бывал уже лет десять или больше. Ты все еще хочешь обыскать башню?

Конан молча кивнул. Оставляя следы в толстом слое пыли, он осторожно направился к лестнице, ведущей наверх. Маздок пошел за ним, ворча:

— Напрасно ты забираешься так высоко, это развалина может рухнуть в канал в любой момент... — Но тем не менее он шел вслед за Конаном, отставая лишь на несколько ступеней — по числу бокалов вина, которых выпил больше киммерийца. На вершине лестницы открылась дверь в небольшое помещение. Из него вела наверх новая лестница.

— Здесь не меньше дюжины таких этажей, — крикнул Конану Маздок. — Ты что, полезешь на все? Киммериец, не слушая его, пошел вверх по ступеням. — Хоть погоди тогда, я велю принести факелы! — с досадой вымолвил король. — Раз уж тебе так понадобилось... Не ходи пока дальше, я сейчас вернусь!

Добравшись до седьмого уровня, Конан наконец увидел мелькнувший вверху свет. Уже двумя этажами ниже он почувствовал запах горящего масла, сейчас же к нему прибавился еще и едкий дым, от которого слезились глаза. На этом этаже явно кто-то был.

Приближаясь к источнику дыма, пахнувшего так знакомо — точь-в-точь так же пахла цветная пыльца в гробнице у истоков Стиksа, — Конан все больше утверждался в мысли, что Нк'ча не ошибся. Помимо знакомого запаха, он видел и знакомую картину: трупики летучих мышей, свежие и совсем высохшие.

Киммериец неслышно выругался. Кто стал бы искать проклятую ведьму в таком гнилом месте? Конан подобрал с досок тяжелый железный стержень и начал осторожно продвигаться на свет.

Внезапно прямо перед ним во тьме вспыхнуло чье-то лицо. Оно было не столько человеческим, сколько недочеловеческим: нависающий лоб, слишком широкие скулы, в сочетании с которыми квадратная челюсть замыкала лицо в треугольник. И хотя Конан никогда не видел той скульптуры, что изваяла Зерити, он шестым чувством узнал этот призрак. Джакала!

Прямо на него наплывала темная фигура в полтора человеческих роста. Конан покрепче сжал стальной прут и ударил — наискось, раз и другой. Дым всколыхнулся, развеялся и сгустился снова. Конан ударил еще раз — и только после этого понял, что перед ним не более чем призрак, безвредный морок. Варвар оставил его в покое и ринулся наверх.

Одолев последние несколько ступеней, он оказался в маленькой каморке под самой крышей башни. Здесь, едва мерцая, горел огонек тусклой лампы. А рядом с ним была Зерити.

Она стояла возле небольшого алтаря, окутанного клубами дыма с едким запахом магического порошка. Одетая в темный балахон, с лампой и щепотью порошка в руках, Зерити была явно занята каким-то подвластным ей чародейством. Увидев киммерийца, она зашипела, как сотня змей, и вскинула руки для заклинания.

Пол содрогнулся у него под ногами, но еще раньше дрогнули стены, трещины пошли от основания башни к вершине, и Конан, словно во сне, снова увидел огромное яйцо, из которого должен был вот-вот появиться на свет новый бог. Теперь таким яйцом служила башня...

Из тех, кто толпился на первом этаже с факелами в руках, не пострадал почти никто. Последним из падающей башни выскоцил король — когда уже осыпались стены. Те, кто

наблюдал падение башни из окон дворца, утверждали потом, что заметили темный предмет, плюхнувшийся в канал прежде, чем туда же обрушились верхние этажи. Как бы там ни было, Маздок не слишком удивился, когда, после того как камни стен и перекрытий ушли под воду, откуда-то сбоку из канала вынырнула человеческая голова со встрепанной и спутанной гривой черных мокрых волос.

— Ну, неуемный ты упрямец, много ты нашел там, на своей башне? — вне себя от радости завопил Маздок, помогая другу вылезти из воды. — Я говорил тебе, что она вот-вот рухнет!

— Что бы я там ни нашел, — смеясь, ответил Конан, — теперь оно уже точно мертвое. — Он оглянулся на темную воду канала. — И хвала Крому.

ЭПИЛОГ

В висячем саду белого дворца Баалура был накрыт небольшой стол на пять персон.

В тонкие чашках кхитайского фарфора был разлит светло-желтый ароматный напиток — крепкий взвар лепестков серебряного лотоса. Вокруг стола сидели король Афратес, королева Руфия, Каспиус и Конан. Все четверо выглядели отдохнувшими и посвежевшими, и королеве снова никто не дал бы больше тридцати лет, хотя на самом деле ей было все тридцать пять.

— Божественный напиток! — сказал Каспиус, отпивая из своей чашки. — Я еще не до конца изучил все его свойства, но могу смело утверждать, что он полезен при любой немочи. Я попрошу у вашего величества некоторой отсрочки моего постоянного участия в государственных делах, чтобы иметь возможность спокойно заняться изучением этого растения. Я прихватил с собой из долины несколько корневищ и семян и надеюсь вырастить его в нашей оранжерее.

— Ты можешь делать решительно все, что хочешь, — милостиво ответил король Афратес. — Мне будет тяжелее без твоих советов, но я не могу отказать тебе ни в чем. Но ты знаешь, мне кажется, что в последние дни перед самым вашим приездом болезнь отступила и без серебряного лотоса.

— Надо думать, коль скоро ведьма умерла! — ответил Каспиус, бросая многозначительный взгляд на Конана. — Но все же с лотосом дела идут на лад значительно быстрее. Я сейчас как раз изучаю несколько особенно тяжелых случаев...

— Он совсем не похож на те виды лотоса, с которыми я сталкивался, — сказал Конан, прихлебывая золотистый напиток. — Можете и в самом деле попробовать его выращивать у себя и продавать в другие страны как Особый Бальзам Баалура. Наживете кучу денег!

— Я думаю, мы уже достаточно счастливы хотя бы тем, что город наш освободился от проклятия, — улыбнулась Конану королева. — А богатство мы наживем как-нибудь иначе. Герои Баалура и так прославились этим походом на весь Шем, а имя Конана известно теперь даже младенцам в колыбели.

Киммериец поморщился:

— Вот если бы я привел назад всю тысячу живой и невредимой...

— Ни один подвиг не обходится без жертв, — заметил на это король. — Те, кто выжили в этом походе, — наше будущее. В них я буду теперь уверен, как в самом себе.

— Ну, те, кто остался в городе, тоже прошли через немалые испытания, — обронил Конан. — Хотя многие, как я слышал, их не выдержали — Шалманзар, например.

— Не упоминайте при мне этого имени, — нахмурился король. — Этот негодяй хотел продать нас стигийцам. А того двуличного жреца по имени Бандар-Хак недавно нашли на улице мертвым — видимо, убили свои же за то, что не справился с возложенной на него миссией. — Король отпил из чашки, и складка у него на лбу разгладилась. — Ну, да это все дело прошлое. Предателя прекрасно заменит Турио — я рад, что он вернулся живым.

— Да, — серьезно кивнул Конан. — Он показал себя в походе с самой лучшей стороны. Из него выйдет со временем отличный военачальник.

Королева взглянула на мужа, затем на киммерийца.

— А я полагала, что ты, Конан... Ну, быть может, ты сам займешь этот пост?

— Ох, Руфия, разумеется, нет! — Конан едва не поперхнулся отваром. — Я могу вести войска в битву или вверх по реке мертвых, но сидеть все время в городе, даже у подножия трона, — это не по мне!

— А вот все-таки интересно, — задумчиво сказал Каспиус, ни на кого не глядя, — какая же из тех рек была истинным Стиксом?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Конан. — Что так и не известно, могут ли побывавшие в этой долине огня и льда сказать, что они видели истоки самого Стикса? Что же, это, по-твоему, умаляет подвиг и славу тех, кто вернулся?

Каспиус уже открыл было рот, чтобы ответить что-нибудь язвительное, но тут рядом зазвенел чистый детский голосок:

— Угодно ли кому-нибудь еще лотосового отвара?

Спор погас, не начавшись, и все повернули лица к принцессе Исмаэле, стоящей на траве с подносом в руках. На подносе помещался большой чайник китайской же работы, над его носиком вился душистый пар. Как видно, она отняла поднос у слуги, захотев из озорства подкрасться к сидящим незамеченной. Последние признаки болезни оставили ее тело, это снова был румяный, веселый ребенок, каким и полагается быть ребенку двенадцати лет от роду — разве что еще немного бледный. Принцесса изящно поклонилась, очень довольная своей шуткой.

— Какая разница, — сказал Конан, глядя в ясные синие глаза дочери, — где мы были?.. Главное, мы привезли то, за чем отправлялись, а все остальное не имеет значения.